№ 2. СОЦIАЛИСТИЧЕСКАЯ БИБЛIОТЕКА. № 2.

П. А. Крапоткинъ.

Завоеванiе хлѣба.

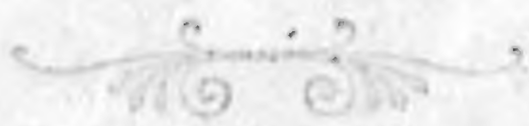
Переводъ съ французскаго

А. Тверитинова.

Съ предисловiемъ переводчика.

Цѣна 75 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издатель-редакторъ В. Яковенко.
1906.



Типографія М. Меркушева, Невскій просп., № 8.

Оглавленіе.

Нѣсколько словъ о П. А. Крапоткинѣ.

„Съ развитіемъ просвѣщенія и здраваго взгляда на жизнь будутъ постепенно ослабѣвать до нуля разныя слабости и пороки, рожденные искаженіемъ нашей натуры и страшно убыточные для общества, будетъ ослабѣвать и общій корень большинства этихъ слабостей и пороковъ—тщеславіе. Итакъ, съ одной стороны, трудъ будетъ становиться все производительнѣе и производительнѣе, съ другой стороны, все меньшая и меньшая доля его будетъ тратиться на производство предметовъ безполезныхъ. Вслѣдствіе дружнаго дѣйствія обоихъ этихъ измѣненій, люди придутъ когда-нибудь къ уравновѣшенію средствъ удовлетворенія съ своими потребностями. Тогда, конечно, возникнутъ для общественной жизни совершенно новыя условія и, между прочимъ, прекратится нужда въ существованіи законовъ для экономической дѣятельности. Трудъ изъ тяжелой необходимости обратится въ легкое и пріятное удовлетвореніе физіологической потребности, какъ нынѣ возвышается до такой степени умственная работа для людей просвѣщенныхъ. Какъ вы, читатель, перелистываете теперь книгу не по какому-нибудь принужденію, а просто потому, что это для васъ занимательно и что было бы для васъ скучно не посвящать чтенію каждый день извѣстное время, такъ нѣкогда наши потомки будутъ заниматься матеріальнымъ трудомъ. Тогда, конечно, производство цѣнностей точно также обойдется безъ всякихъ законовъ, какъ теперь обходится безъ нихъ прогулка, ѣда, игра въ карты и другіе способы пріятнаго препровожденія времени. Каждая пробужденная потребность будетъ удовлетворяться до сыта и все-таки останется за потребленіемъ излишекъ средствъ удовлетворенія; тогда, конечно, никто не будетъ спорить и ссориться за эти средства и распредѣленіе ихъ вообще будетъ обходиться безъ всякихъ особенныхъ законовъ, какъ нынѣ обходится безъ особенныхъ законовъ пользованіе водами океана: плыви, кто хочетъ,—мѣста всѣмъ достанетъ.

„Надежда на такое время — простой ариѳметическій расчетъ. Время это настанетъ: тутъ расчетъ такъ же вѣренъ, какъ то, что въ прогрессіи 1. 2. 4. 8. 16... явятся, наконецъ, члены, которые будутъ болѣе милліоновъ или какого вамъ угодно даннаго числа" [1]).

Это писалъ Николай Гавриловичъ Чернышевскій въ 1859 году.

Онъ вскорѣ долженъ былъ, какъ извѣстно, замолчать и, какъ впослѣдствіи оказалось, замолчать навсегда. На его мѣсто, на „славный постъ" у насъ въ Россіи всталъ съ 70-хъ годовъ Карлъ Марксъ. Идеи же Чернышевскаго распространялись не у насъ, а у другихъ болѣе свободныхъ, европейскихъ и американскихъ, народовъ двумя не менѣе, а гораздо болѣе извѣстными въ мірѣ, чѣмъ Чернышевскій, нашими соотечественниками: Михаиломъ Александровичемъ Бакунинымъ и Петромъ Алексѣевичемъ Крапоткинымъ.

Въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ Бакунинъ пропагандировалъ среди Интернаціонала, международнаго общества рабочихъ, идеи, выраженныя въ приведенной выше цитатѣ. Вслѣдствіе этой пропаганды, съ которою былъ несогласенъ Марксъ, въ сентябрѣ

---

[1]) Современникъ 1859, № 2. „Экономическая дѣятельность и законодательство".

1872 года на гаагскомъ конгрессѣ Интернаціоналъ раскололся или, вѣрнѣе, откололся отъ него Марксъ съ нѣмцами; всѣ же остальныя народности остались вѣрны идеалу Бакунина, который до самой своей смерти (въ 1876 году) дѣятельно распространялъ—хотя и не офиціально съ 1873 года—свои идеи въ Италіи, Испаніи и французской Швейцаріи.

Теперь, вотъ уже почти тридцать лѣтъ идеалъ Чернышевскаго-Бакунина съ огромнымъ успѣхомъ проповѣдуется въ Европѣ и Америкѣ П. А. Крапоткинымъ, переводъ главнаго сочиненія котораго здѣсь предлагается читателю.

Дадимъ краткія свѣдѣнія о жизни автора, взятыя нами изъ его книги: „Autour d'une vie".

Въ аристократическомъ кварталѣ Москвы, гдѣ пролегаютъ Арбатъ и Пречистенка, въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія жилъ въ собственномъ домѣ, считавшій себя за потомка Рюрика, полковникъ князь Алексѣй Петровичъ Крапоткинъ, первая жена котораго была младшая дочь корпуснаго командира, генерала Сулимы. Это и были родители нашего автора, который родился въ названномъ домѣ въ 1842 году, 9-го декабря. Въ апрѣлѣ 1846 года мать П. А. умерла отъ чахотки и оставила о себѣ у крѣпостныхъ мужа своего самое хорошее воспоминаніе; они, встрѣчая братьевъ Крапоткиныхъ, Александра и Петра, не разъ имъ говорили: „будете-ли вы такъ же добры, какъ была ваша мама? Она жалѣла насъ. Навѣрное и вы будете въ нее". Очевидно, она была передовая женщина: послѣ ея смерти, въ ея вещахъ нашли тетради съ запрещенной русской поэзіей, стихи Ламартина, поэмы Байрона. Мужъ ея былъ самый обыкновенный помѣщикъ того времени.

На восьмомъ году жизни съ маленькимъ Петей случилось необыкновенное происшествіе, опредѣлившее на много лѣтъ его судьбу.

Въ 1850 году Николай I справлялъ въ Москвѣ двадцатипятилѣтіе своего благополучнаго царствованія. Московское дворянство устроило для него костюмированный балъ, куда вмѣсто заболѣвшаго сына Назимовой, подруги первой жены полковника, и попалъ совершенно неожиданно Петя Крапоткинъ, долженствовавшій изображать представителя царства астраханскаго. Онъ такъ понравился Николаю, что тотъ велѣлъ записать его кандидатомъ въ пажескій корпусъ. Будущій пажъ обратилъ на себя вниманіе также и брата Николая, Михаила, извѣстнаго своимъ „солдафонствомъ", какъ тогда выражались; онъ получилъ отъ его высочества нѣчто въ родѣ того, что Помяловскій въ своихъ *Очеркахъ бурсы* называетъ вселенскою смазью, отъ которой оскорбленный мальчикъ заплакалъ и плакалъ до тѣхъ поръ, пока не заснулъ на рукахъ у Маріи Александровны, будущей императрицы.

Для воспитанія и обученія сыновей своихъ полковникъ Крапоткинъ пригласилъ француза Пулэна и студента Смирнова, Николая Павловича, о которомъ у П. А. осталось самое хорошее воспоминаніе, какъ о просвѣтителѣ. Въ юности на П. А. не малое вліяніе имѣлъ также братъ его Александръ, поступившій въ одинъ изъ московскихъ кадетскихъ корпусовъ въ 1852 году, умершій или, прямѣе, застрѣлившійся въ Сибири.

Въ августѣ 1857 года нашъ авторъ переѣзжаетъ изъ Москвы въ Петербургъ, его отдаютъ въ пажескій корпусъ, куда онъ поступилъ въ пятый классъ, поступилъ, слѣдовательно, по меньшей мѣрѣ, на пять лѣтъ.

Въ Петербургѣ, преподаватель русскаго языка (въ пажескомъ корпусѣ) Классовскій и радикальная литература того времени сильно повліяли на автора съ одной стороны, а съ другой въ томъ же направленіи вліяла придворная жизнь, въ которой П. А. долженъ былъ принимать участіе, въ особенности послѣдній годъ пребыванія его въ корпусѣ, когда онъ сталъ камеръ-пажемъ.

Авторъ въ своихъ *Запискахъ* разсказываетъ, какъ онъ сначала былъ очарованъ Александромъ II, царемъ-освободителемъ, но вскорѣ онъ въ немъ разочаровался. 6-го января 1862 года онъ былъ дежурнымъ при императорѣ и вмѣстѣ съ нимъ былъ на, такъ-называемой, Іордани. Былъ сильный морозъ; одинъ изъ лысыхъ генераловъ, боясь простудиться, надѣлъ парикъ, который во время молебна съѣхалъ со своего мѣста; замѣтили это великіе князья и самъ царь и стали они всѣ надъ генераломъ смѣяться Молебенъ кончился, смѣхъ прекратился и царь со всей своей свитой пошелъ домой, въ Зимній дворецъ, какъ вдругъ, прорвавшись черезъ солдатскіе ряды, съ прошеніемъ въ рукахъ мужикъ падаетъ къ ногамъ Александра II; царь на просителя не обратилъ ни малѣйшаго вниманія, а также и вся его свита. Прошеніе взялъ П. А., а самъ проситель достался несомнѣнно въ руки полиціи...

Еще другой случай изъ жизни высшихъ сферъ разсказываетъ далѣе П. А. Онъ знавалъ тогда одного офицера, шведскаго происхожденія, котораго царь командировалъ въ Соединенные Штаты покупать для арміи ружья. Возвратясь въ Петербургъ онъ долженъ былъ сдѣлать докладъ о своей поѣздкѣ одному великому князю. На пріемѣ его высочество такъ ругалъ докладчика, что тотъ, возвратясь домой, написалъ ему письмо въ которомъ требовалъ извиненія, обѣщая, въ противномъ случаѣ, застрѣлиться. Извиненія отъ его высочества, конечно, не послѣдовало и офицеръ въ назначенный часъ застрѣлился. Царь, вслѣдствіе этого, приговорилъ виновнаго — проводить гробъ офицера до кладбища. Былъ ли исполненъ этотъ приговоръ, — неизвѣстно.

Не желая поступать въ гвардію и не имѣя возможности, по недостатку средствъ, поступить въ университетъ, П. А. вынужденъ былъ, по окончаніи курса, поступить въ казаки и ѣхать въ Сибирь.

На прощанье онъ услышалъ отъ Александра II рѣчь, обращенную ко всему его курсу. „Поздравляю васъ, вотъ вы и офицеры“, сказалъ царь, далѣе онъ распространился объ обязанностяхъ офицера, о вѣрности государю и т. д. „Но если кто-либо изъ васъ“, отчеканивая каждый слогъ и придавая вдругъ своему лицу злое выраженіе, царь продолжалъ, „если кто-либо изъ васъ—сохрани васъ Богъ—нарушитъ присягу царю, престолу и отечеству—замѣтьте, что я вамъ говорю—съ тѣмъ будетъ поступлено по всей строгости законовъ, безъ малѣйшаго снисхожденія!“

Прибывъ въ Сибирь, авторъ поступилъ въ распоряженіе забайкальскаго губернатора Кукеля, который вскорѣ, впрочемъ, былъ уволенъ и едва не попалъ въ подневольные жильцы Петропавловской крѣпости. Сочинялись тамъ проекты разныхъ реформъ, но всѣ они оставлялись безъ послѣдствій и въ этой безполезной работѣ долженъ былъ принимать участіе и нашъ авторъ, онъ былъ по этому очень радъ, когда его командировали на Амуръ, гдѣ Муравьевымъ были поселены бывшіе каторжники; по дорогѣ онъ узналъ, что сорокъ пять барокъ съ провизіей для этихъ

такъ-называемыхъ казаковъ во время бури затонули, причемъ погибло 200 тоннъ всякой провизіи. Авторъ былъ отправленъ въ Петербургъ донести объ этомъ несчастіи правительству; въ Петербургѣ никто изъ начальниковъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы тутъ не было мошенничества, и повѣрили только тогда, что то правда, когда П. А. удостовѣрилъ, что онъ самъ видѣлъ затонувшія барки. Возвратясь въ Сибирь, авторъ попалъ въ экспедицію, направлявшуюся въ Манчжурію для заведенія съ манчжурами торговыхъ сношеній. Дѣло не удалось, но, проѣзжая по совершенно неизвѣстнымъ цивилизованному міру мѣстамъ, авторъ много новаго, никому неизвѣстнаго, узналъ по географіи и геологіи, о чемъ онъ вскорѣ и напечаталъ въ Запискахъ сибирскаго географическаго общества, которыя во время бывшаго вскорѣ послѣ въ Иркутскѣ пожара всѣ сгорѣли.

Въ тѣ времена, послѣ польскаго возстанія, въ Сибирь было сослано до 11,000 поляковъ, и такъ какъ съ ними очень дурно, жестоко обходились, то они взбунтовались; усмирять ихъ были посланы казаки, тѣ казаки, къ которымъ принадлежалъ авторъ и его братъ Александръ. Поляки были усмирены и пятеро изъ нихъ казнены. Хотя братья Крапоткины и не принимали въ этомъ усмиреніи участія, но ихъ взяло раздумье о будущемъ и они оба подали въ отставку.

П. А. говоритъ въ третьей главѣ своихъ записокъ, что идея о непригодности бюрократіи и дисциплины для устроенія человѣческаго благополучія зародилась въ немъ тамъ, въ Сибири, подъ впечатлѣніемъ результатовъ дѣятельности сибирской администраціи.

Въ началѣ 1867 года братья Крапоткины отправились въ Петербургъ. Осенью того же года П. А. поступилъ на математическое отдѣленіе физико-математическаго факультета, къ великому огорченію и неудовольствію своего отца, не могшаго равнодушно видѣть статскаго платья, а потому сыну его приходилось съ тѣхъ поръ жить исключительно своимъ трудомъ. Въ теченіе слѣдующихъ за тѣмъ пяти лѣтъ все время его было поглощено университетскими занятіями и научными изслѣдованіями и исправленіями карты сѣверной Азіи, карты, которую Александръ Гумбольтъ, на основаніи китайскихъ источниковъ, покрылъ совершенно неправильно сѣтью горъ, идущихъ съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ. На основаніи нѣсколькихъ сотъ барометрическихъ наблюденій прежнихъ путешественниковъ авторъ нашъ вывелъ заключеніе, что горные хребты идутъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ и доказалъ такимъ образомъ, что прежнія гипотезы совершенно не соотвѣтствовали дѣйствительности. Не могу не выписать подлинныя слова автора объ этихъ его географическихъ работахъ.

„Въ человѣческой жизни не бываетъ бо́льшей радости, чѣмъ наслажденіе вдругъ увидѣть теорію, освѣщающую разумъ послѣ долголѣтнихъ терпѣливыхъ изслѣдованій. Что въ теченіи многихъ лѣтъ казалось такимъ хаотическимъ, такимъ противорѣчивымъ и загадочнымъ,—является вдругъ гармоническимъ цѣлымъ. Изъ страшной путаницы фактовъ, изъ тумана гипотезъ,—исчезающихъ тотчасъ по появленіи своемъ, — показывается величественная картина; такъ цѣпь альпійскихъ горъ внезапно показывается во всемъ своемъ великолѣпіи изъ тучъ, которыя ее покрывали минуту тому назадъ, и блеститъ подъ солнечными лучами во всей своей простотѣ и разнообразіи, во всемъ своемъ могуществѣ и красотѣ. А когда

теорія подвергается испытанію, когда ее примѣняютъ къ сотнямъ отдѣльныхъ фактовъ, которые только что казались неисправимо противорѣчивыми, то каждый изъ этихъ фактовъ занимаетъ слѣдуемое ему мѣсто увеличивая тѣмъ производимый картиною эффектъ, усиливая здѣсь нѣсколько характерныхъ чертъ, прибавляя тамъ непредвидѣнную, но важную подробность. Теорія крѣпнетъ, развивается; ея основанія уширяются, упрочиваются, когда чрезъ густой туманъ далекаго горизонта глазъ угадываетъ очертанія новыхъ теорій, еще болѣе обширныхъ.

„Кто хотя одинъ разъ въ жизни почувствовалъ это наслажденіе научнаго творчества, тотъ никогда его не забудетъ и съ нетерпѣніемъ будетъ ждать повторенія его, и тотъ будетъ страдать при мысли, что этого рода счастье есть удѣлъ ничтожнаго числа людей, тогда какъ столько людей могли бы получить свою, малую или большую, долю этого счастья,—если бы научные методы и досугъ не были привилегіей маленькой кучки людей.

„Эту работу я считаю за мой главный вкладъ въ науку. Первоначальное намѣреніе мое было издать толстый томъ, гдѣ бы изложеніе новыхъ идей о горахъ и плоскогоріяхъ сѣверной Азіи опиралось бы на подробное изслѣдованіе каждой области. Но въ 1873 году, когда я сообразилъ, что скоро буду арестованъ, я ограничился изготовленіемъ карты, нарисованной согласно съ моими взглядами, и написалъ къ ней пояснительную записку. Карта и записка были напечатаны Географическимъ обществомъ подъ руководствомъ моего брата, въ то время, когда я уже былъ запертъ въ Петропавловской крѣпости".

Въ то же время П. А. служилъ секретаремъ отдѣленія физической географіи Русскаго географическаго общества. Оно въ 1871 году предложило ему заняться изслѣдованіемъ слѣдовъ ледниковаго періода въ Финляндіи и Швеціи. И тутъ П. А. встрѣтился съ невѣрными взглядами ученыхъ и хотѣлъ открыть новые горизонты для геологіи и физической географіи.

„Но какое право имѣю я на эти благородныя наслажденія, говоритъ авторъ, когда около себя я вижу только нищету, только борьбу изъ-за куска заплѣснѣвѣлаго хлѣба? Все, что я истрачу на дальнѣйшее пребываніе въ этомъ мірѣ нѣжныхъ эмоцій, будетъ непремѣнно взято изо рта тѣхъ, кто выращиваетъ хлѣбъ и не имѣетъ хлѣба для своихъ дѣтей. Я долженъ буду взять у кого-нибудь изъ того, что ему необходимо, потому что сумма производства рода человѣческаго еще слишкомъ мала.

„Знаніе есть огромная сила. Нужно, чтобы человѣкъ имѣлъ знанія. Но мы уже знаемъ много чего. Что будетъ, если эти познанія, и только эти познанія, сдѣлаются общимъ достояніемъ всѣхъ? Развѣ наука тогда не стала бы прогрессировать стремительно и человѣчество не стало бы подвигаться гигантскими шагами въ области производства, изобрѣтенія и общественнаго творчества съ такою быстротою, какой мы и представить себѣ теперь не можемъ?"

Такъ разсуждая и глядя на бѣдныхъ финновъ, П. А. пришелъ къ заключенію, что двигать науку и оставаться съ нею далеко отъ народа,—для человѣчества совершенно безполезно. Такое настроеніе заставило его отказаться отъ предложеннаго ему въ это время Русскимъ географическимъ обществомъ мѣста секретаря, примкнуть къ извѣстному соціалистическому кружку Чайковскаго и пойти въ народъ.

Такое настроеніе для русскаго человѣка очень понятно и мало найдется между нами, думаю, людей, которые бы рѣшились порицать автора открыто за принятое имъ, подъ вліяніемъ его, рѣшеніе; но въ Европѣ нашелся такой человѣкъ и человѣкъ этотъ—Георгъ Брандесъ, одинъ изъ самыхъ горячихъ почитателей, можно сказать, поклонниковъ автора. Онъ говоритъ: „что касается до меня, то я не думаю, чтобъ онъ (Крапоткинъ) былъ правъ. Съ такими идеями Пастеръ не сдѣлался бы благодѣтелемъ человѣчества. Какъ никакъ, а съ теченіемъ длиннаго ряда вѣковъ, все обращается на пользу народныхъ массъ". Мнѣніе Г. Брандеса, очевидно, не выдерживаетъ критики: соціологія, вѣдь, тоже наука, распространеніе соціологическихъ истинъ въ народѣ никакъ не меньше стоитъ чѣмъ распространеніе естественно-научныхъ истинъ среди буржуазіи...

Весною слѣдующаго 1872 года П. А. отправился въ западную Европу и именно въ Швейцарію, гдѣ онъ разсчитывалъ ближе познакомиться съ Интернаціоналомъ, съ международнымъ обществомъ рабочихъ, о чемъ онъ уже нѣсколько лѣтъ мечталъ. Въ Цюрихѣ онъ много читалъ по этому вопросу и даже для того, чтобы лучше ознакомиться съ Интернаціоналомъ, рѣшилъ поступить на нѣсколько мѣсяцевъ въ среду рабочихъ, пожить ихъ жизнью. Русскіе друзья одобряли его и онъ, проживъ нѣсколько дней въ Цюрихѣ, отправился въ Женеву, которая была тогда однимъ изъ главныхъ очаговъ Интернаціонала. Въ Женевѣ онъ познакомился съ государственниками (autoritaires), т. е. сторонниками Маркса, они, и въ особенности Утинъ, ему не понравились. Тогда П. А. захотѣлъ познакомиться съ другой фракціею Интернаціонала. Утинъ далъ ему рекомендательную записку къ Николаю Ивановичу Жуковскому, представителю бакунистовъ, при чемъ, смотря ему прямо въ глаза, со вздохомъ сказалъ: „Я думаю, что вы къ намъ не вернетесь, вы останетесь съ ними". „Онъ вѣрно угадалъ", замѣчаетъ по этому поводу П. А.

Какое сильное впечатлѣніе произвелъ на нашего автора Интернаціоналъ въ Женевѣ, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ его: „Я видѣлъ, съ какимъ пыломъ стремились рабочіе къ образованію и какъ мало было лицъ, посвятившихъ себя дѣлу помощи имъ въ пріобрѣтеніи знаній, я видѣлъ, какъ рабочая масса нуждалась въ томъ, чтобы ее поддерживали люди съ образованіемъ и досугомъ въ ихъ усиліяхъ распространить и развить организацію партіи. Но какъ рѣдки были тѣ, кто помогалъ имъ,—безъ задней мысли извлечь политическую выгоду изъ этого безсилія народа. Степнякъ говоритъ въ своей „Карьерѣ нигилиста", что у всякаго революціонера была въ жизни минута, когда онъ былъ вынужденъ какимъ нибудь обстоятельствомъ, хотя бы самымъ ничтожнымъ, поклясться посвятить себя дѣлу революціи. Я знаю, когда для меня была эта минута, я ее пережилъ послѣ одного митинга, когда почувствовалъ съ большей силой чѣмъ когда либо, какъ малодушны тѣ образованные люди, которые раздумываютъ посвятить ли свое умственное развитіе, свои знанія, свою энергію на пользу тѣхъ, кто такъ нуждается въ этомъ развитіи, въ этой энергіи".

Изъ Женевы П. А. отправился въ Невшатель, гдѣ тогда жилъ извѣстный другъ Бакунина, Жамсъ Гильомъ (James Guillaume), съ которымъ путешественникъ нашъ скоро подружился. Гильомъ былъ самымъ дѣятельнымъ и, вѣроятно, самымъ образованнымъ членомъ юрской фе-

дераціи; онъ былъ редакторомъ издававшейся въ Локлѣ газеты „Bulletin de la Fédération jurassiène“. Изъ Невшателя П. А. отправился въ Сонвильэ› въ страну часовщиковъ, которыхъ онъ описываетъ такъ:

„Ясность взгляда, правильность сужденія, способность рѣшать сложные общественные вопросы, что я констатировалъ у этихъ рабочихъ, главнымъ образомъ у рабочихъ среднихъ лѣтъ, произвели на меня сильное впечатлѣніе, и я твердо убѣжденъ, что юрская федерація играла серьезную роль въ развитіи соціализма и не только по причинѣ важности противо-правительственныхъ и федералистическихъ идей, которыхъ она была поборницей, но и по причинѣ того выраженія, какое здравый смыслъ юрскихъ часовщиковъ придалъ этимъ идеямъ. Безъ нихъ эти понятія надолго бы еще остались въ состояніи простыхъ абстракцій“.

Здѣсь, у юрскихъ часовщиковъ, соціальное міросозерцаніе П. А. уже вполнѣ опредѣлилось и онъ всю свою жизнь, какъ онъ говоритъ, старался его развивать и придать ему болѣе ясную и конкретную форму.

Тутъ же въ Швейцаріи П. А. пришелъ къ идеѣ о неизбѣжности революцій. Вотъ что говоритъ онъ по этому поводу: „Я начиналъ понемногу понимать, что революціи, т. е. періоды ускоренной эволюціи и быстрыхъ преобразованій, такъ же соотвѣтствуютъ природѣ человѣческаго общества, какъ и медленная эволюція, которая совершается въ настоящее время среди цивилизованныхъ народовъ; я также понялъ, что каждый разъ, какъ начинается время быстрой эволюціи и общественной перестройки, можетъ разразиться междоусобная война въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ. Вопросъ тогда не столько въ томъ, чтобы узнать, какъ избѣжать революціи, а въ томъ, чтобы найти средства какъ получить отъ нея лучшіе результаты, задерживая насколько возможно междоусобную войну, сокращая число жертвъ ея и сводя ожесточеніе съ той и другой стороны къ минимуму. Для этого имѣется только одно средство, а именно, чтобы угнетенная часть общества имѣла насколько возможно болѣе ясную идею о намѣченной цѣли и о способахъ, какіе она хочетъ употребить, и чтобъ она была проникнута энтузіазмомъ, который ей необходимъ для совершенія своего дѣла, потому что въ такомъ случаѣ она будетъ увѣрена, что привлечетъ къ себѣ лучшіе элементы, самыя здравыя умственныя силы класса, владѣющаго накопленными въ прошедшемъ привилегіями“.

Проникнутый такими идеями, П. А. возвращается въ Россію.

Въ Россіи въ это время хожденіе въ народѣ было въ полномъ разгарѣ, кружокъ Чайковскаго дѣйствовалъ повсемѣстно и въ этотъ кружокъ ввелъ нашего автора его другъ, котораго онъ называетъ Дмитріемъ Кельницомъ; съ Чайковскимъ, впрочемъ, онъ и раньше былъ знакомъ.

Сначала П. А. хотѣлъ заняться въ своемъ хозяйствѣ Тамбовской губерніи, принять участіе въ земствѣ, но когда онъ познакомилъ друзей своихъ съ этими планами, то всѣ они единогласно пришли къ заключенію, что такой дѣятельности правительство не допуститъ.

Такъ какъ въ то время обсуждался въ кружкѣ вопросъ о томъ, какъ добыть конституцію, то П. А. предложилъ собранію, что онъ будетъ агитировать среди своихъ знакомыхъ, въ, такъ называемыхъ, высшихъ сферахъ, т. е. между придворными и чинами первыхъ трехъ классовъ. Но предложеніе его не было принято кружкомъ. Кружокъ, очевидно, былъ

иного мнѣнія объ Александрѣ II, не думалъ, очевидно, чтобы приближенные могли уговорить его дать конституцію; но еще мирная, безъ цареубійства, революція считалась возможною, и А. П. вспоминаетъ, какъ та самая молодежь, которая отъ 1871 до 1878 года отстаивала жизнь царя во время преній, на собраніяхъ, ссылалась имъ на каторгу и въ далекую ссылку. Дѣло шло теперь не о просвѣщеніи неграмотныхъ, невѣжественныхъ крестьянъ и рабочихъ, какъ было прежде, а объ организаціи среди нихъ большаго соціалистическаго движенія.

Такъ, за пропагандой среди ткачей и иныхъ рабочихъ, П. А. провелъ въ Петербургѣ около двухъ лѣтъ, постоянно встрѣчаясь съ другими членами кружка, съ Перовской, Кравчинскимъ, Сердюковымъ, тремя сестрами Корниловыми и другими. Между ткачами оказалось два шпіона: они указали его на улицѣ полиціи, которая заточила П. А. въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ онъ и пробылъ около двухъ лѣтъ; первые пятнадцать мѣсяцевъ онъ провелъ въ совершенномъ одиночествѣ; затѣмъ въ крѣпость были привезены Сердюковъ и многіе другіе пропагандисты, съ которыми П. А. и завелъ сношенія. Но, несмотря на улучшеніе его положенія въ этомъ отношеніи, сырость, темнота каземата и постоянный крикъ сумасшедшаго крестьянина, арестованнаго за то, что слушалъ пропагандиста, сдѣлали свое дѣло и П. А. сильно заболѣлъ. Для леченія онъ былъ переведенъ въ Николаевскій военный госпиталь, гдѣ пролечился нѣсколько мѣсяцевъ и затѣмъ бѣжалъ при помощи доктора О. Э. Веймара и другихъ друзей.

Бѣгство это подробно описано Степнякомъ въ его *Подпольной Россіи* со словъ самого бѣглеца. То было 30-го іюня, въ 1876 году, а черезъ нѣсколько дней А. П. уже былъ за границей, черезъ Швецію и Норвегію ѣхалъ въ Шотландію, въ Гулль, откуда онъ отправился въ Эдинбургъ и сталъ искать тамъ себѣ работы.

Поживъ тамъ нѣсколько недѣль, П. А. переѣзжаетъ въ Лондонъ, сотрудничаетъ въ англійскомъ журналѣ „Nature“ и въ газетѣ „Times“, сообщая туда разныя новости изъ Россіи по части географіи, а такъ какъ въ Лондонѣ жить было тогда скучно, то П. А., взявъ работу по географіи, уѣхалъ въ Швейцарію,—въ г. Шо-де-Фонъ, гдѣ и порѣшилъ остаться на болѣе или менѣе долгое время: возвращаться въ Россію, гдѣ должна была начаться террористическая дѣятельность революціонеровъ, которой нашъ авторъ не сочувствовалъ, онъ раздумалъ.

Здѣсь, среди часовщиковъ, въ обществѣ коммунаровъ (Поль Бруссъ, Лефрансэ, Пэнди, Элизэ Реклю) и русскихъ эмигрантовъ (Жуковскій, Соколовъ) за работой по изданію извѣстной газеты „Bulletin de la Fédération jurassienne“ и за устной пропагандой, П. А. очень пріятно проводилъ время. О своихъ тогдашнихъ мысляхъ вотъ что говоритъ намъ авторъ. „Никто изъ насъ не скрывалъ отъ себя важности и глубины предлагаемой нами перемѣны. Мы понимали, что ходячія мнѣнія,—на основаніи которыхъ частная собственность земли, фабрикъ, рудниковъ, жилыхъ домовъ и пр. нужна для промышленнаго прогресса, а наемный трудъ необходимъ, чтобъ заставить людей работать,—не скоро еще уступятъ мѣсто болѣе высокимъ воззрѣніямъ на обобществленныя собственность и производство. Мы знали, что намъ надо будетъ пережить долгій періодъ непрекращающейся пропаганды и постоянной борьбы, отдѣльныхъ

и коллективныхъ возстаній противъ настоящихъ формъ собственности, личныхъ жертвъ, частичныхъ попытокъ, частичныхъ реорганизацій и революцій, раньше чѣмъ ходячія идеи о частной собственности измѣнятся. И мы понимали также, что человѣчество не откажется, да и не можетъ вдругъ отказаться, отъ теперешнихъ идей относительно необходимости власти, среди которыхъ мы выросли. Долгіе годы пропаганды и длинный рядъ частичныхъ возстаній противъ власти, а также полный пересмотръ ученій, выведенныхъ въ настоящее время изъ исторіи, будутъ необходимы, прежде чѣмъ люди поймутъ, что они ошибались, приписывая своимъ управителямъ и ихъ законамъ то, что въ дѣйствительности было только результатомъ ихъ собственныхъ общественныхъ привычекъ и чувствъ. Мы все это знали. Но мы знали также, что, разъ мы будемъ проповѣдывать преобразованіе въ этихъ двухъ направленіяхъ, насъ понесетъ теченіе, движущагося по направленію прогресса, человѣчества. Мы шли по теченію, а не противъ".

Въ февралѣ 1879 года нашъ авторъ начинаетъ издавать газету „Le Révolté"; газета имѣла довольно большой успѣхъ сравнительно съ прежнимъ гильомовскимъ „бюллетенемъ". Это изданіе со временемъ было перенесено въ Парижъ, гдѣ долго выходило подъ именемъ „Temps Nouveaux" Нѣкоторыя напечатанныя въ этой газетѣ статьи автора были впослѣдствіи изданы Реклю подъ названіемъ „Paroles d'un Révolté".

Самое лучшее, что онъ написалъ для „Révolté" это, по мнѣнію самого автора, воззваніе *Aux Jeunes Gens*. Написано оно въ Кларанѣ въ началѣ весны 1880 года.

Вскорѣ послѣ 1-го марта 1881 года въ Петербургѣ былъ основанъ изъ очень высоко поставленныхъ особъ *священный союзъ*, цѣлью котораго было уничтожать эмигрантовъ, которые, по мнѣнію этихъ особъ, живя за предѣлами досягаемости, распоряжаются политическими убійствами въ Россіи. Въ числѣ приговоренныхъ былъ и нашъ авторъ. Онъ заблаговременно узналъ о пріѣздѣ одной дамы изъ Петербурга въ Женеву для исполненія этого приговора и принялъ свои мѣры. А ранѣе этого авторъ былъ высланъ, по требованію Петербургскаго правительства, изъ Швейцаріи, и принимать мѣры противъ покушенія надо было уже во Франціи, въ Тононѣ, на французскомъ берегу Женевскаго озера. Здѣсь Крапоткины, онъ и его жена, прожили до ноября, а затѣмъ отправились въ Лондонъ.

Въ Лондонѣ они провели около года. П. А. ѣздилъ по городамъ, въ Нью-Кэстль, Глазго, Эдинбургъ, и говорилъ рѣчи о русскихъ дѣлахъ при восторженныхъ крикахъ толпы. Но тамъ, въ Англіи, Крапоткинымъ стало скучно и они не разъ другъ другу говорили: „Ужъ лучше французская тюрьма, чѣмъ эта могила!" И они поѣхали обратно въ Тононъ, гдѣ недолго пожили, такъ какъ П. А. былъ привлеченъ къ отвѣтственности за то, что состоялъ членомъ Интернаціонала.

У одного очень умнаго, но малограматнаго рабочаго,—который теперь всѣмъ извѣстный писатель,—было найдено полиціей письмо Крапоткина о разныхъ грамматическихъ правилахъ, которое прокуроръ прочелъ суду и прибавилъ къ нему слѣдующія комментаріи:

„Вы слышали чтеніе этого письма? Слышали вы его, господа? На первый взглядъ въ немъ нѣтъ ничего особеннаго. Онъ даетъ урокъ

грамматики рабочему... Но—и тутъ голосъ его дрожалъ отъ сильнаго волненія,—это не въ цѣляхъ пополненія образованія несчастнаго рабочаго, образованія, пріобрѣсть которое, бывши въ школѣ, тотъ, вѣроятно по лѣности, пренебрегъ. Это не для того, чтобъ помочь ему честно, зарабатывать хлѣбъ... Нѣтъ, господа! Это письмо было написано, чтобы внушить ему ненависть къ нашимъ великимъ и прекраснымъ учрежденіямъ, чтобы лучше впрыснуть въ него ядъ анархіи, чтобъ сдѣлать изъ него врага общества, врага тѣмъ болѣе страшнаго... Да будетъ проклятъ тотъ день, когда Крапоткинъ ступилъ на французскую землю!"

Подсудимые,—П. А. судился вмѣстѣ съ 59 французами,—едва могли удержаться отъ смѣха, судьи недоумѣвающе смотрѣли, а прокуроръ не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія, онъ старался и этимъ стараніемъ пріобрѣлъ себѣ орденъ „святыя" Анны. П. А. былъ приговоренъ въ центральную тюрьму на пять лѣтъ.

Вся пресса, кромѣ правительственной, была возмущена этимъ приговоромъ. „Journal des Economistes", органъ умѣренный, открыто порицалъ этотъ приговоръ, который не возможно было, судя по предъявленнымъ на судѣ фактамъ, предвидѣть.

Черезъ три года всѣмъ осужденнымъ, вслѣдствіе требованій палаты, была дана амнистія.

Послѣдніе годы авторъ жилъ обыкновенно въ Англіи, гдѣ въ большихъ городахъ читалъ публичныя лекціи о своемъ общественномъ идеалѣ и имѣлъ весьма большой успѣхъ. Онъ тоже много писалъ.

Въ 1892 году вышло въ трехъ изданіяхъ въ Парижѣ его La conquête du pain и затѣмъ было еще четыре.

Въ „Nineteenh Century", какъ дополненіе къ дарвиновой теоріи, его „Mutual aid among Animals, among Savages, among Barbarians, in the Medioeval City and among ourselves" и „Fields, Factories and Workshops [1]), „L'anarchie dans l'evolution socialiste", „La grande Révolution", „In russian and french prisons", „La morale anarchiste", „Memoirs of a Revolutionist", и въ самое послѣднее время: „Russian Litterature"—это 9 лекцій, читанныхъ въ Бостонѣ о русской литературѣ.

Извѣстный нашей читающей публикѣ и хорошо знакомый съ нашимъ авторомъ, Георгъ Брандесъ такъ кончаетъ свое предисловіе къ французскому переводу его „Autour d'une vie.".

„Этотъ человѣкъ—воплощенная простота. Въ отношеніи характера онъ можетъ выдержать сравненіе со всѣми, кто боролся за свободу. Никто не былъ безкорыстнѣе его, никто не любилъ человѣчество болѣе его. Но онъ не позволилъ бы мнѣ написать на заглавномъ листѣ его книги все то доброе, что я о немъ думаю, а еслибъ я это сдѣлалъ, то я превзошелъ бы предѣлы благоразумнаго предисловія".

На этомъ и мы кончимъ наше предисловіе.

Алексѣй Тверитиновъ.

---

[1]) Эти оба труда переведены по-русски.

Наши богатства.

I.

Человѣчество прошло изрядный путь съ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда человѣкъ, мастеря изъ кремня первобытныя орудія, жилъ случайными добычами на охотѣ и дѣтямъ своимъ оставлялъ въ наслѣдство только убѣжище въ скалѣ и плохія каменныя орудія, да природу, огромную, непонятую, грозную, съ которою они должны были вступить въ борьбу, чтобъ поддерживать свое жалкое существованіе.

Въ это смутное время, которое продолжалось много тысячелѣтій, родъ человѣческій накопилъ неслыханныя сокровища. Онъ распахалъ почву, осушилъ болота, прорубилъ просѣки въ лѣсахъ, провелъ дороги: онъ строилъ, изобрѣталъ, наблюдалъ, разсуждалъ: создавалъ сложные инструменты, вырывалъ у природы ея тайны, покорилъ паръ, —такъ что дитя цивилизованнаго человѣка, при своемъ рожденіи, находитъ въ настоящее время къ своимъ услугамъ цѣлый огромный капиталъ, накопленный тѣми, кто былъ раньше его. И этотъ капиталъ позволяетъ ему теперь добыть однимъ только своимъ трудомъ, въ соединеніи съ трудомъ другихъ, богатства, превышающія тѣ, о которыхъ мечтаютъ восточные народы въ своихъ сказкахъ о тысячѣ и одной ночи.

Почва, частью воздѣланная, готова быть обработанной интеллигентнымъ трудомъ и засѣянной отборными сѣменами и украситься роскошными жатвами, болѣе роскошными, чѣмъ нужно для удовлетворенія всѣхъ надобностей человѣчества. Способы культуры извѣстны.

На дѣвственной почвѣ американскихъ луговъ сто человѣкъ съ помощью сильныхъ машинъ производятъ въ нѣсколько

мѣсяцевъ столько хлѣба, сколько необходимо для десяти тысячъ человѣкъ въ теченіе цѣлаго года. Тамъ же, гдѣ человѣкъ хочетъ удвоить, утроить, увеличить во сто разъ ея урожай, онъ почву *дѣлаетъ,* даетъ каждому растенію надлежащій уходъ и получаетъ баснословные урожаи. Между тѣмъ, какъ охотникъ долженъ былъ въ прежнія времена завладѣть сотней квадратныхъ верстъ, чтобъ добыть пищу для своей семьи,—цивилизованный человѣкъ выращиваетъ съ безконечно-меньшимъ трудомъ и съ большей увѣренностью, все, что нужно для жизни его домочадцевъ, на одной десятитысячной части этого пространства.

Климатъ уже болѣе не служитъ препятствіемъ. Когда солнца не хватаетъ, человѣкъ замѣняетъ его искусственной теплотой и надѣется, что онъ создастъ также и свѣтъ для воздѣйствія на растительность. При помощи стекла и трубъ съ горячей водой, онъ собираетъ на данномъ пространствѣ въ десять разъ больше продуктовъ, чѣмъ получалъ прежде.

Чудеса, совершенныя въ промышленности, еще болѣе поразительны. Съ этими разумными существами, съ современными машинами,—плодомъ трехъ или четырехъ поколѣній изобрѣтателей, по большей части неизвѣстныхъ,—сто человѣкъ приготовляютъ такое количество матеріи, что изъ нея можно сдѣлать одежду для десяти тысячъ человѣкъ на два года. Въ хорошо организованныхъ угольныхъ копяхъ, сто человѣкъ добываютъ ежегодно матеріалъ, достаточный, чтобы отапливать помѣщенія десяти тысячъ семействъ въ суровомъ климатѣ. И мы недавно видѣли, какъ чудный городъ возникъ въ нѣсколько мѣсяцевъ на Марсовомъ полѣ [1]), безъ малѣйшей остановки обычныхъ работъ французской націи.

И хотя, какъ въ промышленности, такъ и въ земледѣліи, а равно и вообще во всей нашей общественной организаціи, трудъ нашихъ предковъ идетъ на пользу почти исключительно очень малаго числа, тѣмъ не менѣе вѣрно, что человѣчество могло бы уже теперь жить богато и роскошно, только при помощи желѣзныхъ и стальныхъ слугъ, какими оно владѣетъ.

Да, конечно, мы богаты, безконечно богаче, чѣмъ мы думаемъ. Богаты тѣмъ, чѣмъ мы уже владѣемъ, а еще болѣе богаты тѣмъ, что мы можемъ произвести теперешними инстру-

---

[1]) Писано въ 1890 году.

ментами. Безконечно болѣе богаты тѣмъ, что мы могли бы добыть изъ нашей земли, изъ нашихъ мануфактуръ, изъ нашей науки и изъ нашихъ техническихъ познаній, если-бъ они были примѣнены для добычи всеобщаго благосостоянія.

II.

Въ цивилизованныхъ обществахъ мы богаты. Почему же вокругъ насъ эта нищета? Почему этотъ тяжелый трудъ, оскотинивающій народныя массы? Отчего эта неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, даже для хорошо оплачиваемаго работника, и это среди унаслѣдованныхъ отъ прошлаго богатствъ и могущественныхъ средствъ производства, которыя дали бы довольство всѣмъ въ замѣнъ нѣсколькихъ часовъ ежедневнаго труда?

Соціалисты сказали,—отчего, и повторяли безчисленное множество разъ: каждый день они повторяютъ и доказываютъ аргументами, взятыми изо всѣхъ наукъ.—Оттого, что все, что необходимо для производства—почва, рудники, машины, пути сообщенія, пища, убѣжище, образованіе, знаніе,—все это было захвачено нѣсколькими лицами въ теченіе этой длинной исторіи грабежа, переселеній, войнъ, невѣжества и угнетенія, которую человѣчество прожило, раньше чѣмъ научилось укрощать силы природы.

Оттого, что, хвалясь мнимыми правами, добытыми въ прошедшемъ, они теперь присваиваютъ себѣ двѣ трети продуктовъ человѣческаго труда, которыя они расточаютъ самымъ безумнымъ, самымъ возмутительнымъ образомъ; оттого, что, доведя народныя массы до такого состоянія, въ которомъ человѣкъ не имѣетъ наличныхъ средствъ прожить въ теченіе мѣсяца или даже недѣли, они позволяютъ человѣку работать только тогда, когда тотъ соглашается дозволить имъ удержать львиную часть; оттого, что они мѣшаютъ ему производить то, что ему нужно, и заставляютъ его производить не то, что необходимо для другихъ, а то, что даетъ человѣку наживы наибольшіе барыши.

Весь соціализмъ тутъ!

Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, цивилизованная страна. Лѣса, что

покрывали ее когда-то, прочищены, болота осушены, климатъ оздоровленъ,—страна сдѣлана обитаемой. Почва, на которой росла прежде одна только дикая трава, даетъ теперь богатыя жатвы. Скалы, возвышающіяся надъ южными долинами, изсѣчены террасами, на которыхъ ползетъ виноградъ съ золотистыми ягодами. Дикія растенія, дававшія прежде плодъ терпкій, несъѣдобный корень,—были передѣланы рядомъ послѣдовательныхъ культуръ въ питательные овощи, въ деревья, приносящія прекрасные плоды.

Тысячи мощеныхъ и желѣзныхъ дорогъ пролегаютъ по землѣ, прорѣзаютъ горы: паровозъ свищетъ въ дикихъ ущельяхъ Альпъ, Кавказа, Гималая. Рѣки сдѣланы судоходными, берега, изслѣдованные и тщательно приподнятые, сдѣланы легко доступными: искусственныя гавани, съ трудомъ вычерпанныя и защищенныя противъ бурь океана, даютъ судамъ убѣжище. Скалы пробуравлены глубокими колодцами: лабиринты подземныхъ галлерей проходятъ тамъ, гдѣ есть уголь или руда. Во всѣхъ пунктахъ, гдѣ пересѣкаются дороги, возникли города; они увеличились, и внутри ихъ находятся всѣ сокровища промышленности, искусства и науки.

Цѣлыя поколѣнія, рожденныя и умершія въ нищетѣ, которыхъ угнетали и обижали ихъ хозяева, и истощенныя работой, оставили это громадное наслѣдство девятнадцатому вѣку.

Въ теченіе многихъ тысячелѣтій милліоны людей работали надъ прочисткой лѣсовъ, надъ осушеніемъ болотъ, надъ прокладкой дорогъ, надъ загачиваніемъ рѣкъ. Каждая десятина земли, которую мы въ Европѣ воздѣлываемъ, была полита потомъ многихъ поколѣній: каждая дорога имѣетъ цѣлую исторію подневольнаго, нечеловѣческаго труда, народныхъ страданій. Каждая верста желѣзной дороги, каждая сажень тоннеля получила свою долю человѣческой крови.

Въ шахтахъ сохраняются еще совершенно свѣжими сдѣланныя въ скалѣ рукою каменоломщика засѣчки. Подземныя галереи могли бы быть обозначены столбами надъ каждой могилой рудокопа, погибшаго въ цвѣтѣ лѣтъ отъ рудничнаго газа, отъ обвала или наводненія, а извѣстно, сколько каждая изъ этихъ могилъ стоила слезъ, лишеній, неописуемыхъ бѣдъ семьѣ, жившей на ничтожное жалованье человѣка, погребеннаго подъ этими обломками.

Города, соединенные между собою желѣзными путями и

навигаціонными линіями, представляютъ изъ себя организмы, прожившіе много вѣковъ. Покопайте въ нихъ землю, и вы найдете тамъ одинъ на другомъ слои улицъ, домовъ, театровъ, амфитеатровъ, общественныхъ зданій. Вникните въ исторію ихъ, и вы увидите, какъ цивилизація города, его промышленность, его духъ понемногу выросли и созрѣли,—благодаря содѣйствію всѣхъ его жителей, — прежде чѣмъ они сдѣлались тѣмъ, что они теперь.

И даже въ настоящее время цѣнность каждаго дома, каждаго завода, каждой фабрики, каждаго магазина состоитъ исключительно изъ накопленнаго труда милліоновъ работниковъ, погребенныхъ подъ землею; она поддерживается исключительно усиліемъ легіоновъ людей, живущихъ въ этомъ пунктѣ земного шара. Каждый изъ атомовъ того, что мы называемъ богатствомъ націй, пріобрѣтаетъ цѣнность только оттого, что онъ часть этого огромнаго цѣлаго. Чѣмъ бы былъ докъ въ Лондонѣ или большой магазинъ въ Парижѣ, если бы они не находились въ этихъ большихъ центрахъ международной торговли? Чѣмъ бы были наши рудники, фабрики, верфи и желѣзныя дороги, еслибъ не кучи товаровъ перевозимыхъ ежедневно моремъ и сушей?

Милліоны людей работали надъ созданіемъ этой цивилизаціи, которою мы теперь гордимся. Другіе милліоны, разсѣянные по всѣмъ концамъ земного шара, трудятся надъ ея поддержаніемъ. Безъ нихъ остались бы черезъ пятьдесятъ лѣтъ одни только обломки.

Все, до мысли и изобрѣтенія включительно, состоитъ изъ коллективныхъ фактовъ, порожденныхъ прошедшимъ и настоящимъ. Тысячи изобрѣтателей, извѣстныхъ или неизвѣстныхъ, умершихъ въ нищетѣ, подготовили изобрѣтеніе каждой изъ этихъ машинъ, въ которыхъ человѣкъ удивляется своему генію. Тысячи писателей, поэтовъ, ученыхъ работали надъ выработкой знанія, надъ разсѣяніемъ заблужденій, надъ созданіемъ той атмосферы научной мысли, безъ которой никакія чудеса нашего (XIX) вѣка не могли бы появиться. Но эти тысячи философовъ, поэтовъ, ученыхъ и изобрѣтателей—не были-ли они тоже порождены трудомъ прошедшихъ вѣковъ? Не были-ли они, въ теченіе своей жизни, питаемы и поддерживаемы, какъ въ физическомъ, такъ и въ моральномъ отно-

шеній, легіонами работниковъ и ремесленниковъ всякаго рода? Не черпали ли они свою силу для дѣятельности въ томъ, что ихъ окружало?

Геніи Сегена, Майера и Грова сдѣлали, конечно, гораздо больше для направленія промышленности по новымъ путямъ, чѣмъ всѣ капиталисты въ мірѣ. Но сами эти геніи — дѣти какъ промышленности, такъ и науки. Потребовалось вѣдь, чтобъ тысячи паровыхъ машинъ превращали изъ года въ годъ, на глазахъ у всѣхъ, теплоту въ динамическую силу, а эту силу въ звукъ, свѣтъ и электричество прежде, чѣмъ эти геніальные умы провозгласили механическое происхожденіе и единство физическихъ силъ. И если мы, дѣти девятнадцатаго столѣтія, наконецъ поняли эту идею, если мы сумѣли ее примѣнить, то это опять-таки потому, что мы къ тому были приготовлены ежедневнымъ опытомъ. Мыслители прошлаго (XVIII) столѣтія тоже предвидѣли и провозгласили эту идею, но она была не понята, потому что восемнадцатый вѣкъ не выросъ, какъ мы, возлѣ паровой машины. Подумайте только, сколько-бы прошло еще десятилѣтій въ незнаніи этого закона, который позволилъ намъ произвести революцію въ современной промышленности, если бы Уаттъ не нашелъ въ Сого (Soho) работниковъ, способныхъ исполнить изъ метала его проектъ, усовершенствовать всѣ его части и сдѣлать паръ, заключенный въ удивительный механизмъ, болѣе покорнымъ, чѣмъ лошадь, и болѣе удобоуправляемымъ, чѣмъ вода, однимъ словомъ — сдѣлать его душой новѣйшей промышленности.

У каждой машины такая же исторія: длинная исторія безсонныхъ ночей и нищеты, разочарованій и радостей, частичныхъ улучшеній, найденныхъ нѣсколькими поколѣніями неизвѣстныхъ рабочихъ, прибавившихъ къ первоначальному изобрѣтенію тѣ пустяки, безъ которыхъ самая плодотворная идея остается безплодною. Больше того, каждое новое изобрѣтеніе есть синтезъ — результатъ тысячи предшествующихъ изобрѣтеній на безпредѣльномъ полѣ механики и промышленности. Наука и промышленность, знаніе теоретическое и его примѣненіе, открытіе и практическое осуществленіе, приводящее къ новымъ открытіямъ, трудъ умственный и трудъ ручной, — мысль и работа рукъ — все во взаимной зависимости. Всякое открытіе, всякій прогрессъ, всякое увеличеніе человѣческаго богатства имѣетъ свое происхожденіе во всей сово-

купности ручного и умственнаго труда прошедшаго и настоящаго времени.

По какому же праву тогда кто либо можетъ присвоить малѣйшую частицу этого огромнаго цѣлаго и сказать: это мое, а не твое?

III.

Но случилось, во время долгихъ вѣковъ, пройденныхъ человѣчествомъ, что все, что позволяетъ человѣку производить и увеличивать свою производительную силу, было захвачено нѣсколькими лицами. Мы, можетъ быть, разскажемъ когда нибудь, какъ это сдѣлалось. Въ настоящій же моментъ намъ достаточно констатировать фактъ и анализировать его послѣдствія.

Въ настоящее время земля, цѣнность которой зависитъ отъ потребностей все возрастающаго населенія, принадлежитъ меньшинству, которое можетъ помѣшать и мѣшаетъ народу ее воздѣлывать или же не позволяетъ воздѣлывать ее сообразно новѣйшимъ потребностямъ. Угольныя копи, которыя представляютъ трудъ многихъ поколѣній и цѣнность которыхъ находится въ исключительной зависимости отъ потребностей промышленности и отъ плотности населенія, тоже принадлежатъ немногимъ: и эти немногіе ограничиваютъ добычу угля или совершенно ее запрещаютъ, если они находятъ болѣе выгодное помѣщеніе для своихъ капиталовъ. Машина также составляетъ собственность только нѣкоторыхъ, и если даже такая машина и представляетъ несомнѣнно усовершенствованія, сдѣланныя въ первоначальной машинѣ тремя поколѣніями работниковъ, она тѣмъ не менѣе принадлежитъ нѣсколькимъ хозяевамъ,—и если внуки того изобрѣтателя, что построилъ сто лѣтъ тому назадъ первую кружевную машину, явились бы теперь въ одну изъ базельскихъ или ноттингамскихъ мануфактуръ и представили бы свои права, то имъ закричали бы: Ступайте вонъ! Эта машина не ваша! и ихъ разстрѣляли бы, если бы они захотѣли завладѣть ею.

Желѣзныя дороги, которыя были бы ненужнымъ хламомъ безъ такого плотнаго населенія Европы, безъ ея промышлен-

ности, торговли и обмѣновъ, принадлежатъ нѣсколькимъ акціонерамъ, не знающимъ, можетъ быть, гдѣ находятся тѣ дороги, которыя даютъ имъ бо̀льшіе доходы, чѣмъ имѣли средневѣковые государи. И если бы тѣ, что умирали тысячами, роя выемки и тоннели, какъ нибудь собрались бы и пришли толпою голодныхъ оборванцевъ требовать хлѣба у акціонеровъ, то они встрѣтили бы штыки и картечь, которые разсѣяли бы ихъ и охранили «пріобрѣтенныя права».

Въ силу такой чудовищной организаціи, сынъ работника, когда онъ вступаетъ въ жизнь, не находитъ ни поля, которое бы онъ могъ воздѣлывать, ни машины, которую бы онъ могъ направлять, ни рудника, который бы онъ посмѣлъ копать, не уступая значительной части того, что онъ произведетъ, какому нибудь хозяину. Онъ долженъ продавать свою рабочую силу за плохое и невѣрное содержаніе. Его отецъ и дѣдъ работали надъ осушеніемъ этого поля, надъ постройкой этого завода, надъ усовершенствованіемъ машинъ: они работали до крайняго напряженія своихъ силъ,—а кто можетъ дать больше?—Но онъ, являясь на свѣтъ, оказывается болѣе бѣднымъ, чѣмъ послѣдній изъ дикарей. Если онъ получитъ позволеніе приложить свои силы къ воздѣлыванію поля, то съ условіемъ уступить четверть продукта своему хозяину и еще четверть правительству и посредникамъ. И этотъ налогъ, взыскиваемый съ него государствомъ, капиталистомъ, землевладѣльцемъ и посредникомъ, будетъ все возрастать и рѣдко позволитъ ему улучшить свою культуру. Если же онъ займется промышленной дѣятельностью, то ему позволятъ работать,—и то не всегда,—но съ условіемъ получать только треть или половину продукта, остальное же должно идти тому, кого законъ признаетъ за собственника машины.

Мы кричимъ противъ феодальнаго барона, который не позволялъ земледѣльцу прикасаться къ землѣ безъ того, чтобъ не отобрать въ свою пользу четверти жатвы. Мы это называемъ варварскимъ временемъ. Но если формы измѣнились, то отношенія остались тѣ же. И работникъ принимаетъ, подъ именемъ свободнаго договора, феодальныя обязательства, потому что нигдѣ онъ не найдетъ лучшихъ условій. Такъ какъ все сдѣлалось собственностью хозяина, то онъ долженъ уступить или умереть съ голоду!

Изъ такого положенія дѣлъ слѣдуетъ, что все наше про-

изводство направляется не такъ. Предпріятіе вовсе не интересуется потребностями общества, его единственная цѣль—увеличивать доходы предпринимателя. Отсюда постоянныя колебанія промышленности, хроническіе кризисы, причемъ каждый изъ нихъ выбрасываетъ на мостовую рабочихъ сотнями тысячъ.

Такъ какъ рабочіе не могутъ купить на свое жалованье тѣ богатства, которыя они произвели, то промышленность ищетъ рынковъ за-границей, среди людей наживы другихъ націй. На Востокѣ, въ Африкѣ, все равно гдѣ, въ Египтѣ, Пекинѣ, Конго европеецъ при этихъ условіяхъ долженъ увеличивать число зависимыхъ отъ него людей. Но вездѣ онъ находитъ конкурентовъ, такъ какъ всѣ націи развиваются въ одномъ направленіи. А войны,—безпрерывная война,—должны разражаться за право первенствовать на этихъ рынкахъ. Войны за владѣнія на Востокѣ, войны за господство надъ морями, войны за право налагать ввозныя пошлины и предписывать таможенныя условія своимъ сосѣдямъ: войны противъ тѣхъ, которые возмущаются! Громъ пушекъ не прекращается въ Европѣ, цѣлыя поколѣнія перебиты, европейскія государства расходуютъ на вооруженіе треть своихъ бюджетовъ, а извѣстно, что̀ такое налоги и чего они сто̀ятъ бѣдняку.

Образованіе остается привилегіей ничтожнаго меньшинства. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, говорить объ образованіи, когда сынъ работника вынужденъ въ тринадцать лѣтъ спускаться въ шахту или же помогать своему отцу на фермѣ! Можно-ли говорить объ образованіи рабочему, который возвращается вечеромъ домой послѣ цѣлаго дня каторжной, почти всегда одуряющей работы! Общества раздѣляются на два враждебные лагеря и при этихъ условіяхъ свобода становится пустымъ словомъ. Когда радикалъ требуетъ большаго расширенія политическихъ свободъ, то онъ вскорѣ убѣждается, что дуновеніе свободы приводитъ быстро къ возстанію пролетаріевъ, и тогда онъ оборачивается вспять, мѣняетъ убѣжденіе возвращается къ исключительнымъ законамъ и къ правительству вооруженной силы.

Огромная коллекція судовъ, судей и палачей, жандармовъ и тюремщиковъ, необходима для поддержанія привилегій, а эта коллекція сама порождаетъ цѣлую систему доносовъ, обмановъ, угрозъ и подкуповъ.

Кромѣ того, эта система останавливаетъ развитіе общежительныхъ чувствъ. Всякій понимаетъ, что безъ прямоты, безъ самоуваженія, безъ взаимной симпатіи и поддержки родъ человѣческій долженъ погибнуть, какъ погибаютъ нѣкоторыя животныя породы, живущія грабежемъ и рабствомъ. Но для правящихъ классовъ это дѣло неподходящее, и они выдумываютъ цѣлую науку, науку безусловно ложную, чтобъ доказать противное.

Много было сказано хорошихъ словъ о необходимости дѣлить то, что имѣешь, съ тѣми, которые ничего не имѣютъ. Но если кто нибудь вздумаетъ этотъ принципъ ввести въ практику, то ему тотчасъ же говорятъ, что всѣ эти возвышенныя чувства хороши въ поэзіи, а не въ жизни. «Лгать, это дѣлать себя презрѣннымъ, унижать себя», скажемъ мы, и все цивилизованное существованіе становится огромной ложью. И мы привыкаемъ и пріучаемъ нашихъ дѣтей жить съ двуличной нравственностью, лицемѣрами! А такъ какъ умъ на это не поддается охотно, то мы его прилаживаемъ къ софизму. Лицемѣріе и лжеумствованіе становятся второй натурой цивилизованнаго человѣка.

Но общество не можетъ такъ жить: ему слѣдуетъ возвратиться къ истинѣ или исчезнуть.

Такимъ образомъ, простой фактъ завладѣнія имуществомъ распространяетъ свои послѣдствія на всю совокупность общественной жизни. Подъ страхомъ погибели человѣческія общества вынуждены возвратиться къ слѣдующимъ основнымъ принципамъ: такъ какъ средства производства составляютъ коллективный продуктъ человѣчества, то они должны возвратиться къ человѣчеству въ его цѣломъ. Личное присвоеніе ихъ и несправедливо, и неполезно. Все принадлежитъ всѣмъ, потому что всѣ во всемъ нуждаются, потому что всѣ работали по мѣрѣ своихъ силъ и потому что фактически невозможно опредѣлить ту долю, которая принадлежитъ каждому въ теперешнемъ производствѣ богатствъ.

Все принадлежитъ всѣмъ! Вотъ какой огромный наборъ инструментовъ создалъ девятнадцатый вѣкъ: вотъ милліоны желѣзныхъ рабовъ, называемыхъ машинами, стругаютъ и пилятъ, ткутъ и прядутъ за насъ, разлагаютъ и соединяютъ вновь сырые матеріалы и дѣлаютъ въ наше время чудеса. Никто не имѣетъ права завладѣть ни одной изъ этихъ

машинъ и сказать: «она моя: за право пользованія ею вы мнѣ будете платить подать съ каждаго вашего продукта»; подобно тому, какъ средневѣковый сеньоръ не имѣлъ права сказать земледѣльцу: «этотъ холмъ, этотъ лугъ мои, и вы мнѣ будете платить подать за каждый снопъ хлѣба, что вы сожнете, и за каждый стогъ сѣна, что вы сложите».

Все принадлежитъ всѣмъ! Лишь-бы только человѣкъ,—мужчина или женщина,—доставилъ свою долю труда, то онъ будетъ имѣть право на долю изъ всего того, что будетъ произведено всѣми. И эта доля ему уже дастъ довольство.

Довольно уже этихъ двусмысленныхъ рецептовъ, въ родѣ «права на трудъ» или «каждому полный продуктъ его труда». Мы провозглашаемъ *право на довольство—довольство для всѣхъ*.

Довольство для всѣхъ.

I.

Довольство для всѣхъ не мечта. Оно возможно, осуществимо послѣ того, что наши предки сдѣлали для увеличенія успѣшности нашей рабочей силы.

И въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что производители, составляющіе едва одну треть жителей въ цивилизованныхъ странахъ, производятъ уже достаточно, чтобы завести нѣкоторое благосостояніе въ жилищѣ каждаго семейства. Мы, кромѣ того, знаемъ, что если всѣ, расточающіе теперь плоды чужихъ трудовъ, были бы вынуждены заниматься въ досужное время полезнымъ трудомъ, наше богатство возрасло бы пропорціонально количеству рабочихъ рукъ. И мы, наконецъ, знаемъ, что, противно теоріи патріарха буржуазной науки, Мальтуса, человѣкъ увеличиваетъ свою производительную силу гораздо быстрѣе, чѣмъ онъ самъ размножается. Чѣмъ тѣснѣе живутъ люди на землѣ, тѣмъ быстрѣе прогрессъ ихъ производительныхъ силъ.

И въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ населеніе Англіи съ 1844 г. увеличилось только на 62%, его производительная сила увеличилась, по меньшей мѣрѣ, вдвое—процентовъ на 130. Во Франціи, гдѣ населеніе увеличилось менѣе, возрастаніе количества продуктовъ тѣмъ не менѣе очень быстро. Несмотря на кризисъ, въ которомъ бьется сельское хозяйство, несмотря на вмѣшательство государства, воинскую повинность, несмотря на банковую, финансовую и промышленную дѣятельность,—производство пшеницы учетверилось, а производство промышленное болѣе чѣмъ удесятерилось въ теченіе послѣднихъ восьмидесяти лѣтъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ прогрессъ еще болѣе поразителенъ несмотря на иммиграцію, или скорѣе именно по случаю этого избытка работниковъ изъ Европы, Соединенные Штаты удесятерили свое производство.

Но эти цифры даютъ только очень слабую идею того, чѣмъ наше производство могло бы быть въ лучшихъ условіяхъ. Въ настоящее время, по мѣрѣ того, какъ развивается способность производить, число праздныхъ и посредниковъ возрастаетъ въ страшной пропорціи. Совсѣмъ въ противность тому, что когда-то говорилось между соціалистами, будто капиталъ скоро дойдетъ до сосредоточенія въ такомъ маломъ количествѣ рукъ, что потребуется только экспропріировать имущество нѣсколькихъ милліонеровъ, чтобы войти во владѣніе богатствами, принадлежащими всѣмъ, число лицъ, живущихъ на счетъ чужого труда, становится все значительнѣе.

Во Франціи нѣтъ и десяти производителей, въ точномъ смыслѣ этого слова, на тридцать жителей. Все сельскохозяйственное богатство страны есть продуктъ менѣе чѣмъ 7 милліоновъ человѣкъ, а въ двухъ большихъ отрасляхъ промышленности,—въ горной и въ ткацкой,—считаютъ менѣе $2^1/_2$ милліоновъ рабочихъ.—А сколько считается эксплоататоровъ труда? Въ Англіи (безъ Шотландіи и Ирландіи) 1,030,000 рабочихъ, —мужчинъ, женщинъ и дѣтей,—выдѣлываютъ всѣ ткани; немного болѣе полумилліона эксплоатируютъ рудники, менѣе полумилліона воздѣлываютъ землю, и статистики должны преувеличивать цифры, чтобы получился максимумъ въ 8 милліоновъ производителей на 26 милліоновъ жителей. Въ дѣйствительности, отъ 6 до 7 милліоновъ работниковъ самое большее созидаютъ богатства, отправляемыя во всѣ концы земного шара. А сколько лицъ, живущихъ доходами, или посредниковъ, добавляющихъ доходы, собранные со всей вселенной, къ тѣмъ, которые они сами себѣ пожаловали, заставляя платить потребителя отъ пяти до двадцати разъ болѣе того, что заплачено производителю?

Это не все. Лица, завладѣвшія капиталомъ, постоянно сокращаютъ производство, мѣшая производить. Не будемъ говорить о тѣхъ бочкахъ съ устрицами, что были брошены въ море, чтобы устрица не сдѣлалась пищей простого народа и не перестала быть лакомствомъ достаточныхъ людей; не будемъ говорить о многихъ тысячахъ предметовъ роскоши,—матеріи, пища и пр.,—съ которыми поступаютъ такъ же, какъ съ устрицами. Напомнимъ только, какъ ограничиваютъ производство необходимыхъ для всѣхъ вещей. Полчища углекоповъ были бы очень рады добывать ежедневно каменный уголь и отправлять

его тѣмъ, которые дрожатъ отъ холода. Но очень часто доброй трети этихъ полчищъ, двумъ третямъ даже, не позволяютъ работать болѣе трехъ дней въ недѣлю, и это—чтобы поддержать высокія цѣны. Тысячи ткачей не могутъ ткать въ то время, какъ ихъ жены и дѣти одѣты въ лохмотья, и три четверти европейцевъ не имѣютъ одежды, достойной этого названья.

Сотни доменныхъ печей, тысячи мануфактуръ постоянно бываютъ въ бездѣйствіи, другія работаютъ только половину времени, а въ каждой цивилизованной націи всегда имѣется населеніе милліона въ два, которое очень хотѣло бы работать, но которымъ работы нѣтъ.

Милліоны людей были бы рады превратить невоздѣланныя или плохо воздѣланныя пространства въ поля, покрытыя хорошими хлѣбами. Одного года интеллигентнаго труда имъ было бы достаточно, чтобъ упятерить продуктъ земель, которыя въ настоящее время даютъ только 8 гектолитровъ хлѣба на одинъ гектаръ. Но эти люди должны гулять, потому что владѣльцы земли, копей, мануфактуръ предпочитаютъ помѣстить свои капиталы,—капиталы, украденные у всего общества,—въ займы турецкіе или египетскіе, или патагонскія золотыя розсыпи, и тѣмъ заставить на себя работать египетскихъ феллаховъ, изгнанныхъ съ родины италіанцевъ и китайскихъ кули!

Это сознательное и прямое ограниченіе производства, но есть еще ограниченіе непрямое и безсознательное, которое состоитъ въ расходованіи человѣческаго труда на предметы совершенно ненужные или же на исключительно предназначенные для удовлетворенія глупаго тщеславія богатыхъ.

Нельзя даже выразить въ цифрахъ, до какой степени сокращена косвенно производительность растратой силъ, которыя могли бы служить производству и, въ особенности, приготовленію нужныхъ для производства инструментовъ. Достаточно указать на милліарды, истраченные Европой на вооруженія, безъ какой либо иной цѣли кромѣ завоеванія рынковъ для подчиненія сосѣдей экономическому закону и для облегченія эксплоатаціи внутри; милліоны, уплачиваемые ежегодно чиновникамъ всякаго сорта, миссія которыхъ заключается въ поддержаніи права меньшинства на управленіе экономической жизнью націи; милліоны, истраченные судьями, тюрьмами, жандармами и всѣмъ блескомъ того, что называютъ юстиціей, хотя было бы достаточно,—всѣ это знаютъ,—облегчить немного бѣдность въ большихъ го-

родахъ, чтобы въ значительной мѣрѣ уменьшилась преступность; наконецъ, милліоны, употребляемые на пропаганду при помощи печати вредныхъ идей, извѣстій, искаженныхъ въ интересахъ какой нибудь партіи или политическаго дѣятеля или компаніи эксплоататоровъ.

Но это еще не все. Расходуется еще болѣе труда совершенно напрасно: здѣсь—на содержаніе конюшни, псарни, челяди богача, тамъ на—удовлетвореніе капризовъ свѣтскихъ дамъ и на развращенную роскошь высокопоставленной шайки воровъ; въ другомъ мѣстѣ,—чтобъ заставить потребителя покупать ему ненужное или навязать ему посредствомъ рекламы вещь дурного качества; еще въ другомъ мѣстѣ—чтобы производить абсолютно вредные, но выгодные предпринимателю, съѣстные припасы. Того, что такимъ образомъ расхищено, достаточно было бы, чтобы удвоить полезное производство или чтобы оборудовать мануфактуры и фабрики, которыя вскорѣ наводнили бы магазины всевозможными предметами продовольствія, недостающими теперь двумъ третямъ націи.

Отсюда слѣдуетъ, что даже изъ тѣхъ, кто занимаются въ каждой націи производительнымъ трудомъ, добрая четверть постоянно вынуждена бываетъ гулять безъ работы по три-четыре мѣсяца ежегодно, а трудъ третьей четверти, если только не половины, — не можетъ имѣть иныхъ послѣдствій, кромѣ забавы богачей или эксплоатаціи публики.

Итакъ, если принять въ соображеніе, съ одной стороны, быстроту, съ которой цивилизованныя націи увеличиваютъ свою производительную силу, а, съ другой, предѣлы, начертанные производству прямо или косвенно существующими условіями, то слѣдуетъ заключить, что сколько нибудь разумная экономическая организація позволила бы цивилизованнымъ націямъ нагромоздить въ нѣсколько лѣтъ столько полезныхъ продуктовъ, что онѣ вынуждены будутъ закричать: «довольно! довольно угля! довольно хлѣба! довольно одежды! Отдохнемъ, соберемся съ мыслями, чтобъ лучше воспользоваться нашими силами, чтобъ лучше употребить наши досуги!»

Нѣтъ, довольство для всѣхъ уже болѣе не мечта. Оно могло быть мечтой тогда, когда человѣкъ съ громаднымъ трудомъ достигалъ добычи 8 или 10 гектолитровъ съ гектара или мастерилъ своей рукой механическія орудія, необходимыя для сельскаго хозяйства и промышленности. Оно болѣе не мечта

съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ изобрѣлъ двигатель, который съ небольшимъ количествомъ желѣза и нѣсколькими килограммами угля даетъ ему силу смирной, удобоуправляемой лошади, способной привести въ движеніе самую сложную машину.

Но для того, чтобы довольство осуществилось, нужно, чтобъ этотъ огромный капиталъ,—города, дома, распаханныя поля, фабрики, пути сообщенія, образованіе,—перестали разсматривать, какъ частную собственность, которой человѣкъ наживы располагаетъ по своему произволу.

Надо, чтобъ этотъ богатый наборъ инструментовъ, съ трудомъ добытый, построенный, обработанный, изобрѣтенный нашими предками,—сдѣлался общей собственностью, чтобъ коллективный умъ извлекалъ изъ него наибольшую выгоду для всѣхъ.

Нужна экспропріація. Довольство для всѣхъ, какъ цѣль, экспропріація, какъ средство.

II.

Экспропріація, вотъ, слѣдовательно, задача, которую исторія поставила передъ нами, людьми конца девятнадцатаго вѣка. Возвращеніе къ общности всего того, что послужитъ человѣку создать себѣ благосостояніе.

Но эта задача не можетъ быть рѣшена законодательнымъ путемъ. Никто объ этомъ не думаетъ. Какъ бѣдный, такъ и богатый понимаютъ, что ни теперешнія правительства, ни тѣ, которыя могутъ возникнуть изъ политической революціи, не способны найти ей рѣшеніе. Чувствуется необходимость соціальной революціи, и какъ богатые, такъ и бѣдные не скрываютъ отъ себя, что эта революція близка, что она можетъ разразиться не сегодня—завтра.

Эволюція совершилась въ умахъ въ теченіе послѣдняго полустолѣтія; но сдавленная меньшинствомъ, то есть имущими классами, и не будучи въ состояніи укрѣпиться, она должна устранить препятствія силой и осуществится бурно посредствомъ революціи.

Откуда же придетъ революція? Какъ она проявится? Никто не можетъ отвѣтить на эти вопросы. Это—неизвѣстное. Но

тѣ, которые наблюдаютъ и размышляютъ, не обманываются: работники и эксплоататоры, революціонеры и консерваторы, мыслители и практическіе люди, всѣ чувствуютъ, что она у воротъ.

Ну, что же мы будемъ дѣлать послѣ того, какъ революція разразится?

Мы всѣ такъ много изучали драматическую сторону революцій и такъ мало ихъ истинно революціонное дѣло, что многіе изъ насъ видятъ въ этихъ великихъ движеніяхъ только сценическую обстановку, борьбу первыхъ дней, баррикады. Но эта борьба, эта первая схватка, скоро кончается и только послѣ пораженія старыхъ правительствъ начинается настоящее дѣло революціи.

Неспособныя и безсильныя, атакованныя со всѣхъ сторонъ, они быстро уносятся вихремъ возстанія. Прошло нѣсколько дней и буржуазной монархіи 1848 года не стало, и когда извозчикъ везъ Луи-Филиппа за границу, Парижъ не заботился уже о бывшемъ королѣ. 18 марта 1871 года, правительство Тьера въ нѣсколько часовъ исчезло и оставило Парижъ хозяиномъ своей судьбы. Однако, въ 1848 и въ 1871 годахъ были только возмущенія. Передъ народной революціей правители пропадаютъ съ поразительной быстротою. Они начинаютъ съ бѣгства, чтобы злоумышлять въ другомъ мѣстѣ, съ цѣлью сохранить себѣ возможность возвращенія.

По исчезновеніи стараго правительства, армія, въ нерѣшительности передъ волной народнаго возстанія, не повинуется болѣе своимъ начальникамъ, которые, впрочемъ, тоже благоразумно удираютъ. Со сложенными на-крестъ руками войско держится безучастно или, прикладъ кверху, присоединяется къ возставшимъ. Полиція, размахивающая руками, не знаетъ, слѣдуетъ ли колотить, или кричать: да здравствуетъ Коммуна! и городовые идутъ домой, «въ ожиданіи новаго правительства». Крупные буржуа укладываютъ свои вещи и удираютъ въ безопасное мѣсто. Народъ остается.—Вотъ какъ начинается революція.

Во многихъ большихъ городахъ провозглашена Коммуна. Тысячи людей на улицахъ, а вечеромъ они сбегаются въ импровизированные клубы, спрашивая другъ друга «что дѣлать?» и съ жаромъ обсуждая политическія дѣла.

Всѣ ими интересуются, и тѣ, которые вчера къ нимъ были

равнодушны, теперь, можетъ быть, самые ярые. Вездѣ много усердія и сильное желаніе обезпечить побѣду. Проявляются случаи геройскаго самопожертвованія. Народъ стремится итти впередъ.

Все это прекрасно, величественно. Но это еще не революція. Напротивъ, теперь только начинается дѣло революціонера.

Будутъ, конечно, случаи расплаты изъ мести. Уатрины и Тома̀ заплатятъ за свою непопулярность, но это будетъ случайный фактъ борьбы, а не революція.

Правительственные соціалисты, радикалы, непризнанные геніи ежедневной прессы, производящіе впечатлѣніе ораторы,—буржуа и бывшіе работники,—побѣгутъ въ Думу, въ министерства и займутъ тамъ покинутыя кресла. Одни надѣнутъ на себя съ восторгомъ галуны, полюбуются собою въ министерскихъ зеркалахъ, попрактикуются какъ давать приказанія съ важнымъ видомъ, соотвѣтствующимъ высотѣ ихъ новаго положенія: имъ нуженъ красный поясъ, кепи, обшитое галуномъ, и учительскій жестъ для внушенія уваженія бывшимъ товарищамъ по редакціи или по мастерской! Другіе зароются во входящія и исходящія бумаги съ страстнымъ желаніемъ понять въ нихъ что нибудь. Они будутъ писать законы, будутъ выпускать декреты съ громкими фразами, которыхъ исполнять никто не подумаетъ,—а потому не подумаетъ, что революція.

Чтобы придать себѣ авторитетъ, котораго у нихъ нѣтъ, они будутъ искать санкцію прежнихъ формъ правительства. Они будутъ принимать имена Временнаго Правительства, Комитета Общественнаго Спасенія, Мэра, Командующаго Думою, Начальника безопасности и еще какія нибудь! Выбранные или провозглашенные, они соберутся въ парламенты или въ Совѣты Коммуны. Тамъ встрѣтятся люди, принадлежащіе къ десяти-двадцати разнымъ школамъ, которыя не представляютъ, какъ это часто говорятъ, личныя домовыя церкви, но которыя соотвѣтствуютъ особымъ способамъ понимать протяженіе, силу и обязанность революціи. Поссибилисты, коллективисты, радикалы, якобинцы, бланкисты, невольно соединившіеся, теряютъ время на разсужденія. Честные люди смѣшиваются съ честолюбцами, мечтающими объ одномъ только господствѣ и презирающими толпу, изъ которой они вышли. Всѣ они пришли съ діаметрально-противоположными идеями, вынуждены заключать

фиктивные союзы, чтобъ образовать большинство, которое продержится одинъ только день, спорятъ, называютъ одинъ другого реакціонерами, государственниками, мошенниками, не способные договориться ни объ одной серьезной мѣрѣ, и достигаютъ только того, что выпустятъ нѣсколько громкихъ, но пустыхъ прокламацій. Всѣ считаютъ себя серьезными дѣятелями, тогда какъ истинная сила движенія будетъ на улицѣ.

Все это можетъ забавлять любителей театра. Но это все еще не революція: еще ничего не сдѣлано.

Въ это время народъ страдаетъ. Фабрики остановились, мастерскія закрыты, торговля не идетъ. Работникъ не получаетъ даже того ничтожнаго жалованья, какое имѣлъ прежде; цѣны съѣстныхъ припасовъ поднимаются!

Съ тѣмъ геройскимъ самоотверженіемъ, которое всегда характеризовало народъ и которое становится величественнымъ во время великихъ событій, онъ выжидаетъ. Онъ закричалъ въ 1848 году: «Мы повергаемъ къ услугамъ республики три мѣсяца нищеты», въ то время когда «представители» и господа новаго правительства, до послѣдняго тюремщика, аккуратно получали жалованье! Народъ страдаетъ. Съ дѣтской довѣрчивостью, съ простодушіемъ массы, вѣрующей въ своихъ вожаковъ, онъ ожидаетъ, чтобъ тамъ, наверху, въ Палатѣ, Думѣ, Комитетѣ Общественнаго Спасенія,—занялись имъ.

Но тамъ наверху думаютъ обо всемъ, кромѣ народныхъ страданій. Когда голодъ съѣдаетъ Францію въ 1790 году и компрометируетъ революцію, когда народъ доведенъ до послѣдней крайности, въ то время по Елисейскимъ Полямъ движутся великолѣпные фаэтоны, въ которыхъ женщины выставляютъ свои роскошные наряды, Робеспьеръ настаиваетъ у якобинцевъ на обсужденіи его записки объ англійской конституціи! Когда работникъ страдаетъ въ 1848 году отъ всеобщей остановки промышленности, Временное Правительство и Палата препираются о военныхъ пенсіяхъ и тюремномъ трудѣ, не спрашивая, чѣмъ живетъ народъ во время этого кризиса. И если можно обратиться съ упрекомъ къ Парижской Коммунѣ, появившейся подъ пушечными выстрѣлами пруссаковъ и существовавшей только семьдесять дней, то все съ тѣмъ же — что она не поняла, что коммунальная революція не могла восторжествовать безъ хорошо питающихся бойцовъ и что съ три-

дцатью су въ день нельзя въ одно и то же время и сражаться на валу, и содержать свое семейство.

Народъ страдаетъ и спрашиваетъ: «что дѣлать, чтобъ выйти изъ безвыходнаго положенія»?

III.

Что дѣлать? Намъ кажется, что есть только одинъ отвѣтъ на этотъ вопросъ:

— Признать и громко провозгласить, что каждый человѣкъ, какой-бы ни былъ ярлычекъ на немъ въ прошедшемъ, какова бы ни была его сила или слабость, его качества или его неспособность, имѣетъ, прежде всего, *право жить* и что общество обязано раздѣлить между всѣми безъ исключенія средства существованія, которыми оно располагаетъ. Признать, провозгласить это и сообразно съ этимъ дѣйствовать!

Сдѣлать такъ, чтобы, съ перваго дня революціи, работникъ зналъ, что новая эра открывается передъ нимъ, что уже никто не будетъ вынужденъ ночевать подъ мостами, вблизи дворцовъ, голодать, пока есть пища, дрожать отъ холода возлѣ мѣховыхъ магазиновъ. Чтобы все принадлежало всѣмъ, какъ въ дѣйствительности, такъ и въ принципѣ, и что, наконецъ, въ исторіи происходитъ революція, думающая о потребностяхъ народа прежде чѣмъ наставлять его о его обязанностяхъ.

Это не совершится посредствомъ декретовъ, но единственно непосредственнымъ дѣйствительнымъ завладѣніемъ всѣмъ тѣмъ, что необходимо для обезпеченія жизни всѣмъ: таковъ единственный истинно-научный способъ дѣйствовать, единственный, который можетъ быть понятенъ и желателенъ народной массѣ.

Завладѣть, во имя возставшаго народа, хлѣбными складами, магазинами, переполненными одеждой, жилыми домами. Ничего не расточать, сейчасъ организоваться для заполненія пустотъ, помочь всякой нуждѣ, удовлетворить всѣмъ потребностямъ, производить не для того, чтобы давать кому бы то ни было барыши, но для поддержанія жизни и развитія общества.

Довольно этихъ двухсмысленныхъ рецептовъ, какъ, напримѣръ, «право на трудъ», которымъ обольщали народъ въ 1848 году и стараются и теперь его обольстить. Признаемъ же смѣло, что довольство, отнынѣ возможное, должно осуществиться во что бы то ни стало.

Когда работники въ 1848 году требовали права на трудъ, тогда устраивали національныя или муниципальныя мастерскія, и посылали людей трудиться въ эти мастерскія за сорокъ су [1]) въ день! Когда же они требовали организаціи труда, тогда имъ отвѣчали: «потерпите, братцы, правительство займется этимъ, а пока вотъ сорокъ су. Отдохните, изнуренный работникъ: вы работали всю вашу жизнь». А въ ожиданіи нацѣливали пушки. Былъ объявленъ созывъ народнаго ополченія: разстраивали ряды рабочихъ тысячами способовъ, которые прекрасно извѣстны буржуазіи. И въ одинъ прекрасный день, имъ говорятъ: «ступайте заселять Африку или же мы васъ угостимъ картечью!»

Совершенно иной будетъ результатъ, если работники потребуютъ *право на довольство!* Этимъ самымъ они заявляютъ о своемъ правѣ завладѣть всѣмъ общественнымъ богатствомъ, взять дома и поселиться въ нихъ, согласно потребностямъ каждаго семейства, забрать накопленные жизненные припасы и использовать ихъ такъ, чтобъ узнать, что такое довольство, послѣ того какъ слишкомъ хорошо былъ извѣстенъ голодъ. Они провозглашаютъ свое право на всѣ богатства,—плодъ труда прошедшихъ и настоящихъ поколѣній,—и они ими воспользуются такъ, что узнаютъ, что такое высшія наслажденія искусства и науки, которыя слишкомъ долго были захвачены буржуазіей.

И утверждая свое право на довольство, они объявляютъ,—и это еще болѣе важно,—о своемъ правѣ самимъ опредѣлять, чѣмъ должно быть это довольство, то есть, что должно производить, чтобъ его обезпечить, и что должно бросить, какъ неимѣющее теперь уже значенія. Право на довольство, это возможность жить по-человѣчески и воспитывать своихъ дѣтей, чтобъ сдѣлать изъ нихъ равныхъ членовъ общества, превосходящаго наше, тогда какъ право на трудъ есть право всегда оставаться наемнымъ рабомъ, чернорабочимъ, управляемымъ и эксплоатируемымъ завтрашними буржуа. Право на довольство,—это соціальная революція: право же на трудъ это самое большее промышленная централка.

Давно уже пора, чтобы работникъ провозгласилъ свое право на общее наслѣдство и чтобъ онъ завладѣлъ имъ.

[1]) 75 копеекъ

Анархистическій коммунизмъ.

I.

Всякое общество, покончившее съ частною собственностью, вынуждено будетъ, по нашему мнѣнію, сорганизоваться въ анархистическій коммунизмъ. Анархія ведетъ къ коммунизму, а коммунизмъ къ анархіи, потому что и анархія и коммунизмъ представляютъ выраженіе преобладающаго стремленія современныхъ обществъ,—поисковъ равенства.

Было время, когда крестьянская семья могла разсматривать выращиваемый ею хлѣбъ и вытканную въ избѣ одежду какъ продукты своего собственнаго труда. Даже тогда этотъ образъ мыслей не былъ совершенно правиленъ. Были дороги и мосты, сдѣланные сообща, болота, высушенныя коллективнымъ трудомъ и общинныя пастбища обнесенныя изгородью, которую всѣ содержали. Какое нибудь улучшеніе въ ткацкихъ станкахъ или въ способахъ окраски тканей доставляло выгоду всѣмъ: въ это время крестьянская семья могла жить только при поддержкѣ, во множествѣ случаевъ, деревни или общины.

Но въ настоящее время, при теперешнемъ состояніи промышленности, гдѣ все переплетается и взаимно поддерживается, гдѣ каждая отрасль производства пользуется услугами всѣхъ прочихъ, мысль объ индивидуалистическомъ происхожденіи продуктовъ совершенно не выдерживаетъ критики. Если прядильно-ткацкая промышленность или металлургія достигли удивительнаго совершенства въ цивилизованныхъ странахъ, то онѣ обязаны этимъ одновременному развитію тысячи другихъ отраслей промышленности, большихъ и малыхъ: онѣ обязаны этимъ расширенію желѣзнодорожной сѣти, трансатлантическому мореплаванію, ловкости милліоновъ рабочихъ, извѣстной высотѣ

общей культуры всего рабочаго класса и, наконецъ, работамъ произведеннымъ во всѣхъ концахъ земного шара.

Итальянцы, умиравшіе отъ холеры во время прорытія Суэзскаго канала, или отъ анкилоза въ Сангόтардскомъ тоннелѣ, и американцы, которыхъ, во время войны за уничтоженіе невольничества, поражали бомбы, содѣйствовали развитію хлопчато-бумажной промышленности во Франціи и Англіи не менѣе, чѣмъ тѣ дѣвушки, что чахнутъ въ манчестерскихъ или руанскихъ мануфактурахъ, или чѣмъ инженеръ сдѣлавшій (подъ вліяніемъ какого нибудь рабочаго) нѣкоторое улучшеніе въ ткацкомъ станкѣ.

Какъ же тутъ оцѣнивать причитающуюся каждому долю богатствъ, въ накопленіи которыхъ мы всѣ принимаемъ участіе?

Становясь на эту всеобщую, синтетическую точку зрѣнія на производство, мы не можемъ допустить вмѣстѣ съ коллективистами, чтобы вознагражденіе пропорціональное часамъ труда каждаго могло представлять идеалъ или даже шагъ по направленію къ идеалу. Не обсуждая здѣсь вопроса о томъ, дѣйствительно-ли мѣновая цѣнность товаровъ измѣряется въ теперешнемъ обществѣ количествомъ труда, необходимаго для ихъ производства (какъ утверждали Смитъ и Рикардо, традиція которыхъ возобновилъ Марксъ), намъ достаточно сказать, оставляя за собой право возвратимся къ этому вопросу впослѣдствіи, что коллективистическій идеалъ намъ кажется неосуществимымъ въ такомъ обществѣ, которое считаетъ орудія производства за общее родовое имѣніе. Основанное на этомъ принципѣ общество окажется вынужденнымъ тотчасъ-же отвергнуть всякую форму наемнаго труда.

Мы убѣждены что индивидуализмъ, смягченный коллективистической системой, не можетъ существовать рядомъ съ частичнымъ коммунизмомъ владѣнія всѣми людьми почвою и орудіями труда. Новая форма владѣнія требуетъ и новой формы воздаянія. Новая форма производства не можетъ поддерживать старую форму потребленія, какъ не можетъ приспособиться къ старымъ формамъ политической организаціи.

Наемный трудъ произошелъ отъ личнаго присвоенія земли и орудій производства нѣсколькими лицами. Это было необходимымъ условіемъ для развитія капиталистическаго производства. Онъ умретъ вмѣстѣ съ нимъ, если даже будутъ пытаться

скрыть его подъ видомъ «трудовыхъ чековъ». Общее пользованіе орудіями труда неизбѣжно приведетъ къ пользованію сообща плодами общаго труда.

Мы, кромѣ того, поддерживаемъ, что коммунизмъ не только желателенъ, но что теперешнія общества, основанныя на индивидуализмѣ, бываютъ даже постоянно *вынуждены двигаться въ направленіи къ коммунизму.*

Развитіе индивидуализма въ теченіе трехъ послѣднихъ вѣковъ объясняется въ особенности усиліями человѣка, желающаго предохранить себя отъ власти капитала и государства. Онъ одно время думалъ, а тѣ, которые за него формулировали его мысль, проповѣдывали, что онъ можетъ совершенно освободиться отъ государства и отъ общества. «За деньги», говоритъ онъ, «я могу купить все что мнѣ понадобится». Но индивидуумъ шелъ по ложному пути, и новѣйшая исторія вновь приводитъ его къ признанію, что безъ содѣйствія всѣхъ, онъ ничего не можетъ, даже со своими наполненными золотомъ желѣзными сундуками.

И въ самомъ дѣлѣ, рядомъ съ этимъ индивидуалистическимъ теченіемъ, мы видимъ во всей новѣйшей исторіи стремленіе, съ одной стороны, удержать то, что осталось отъ частичнаго коммунизма древности, а съ другой стороны, возстановить коммунистическій принципъ во множествѣ жизненныхъ проявленій.

Какъ только общинамъ десятаго, одиннадцатаго и двѣнадцатаго столѣтія удалось освободиться отъ свѣтскаго или духовнаго помѣщика, такъ онѣ немедленно дали больное распространеніе работѣ сообща и потребленію сообща.

Городъ,—а не частныя лица—зафрахтовывали корабли, отправляли свои караваны заниматься въ дальнихъ краяхъ торговлей, доходы отъ которой получались всѣми, а не отдѣльными лицами: онъ покупалъ также провизію для своихъ жителей. Слѣды этихъ учрежденій сохранились до девятнадцатаго столѣтія и народы благоговѣйно сохранили о нихъ воспоминаніе въ своихъ легендахъ.

Все это исчезло. Но земледѣльческая община борется еще за сохраненіе послѣднихъ остатковъ этого коммунизма, и она въ этомъ успѣваетъ, пока государство не броситъ на вѣсы свой тяжлый мечъ.

Въ то же время, новыя организаціи, основаныя на томъ

же принципѣ: *каждому по его потребностямъ*, возникаютъ во множествѣ разнообразныхъ формъ, такъ какъ безъ нѣкоторой дозы коммунизма теперешнія общества не могутъ существовать. Несмотря на узко-экономическій складъ умовъ, обуславливаемый товарнымъ производствомъ, коммунистическая тенденція проявляется каждую минуту и проникаетъ въ наши отношенія подъ всевозможными формами.

Мостъ, проходъ черезъ который оплачивался въ прежнія времена прохожими, сдѣлался общественнымъ сооруженіемъ. Мощеная дорога, за проѣздъ по которой платили поверстно, существуетъ только на Востокѣ. Музеи, публичныя библіотеки, безплатныя школы, общіе дѣтскіе обѣды; мощеныя и освѣщенныя улицы всѣмъ доступныя: вода, доставляемая на-домъ, при общей тенденціи не принимать въ соображеніе потребленное количество,—все это—учрежденія, основанныя на принципѣ: «бери сколько надо».

Трамваи и желѣзныя дороги вводятъ уже абонементные билеты мѣсячные или годовые, не принимая въ расчетъ количества поѣздокъ, и недавно, цѣлая нація, Венгрія, ввела на своей желѣзнодорожной сѣти поясные билеты, которые даютъ право проѣзжать за одну и ту же цѣну и пятьсотъ верстъ и тысячу. Не далеко уже тутъ и до однообразной цѣны какъ цѣна почтовыхъ услугъ. Во всѣхъ этихъ и многихъ другихъ нововведеніяхъ имѣется тенденція не измѣрять потребленія. Одинъ хочетъ проѣхать тысячу верстъ, а другой только пятьсотъ. Это личныя потребности и нѣтъ никакой причины заставлять платить одного вдвое больше чѣмъ другого, потому что потребность одного вдвое сильнѣе потребности другого. Вотъ явленія, которыя наблюдаются даже въ нашихъ индивидуалистическихъ обществахъ. Существуетъ, кромѣ того, тенденція, какъ бы слаба она ни была, ставить потребности личности выше оцѣнки оказанныхъ ею услугъ или тѣхъ услугъ, что она когда нибудь окажетъ обществу. Начинаютъ признавать общество за цѣлое, каждая часть котораго такъ тѣсно связана съ прочими, что услуга оказанная какому нибудь индивидууму есть услуга оказанная всѣмъ.

Когда вы идете въ публичную библіотеку,—но не въ національную парижскую библіотеку, нѣтъ, а въ лондонскую или берлинскую,—библіотекарь не спрашиваетъ васъ, какія вы оказали услуги обществу, чтобъ дать вамъ книжицу или пятьде-

сятъ книжицъ, которыя вы спрашиваете, и онъ вамъ еще помогаетъ, въ случаѣ если вы сами не умѣете найти ихъ въ каталогѣ. За однообразную плату,—а очень часто предпочитаютъ ей натуральную повинность,—научное общество открываетъ свои музеи, сады, библіотеку, лабораторіи, ежегодныя торжественныя засѣданія каждому изъ своихъ членовъ, будь то Дарвинъ или простой любитель.

Въ Петербургѣ, если вы что нибудь изобрѣтаете, то вы идете въ спеціальную мастерскую, гдѣ вамъ даютъ мѣсто, верстакъ, токарный станокъ, всѣ необходимыя орудія, всѣ математическіе, физическіе и астрономическіе инструменты, только умѣйте ими дѣйствовать,—и васъ оставляютъ работать, сколько вамъ угодно. Вотъ орудія, заинтересуйте вашей идеей друзей, присоедините къ себѣ другихъ товарищей разныхъ профессій, если вы не предпочитаете работать одни: изобрѣтайте воздухоплавательную машину или не изобрѣтайте,—это ваше дѣло. Вы увлекаетесь идеей и этого достаточно.

Равнымъ образомъ моряки спасательнаго судна не предъявляютъ какихъ нибудь правъ къ матросамъ утонающаго корабля: они спускаютъ шхуну, рискуютъ своей жизнью въ яростныхъ морскихъ волнахъ и погибаютъ иногда, спасая людей, которыхъ они даже не знаютъ. И зачѣмъ имъ ихъ знать? «Нуждаются въ нашихъ услугахъ: тамъ есть люди—этого достаточно, ихъ право установлено.—Спасемъ ихъ!»

Вотъ тенденція, въ высшей степени коммунистическая, проявляющаяся вездѣ, во всевозможныхъ видахъ, даже въ средѣ нашихъ обществъ, проповѣдующихъ индивидуализмъ.

Пусть, напримѣръ, завтра одинъ изъ нашихъ большихъ городовъ—какъ бы эгоистиченъ въ обыкновенное время онъ ни былъ,—посѣтило какое нибудь большое несчастіе,—осада, напримѣръ,—этотъ самый городъ непремѣнно постановитъ, что потребности, которыя слѣдуетъ удовлетворить первымъ дѣломъ, это потребности дѣтей и стариковъ: не справляясь о тѣхъ услугахъ, которыя горожане оказали или окажутъ обществу, нужно ихъ сначала накормить, позаботиться о воюющихъ, независимо отъ храбрости и сообразительности, проявленныхъ каждымъ изъ нихъ,—и женщины и мужчины тысячами будутъ соперничать въ самоотверженіи при уходѣ за ранеными.

Существуетъ тенденція. Она усиливается, какъ только самыя настоятельныя потребности каждаго удовлетворены, по

мѣрѣ того какъ производительная сила человѣчества растетъ: она еще больше усиливается каждый разъ, какъ какая нибудь великая идея становится на мѣсто мелочныхъ заботъ нашей повседневной жизни.

Какъ же сомнѣваться въ томъ, что въ тотъ день, когда орудія производства будутъ принадлежать всѣмъ, когда будутъ работать сообща и трудъ, воротивъ на этотъ разъ себѣ почетное мѣсто въ обществѣ, произведетъ гораздо больше, чѣмъ нужно для всѣхъ,—какъ сомнѣваться, что тогда эта тенденція (уже столь могущественная) не расширитъ сферу своего дѣйствія, такъ что станетъ принципомъ общественной жизни?

Имѣя въ виду эти признаки и размышляя, кромѣ того, о практической сторонѣ экспропріаціи, о которой мы будемъ говорить въ слѣдующихъ главахъ, мы признаемъ, что наше первое обязательство, когда революція сокрушитъ поддерживающую современную систему силу, будетъ заключаться въ немедленномъ осуществленія коммунизма.

Но нашъ коммунизмъ, это не коммунизмъ фаланстеріанцевъ или нѣмецкихъ авторитарныхъ теоретиковъ. Это—коммунизмъ анархистическій, коммунизмъ безъ правительства, коммунизмъ свободныхъ людей. Это синтезъ двухъ цѣлей, преслѣдуемыхъ человѣчествомъ въ теченіе вѣковъ: экономической свободы и свободы политической.

II.

Принимая «анархію» за идеалъ политической организаціи, мы только формулируемъ другую тенденцію, выраженную человѣчествомъ.

Каждый разъ, какъ то позволялъ ходъ развитія европейскихъ обществъ, они сбрасывали съ себя иго власти и заводили систему, основанную на принципахъ индивидуальной свободы. И мы видимъ въ исторіи, что эпохи во время которыхъ правительства были потрясены, послѣ частныхъ или общихъ возстаній, были эпохами внезапнаго прогресса на почвѣ экономической и интеллектуальной.

То это—освобожденіе общинъ, которыхъ сооруженія—плодъ свободнаго труда, свободныхъ ассоціацій,—никогда не были

превзойдены впослѣдствіи; то это—возстаніе крестьянъ, которое произвело реформацію и подвергло опасности папство: то это—общество, свободное на минуту, которое создали по ту сторону атлантическаго океана прибывшіе изъ старой Европы недовольные.

А если мы станемъ наблюдать настоящее развитіе цивилизованныхъ націй, то увидимъ воочію движеніе, все болѣе и болѣе выясняющееся, съ цѣлью ограничить сферу дѣйствія правительства и оставить личности больше свободы. Это—теперешняя эволюція, правда, стѣсненная кучей учрежденій и предразсудковъ, унаслѣдованныхъ отъ прошлаго: она, какъ всѣ эволюціи, ожидаетъ только революціи, чтобъ снести препятствующія ей развалины и свободно парить въ возродившемся обществѣ.

Послѣ того, какъ человѣчество долго и тщетно пыталось разрѣшить неразрѣшимую задачу создать правительство, которое могло бы принуждать индивидуума къ повиновенію, не переставая однакоже само повиноваться обществу, оно пробуетъ освободиться отъ всякаго рода правительства и удовлетворить свои потребности въ организаціи свободнымъ соглашеніемъ между индивидуумами и группами индивидуумовъ преслѣдующихъ одну и ту же цѣль. Независимость каждой малѣйшей земельной единицы становится настоятельной необходимостью: общее согласіе замѣняетъ законъ и регулируетъ черезъ границы интересы частныхъ лицъ, не упуская изъ виду общей цѣли.

Все то, что прежде разсматривалось, какъ функція правительства, теперь у него оспаривается: устраиваются легче и лучше безъ его вмѣшательства. Изучая успѣхи, сдѣланные въ этомъ направленіи, мы приходимъ къ заключенію, что человѣчество стремится свести дѣйствіе правительства къ нулю, то есть къ упраздненію государства, этого олицетворенія несправедливости, угнетенія и монополіи.

Мы можемъ уже провидѣть такой міръ, гдѣ индивидуумъ, не связанный болѣе законами, будетъ имѣть однѣ только общежительныя привычки: это будетъ послѣдствіемъ испытанной каждымъ изъ насъ потребности искать у сосѣдей поддержки, сотрудничества и симпатіи.

Идея общества безъ государства вызоветъ, конечно, по меньшей мѣрѣ столько же возраженій, сколько и идея объ обществѣ безъ частнаго капитала. Мы всѣ пропитаны предразсудками о провиденціальныхъ функціяхъ государства. Все наше

образованіе, отъ обученія римскимъ преданіямъ до византійскаго кодекса, который изучаютъ подъ именемъ римскаго права, и разныя науки, читаемыя въ университетахъ. насъ пріучаютъ думать о правительствѣ и о добродѣтеляхъ государства-провидѣнія.

Много философскихъ системъ было выработано и преподано для поддержанія этого предразсудка. Съ тою же цѣлью пишутся теоріи о законѣ. Вся политика основана на этомъ принципѣ и каждый политиканъ, какого бы оттѣнка онъ ни былъ, всегда говоритъ народу: «дайте мнѣ власть: я хочу, я могу освободить васъ отъ гнетущихъ васъ бѣдъ!»

Отъ колыбели до могилы всѣ наши дѣянія управляются этимъ принципомъ. Откройте какую угодно книгу по соціологіи, юриспруденціи, вы всегда тамъ найдете правительство,—его устройство и его дѣйствія,—занимающее такое большое мѣсто, что мы привыкаемъ думать, что нѣтъ ничего внѣ правительства и государственныхъ людей.

Тотъ же урокъ повторяется на всѣ лады ежедневной печатью. Цѣлые столбцы посвящаются парламентскимъ преніямъ, интригамъ политикановъ: едва-едва громадная ежедневная жизнь націи проскользнетъ въ нѣсколькихъ строкахъ по экономическому вопросу, по поводу какого нибудь закона, или въ дневникѣ приключеній, чрезъ посредство полиціи. И когда вы читаете газеты, то вы вовсе не думаете о безчисленномъ множествѣ существъ,—о всемъ, такъ сказать, человѣчествѣ,—которыя растутъ и умираютъ, которымъ извѣстны страданія, которыя работаютъ и потребляютъ, думаютъ и созидаютъ, помимо тѣхъ нѣсколькихъ загромождающихъ міръ особъ, которыхъ мы такъ возвеличили, что онѣ своими тѣнями, нашимъ невѣжествомъ увеличенными, закрываютъ человѣчество.

Если же мы перейдемъ отъ печатнаго матеріала къ самой жизни, если мы бросимъ взглядъ на общество, то поражаемся той безконечно малой ролью, какую играетъ въ немъ правительство. Бальзакъ уже замѣтилъ, сколько милліоновъ крестьянъ живутъ всю жизнь безъ какого бы то ни было познанія о государствѣ, кромѣ тяжелыхъ налоговъ, которые они вынуждены ему платить. Ежедневно милліоны сдѣлокъ дѣлаются безъ вмѣшательства государства, а самыя крупныя изъ нихъ,—коммерческія и биржевыя,—такъ ведутся, что къ правительству нельзя даже обратиться, еслибъ одна изъ договаривающихся

сторонъ захотѣла не сдержать своего обязательства. Поговорите съ человѣкомъ знакомымъ съ торговлею, и онъ вамъ скажетъ, что совершаемые ежедневно обмѣны между коммерсантами были бы абсолютно невозможны, если бы они не были основаны на взаимномъ довѣріи. Привычка держать слово, желаніе не потерять кредита совершенно достаточны, чтобы поддержать эту относительную честность—честность коммерческую. Даже тотъ, кто не чувствуетъ ни малѣйшаго угрызенія совѣсти, отравляя гнилой дрянью, украшенной высокопарными этикетками, своихъ покупателей, считаетъ за честь сдержать свои обязательства. А если эта относительная нравственность смогла развиться даже при существующихъ условіяхъ, когда желаніе разбогатѣть—единственный духовный двигатель и единственная цѣль,—можемъ-ли мы сомнѣватся въ ея быстромъ прогрессѣ, какъ только присвоеніе плодовъ чужого труда не будетъ болѣе основой общества?

Другая поразительная черта, характеризующая въ особенности наше положеніе, говоритъ еще больше въ пользу нашихъ идей. Это—постоянное расширеніе поля предпріятій, существующихъ благодаря частной инициативѣ и удивительному развитію всякаго рода свободныхъ группъ. Мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе въ главахъ, посвященныхъ *Свободному соглашенію.* Теперь же намъ достаточно сказать, что эти факты очень многочисленны и такъ обычны, что они составляютъ сущность второй половины настоящаго столѣтія [1]), хотя писатели по соціализму и по политикѣ ихъ не вѣдаютъ, предпочитая до сихъ поръ разсказывать намъ о функціяхъ правительства

Эти свободныя организаціи, до безконечности разнообразныя, произошли столь естественно, онѣ такъ быстро растутъ и группируются съ такою легкостью, онѣ—такой неизбѣжный результатъ постояннаго возрастанія потребностей цивилизованнаго человѣка и, наконецъ, онѣ съ такой выгодою замѣняютъ вмѣшательство государства, что мы должны признать въ нихъ факторъ, получающій все большее и большее значеніе въ жизни обществъ.

Если онѣ еще не распространяются на всю совокупность жизненныхъ проявленій, то это потому, что онѣ встрѣчаютъ непреодолимое препятствіе въ нищетѣ работника, въ кастахъ

[1]) Т. е. XIX ст.

современнаго общества, въ частномъ присвоеніи капитала, въ государствѣ. Уничтожьте эти препятствія, и вы увидите, какъ онѣ покроютъ громадную область дѣятельности цивилизованныхъ людей.

Исторія послѣднихъ пятидесяти лѣтъ доставила намъ живое доказательство безсилія представительнаго правительства исполнять тѣ функціи, которыми хотѣли его надѣлить. Когда нибудь на девятнадцатый вѣкъ будутъ указывать, какъ на время обнаруженія неуспѣха парламентаризма.

Но это безсиліе становится столь для всѣхъ очевиднымъ, ошибки парламентаризма и основные недостатки представительнаго принципа такъ поразительны, что нѣсколькимъ мыслителямъ, критиковавшимъ его (Д. С. Милль, Левердэйсъ) оставалось только изложить всеобщее недовольство. И въ самомъ дѣлѣ, неужели непонятно, что нелѣпо вызывать нѣсколько человѣкъ и говорить имъ: «создайте намъ хорошіе законы касательно всѣхъ проявленій нашей жизни, хотя бы каждый изъ васъ и не зналъ ихъ?» Начинаютъ понимать, что правительство большинства значитъ предоставленіе всѣхъ дѣлъ страны тѣмъ, которые составляютъ большинство, то есть «болотнымъ жабамъ» въ палатѣ и въ комиссіяхъ: тѣмъ, однимъ словомъ, у которыхъ нѣтъ своего мнѣнія. Человѣчество ищетъ и уже находитъ новые исходы.

Международный почтовый союзъ, желѣзнодорожныя союзы, ученыя общества намъ даютъ примѣръ найденныхъ рѣшеній посредствомъ свободнаго согласія вмѣсто и на мѣсто закона.

Въ настоящее время, когда групиы людей, разсѣянныхъ по всѣмъ концамъ земного шара, хотятъ сорганизоваться для какой нибудь цѣли, то онѣ уже не избираютъ международный парламентъ *годныхъ на все* депутатовъ, и не говорятъ имъ: «вотируйте намъ законы, мы будемъ повиноваться». Когда невозможно договориться прямо или посредствомъ переписки, то посылаютъ делегатовъ, знакомыхъ съ подлежащимъ разсмотрѣнію спеціальнымъ вопросомъ, и говорятъ имъ: «постарайтесь войти въ соглашеніе по такому-то вопросу, а затѣмъ возвращайтесь, не съ закономъ въ карманѣ, а съ предложеніемъ соглашенія, которое мы примемъ или не примемъ».

Такъ поступаютъ большія промышленныя компаніи, ученыя общества, всякаго рода ассоціаціи, покрывающія уже Европу и Соединенныя Штаты. И такъ должно будетъ дѣйствовать

освобожденное общество. Чтобы произвести экспропріацію, ему будетъ положительно невозможно сорганизоваться на принципѣ парламентскаго представительства. Общество, основанное на крѣпостномъ правѣ, могло ладить съ самодержавіемъ: общество, основанное на наемномъ трудѣ и эксплоатаціи народныхъ массъ держателями капитала, ладило съ парламентаризмомъ.—Но свободное общество, войдя во владѣніе общимъ наслѣдствомъ, должно искать въ свободной группировкѣ и въ свободной федераціи группъ новую организацію, соотвѣтствующую новой экономической фазѣ исторіи.

Каждой экономической фазѣ соотвѣтствуетъ особая фаза политическая, и невозможно будетъ прикоснуться къ собственности, чтобы не найти въ то же время и новой формы политической жизни.

Экспропріація.

I.

Разсказываютъ, что въ 1848 г. Ротшильдъ, видя, что его богатству угрожаетъ революція, выдумалъ такую штуку:—«Я вполнѣ допускаю, говорилъ онъ, что мое богатство пріобрѣтено за счетъ другихъ. Но если его раздѣлить между милліонами европейцевъ, то придется всего по одному экю [1]) на человѣка. Ну, такъ я обѣщаюсь возвратить каждому, кто у меня потребуетъ свое экю.»

Сказавъ и надлежащимъ образомъ опубликовавъ это, нашъ милліонеръ спокойно гулялъ по улицамъ Франкфурта. Трое или четверо прохожихъ спросили у него свои экю, онъ ихъ уплатилъ съ язвительной улыбкой, и фарсъ былъ сыгранъ. И семья милліонера до сихъ поръ владѣетъ его богатствами.

Почти такъ же разсуждаютъ умныя головы буржуазіи, когда онѣ намъ говорятъ:—«А, экспропріація! понимаю. Вы отбираете у всѣхъ пальто, кладете ихъ въ кучу и каждый беретъ изъ нея себѣ одно, пострадавъ при этомъ нѣсколько въ борьбѣ за лучшее!» Это шутка дурного тона. Намъ нужно вовсе не то, чтобы всѣ пальто были сложены въ кучу и затѣмъ тотчасъ же розданы, и будетъ ли это еще выгодно тѣмъ, которые дрожатъ отъ холода. Не нужно также намъ дѣлить деньги Ротшильда. Намъ нужно устроиться такъ, чтобы являющійся на свѣтъ человѣкъ былъ обезпеченъ, во-первыхъ, въ томъ, что изучитъ какой нибудь производительный трудъ и пріобрѣтетъ въ немъ навыкъ, и, во-вторыхъ, что будетъ имѣть возможность заниматься этимъ трудомъ, не спрашивая позволенія у собственника и у хозяина и не платя скупщи-

[1]) 5 франковъ = 1 руб, 87½ коп.

камъ земли и машинъ львиную долю всего того, что онъ произведетъ.

Что же касается до всякаго рода богатствъ, находящихся во владѣніи разныхъ Ротшильдовъ или Вандербильтовъ, то они намъ послужатъ для лучшаго устройства нашего производства сooобща.

Въ тотъ день, когда земледѣлецъ будетъ имѣть право пахать землю, не платя за это право половины того, что онъ производитъ, въ тотъ день, когда необходимыя для обработки почвы машины будутъ въ изобиліи къ услугамъ хлѣбопашцевъ, въ тотъ день, когда фабричный рабочій будетъ производить для всего общества, а не для монополіи,—работники не будутъ больше ходить въ лохмотьяхъ и не будетъ больше Ротшильдовъ и другихъ эксплоататоровъ.

Никому не понадобится продавать свою рабочую силу за заработную плату, представляющую только часть того, что имъ произведено.

—«Ладно, говорятъ намъ. Но къ вамъ пріѣдутъ Ротшильды изъ-за границы. Можете ли вы помѣшать, чтобъ кто нибудь, накопившій милліоны въ Китаѣ, не пріѣхалъ поселиться между вами? Чтобъ онъ не окружилъ себя слугами и наемными работниками, не сталъ ихъ эксплоатировать и обогащаться на ихъ счетъ»?

— «Вы не можете произвести революцію сразу по всей землѣ. Или же вы устроите таможни на вашихъ границахъ для обыска пріѣзжающихъ и для отобранія у нихъ привозимаго ими золота? Жандармы-анархисты, стрѣляющіе въ пассажировъ,—вотъ будетъ прекрасное зрѣлище»!

Но вѣдь въ основаніи этого разсужденія лежитъ грубая ошибка: никто не задаетъ себѣ вопроса, откуда у богачей ихъ богатства. Достаточно немного подумать, чтобы убѣдиться, что эти богатства произошли изъ нищеты бѣдныхъ.

Тамъ, гдѣ не будетъ бѣдняковъ, не будетъ и богачей для ихъ эксплоатированія. Взгляните на средніе вѣка, когда большія состоянія начинаютъ появляться. Феодальный баронъ наложилъ руку на плодоносную долину. Но пока эта долина не населена, нашъ баронъ вовсе не богатъ. Его земля ему ничего не приноситъ—не болѣе, чѣмъ владѣнія на лунѣ. Что же будетъ дѣлать нашъ баронъ, чтобъ разбогатѣть? Онъ будетъ искать мужиковъ! Но, если бы каждый земледѣлецъ имѣлъ

свободный отъ всякихъ податей кусокъ земли, если бы, кромѣ того, у него были орудія и скотъ для работы, то кто же пошелъ бы пахать баронскія земли? Каждый остался бы дома. Но есть цѣлыя поселенія бѣдняковъ. Одни были разорены войнами, засухами, чумой: у нихъ нѣтъ ни лошади, ни сохи (желѣзо дорого стоило въ средніе вѣка, еще дороже того рабочая лошадь).

Всѣ бѣдняки ищутъ лучшей жизни. И вотъ, идя по дорогѣ, наши бѣдняки видятъ на границѣ баронскихъ земель столбъ, указывающій, при помощи извѣстныхъ, довольно понятныхъ, знаковъ, что земледѣлецъ, который поселится на этой землѣ, получитъ вмѣстѣ съ землей сельско-хозяйственныя орудія, строительные матеріалы для постройки избы и сѣмена для посѣва, при чемъ не будетъ взиматься никакихъ податей въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ. Это число лѣтъ отмѣчено на пограничномъ столбѣ такимъ же числомъ крестовъ, и крестьянинъ понимаетъ, что означаютъ эти кресты.

Тогда бѣдняки стекаются на баронскія земли. Они проводятъ дороги, осушаютъ болота, созидаютъ деревни. Черезъ девять лѣтъ баронъ навяжетъ имъ договоръ, по которому, пять лѣтъ спустя, они будутъ ему платить оброки, которые онъ затѣмъ удвоитъ, и земледѣлецъ приметъ эти новыя условія, потому что въ другомъ мѣстѣ онъ не найдетъ лучшихъ. И мало по малу, при помощи созданнаго господами закона, нищета крестьянина становится источникомъ богатства помѣщика и не только помѣщика, но и цѣлой тучи ростовщиковъ, которые бросаются на деревни и размножаются тамъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе бѣднѣетъ крестьянинъ.

Такъ было въ средніе вѣка. А теперь, не то ли же самое? Еслибъ были свободныя земли, которыя крестьянинъ могъ бы воздѣлывать въ свою пользу, сталъ-ли бы онъ платить тысячу франковъ за гектаръ [1]) его сіятельству, который желаетъ продать ему клочокъ земли. Заключитъ-ли онъ невыгодный договоръ, отнимающій у него треть того, что онъ производитъ. Сдѣлается-ли онъ арендаторомъ, чтобъ отдавать половину жатвы землевладѣльцу?

Но у него ничего нѣтъ; а потому онъ согласится на

---

1) 0.915 десятины.

всякія условія, только бы не умереть съ голоду, и тѣмъ обогатить помѣщика.

Въ девятнадцатомъ вѣкѣ, какъ и въ средніе вѣка, все та же бѣдность крестьянина создаетъ богатство землевладѣльцевъ.

II.

Землевладѣлецъ обогащается отъ нищеты крестьянъ. То же происходитъ и съ промышленнымъ предпринимателемъ. Вотъ буржуа, овладѣвшій, такъ или иначе, сокровищемъ въ пятьсотъ тысячъ франковъ. Онъ можетъ, конечно, тратить свои деньги по пятидесяти тысячъ франковъ въ годъ,—это въ сущности очень мало при той фантастической, безумной роскоши, которую мы кругомъ видимъ. Но тогда черезъ десять лѣтъ у него ничего не останется. А потому, какъ человѣкъ практическій, онъ предпочитаетъ сохранить свое богатство въ неприкосновенности и получать еще небольшой ежегодный доходецъ.

Въ нашемъ обществѣ это дѣлается очень просто и именно потому, что наши города и села кишатъ работниками, у которыхъ нѣтъ средствъ, чтобы прожить мѣсяцъ или даже двѣ недѣли. Нашъ буржуа сооружаетъ фабрику, банкиры спѣшатъ ссудить ему еще пятьсотъ тысячъ франковъ, въ особенности если онъ имѣетъ репутацію ловкаго малаго, и со своимъ милліономъ онъ будетъ въ состояніи заставить работать пятьсотъ рабочихъ.

Если бы въ окрестностяхъ были только такіе люди существованіе которыхъ обезпечено, кто бы пошелъ работать къ нашему буржуа? Никто бы не согласился вырабатывать ему за три франка въ день товары стоимостью пять или даже десять франковъ.

Къ сожалѣнію,—и это намъ очень хорошо извѣстно,—бѣдные кварталы города и сосѣднія деревни наполнены людьми дѣти которыхъ скачутъ передъ пустымъ буфетомъ. А потому, фабрика еще не готова, а работники уже сбѣгаются наниматься. Нужно только сто, а уже пришла тысяча. И какъ только фабрика будетъ пущена въ ходъ, хозяинъ,—если только онъ не круглый дуракъ,—положитъ съ каждой пары рукъ, работающихъ у него, въ кассу чистоганомъ тысячу франковъ въ годъ.

Нашъ хозяинъ устроитъ себѣ, такимъ образомъ, хорошенькій доходъ. И если онъ выбралъ прибыльную отрасль промышленности, если онъ ловокъ, то онъ увеличитъ понемногу свою фабрику и увеличитъ свои доходы, удвоивъ число эксплоатируемыхъ имъ рабочихъ.

Тогда онъ станетъ почетнымъ лицомъ въ своей мѣстности. Онъ будетъ въ состояніи кормить завтраками другихъ почетныхъ лицъ: муниципальныхъ совѣтниковъ, господина депутата. При посредствѣ брака онъ будетъ въ состояніи къ своему богатству прибавить другое и, позднѣе, выгодно помѣстить своихъ дѣтей, а затѣмъ получить какую-нибудь концессію отъ государства. Ему дадутъ подрядъ на поставку чего-либо для арміи или для префектуры, и онъ все будетъ округлять свой капиталецъ до тѣхъ поръ, пока какая-нибудь война или просто слухъ о войнѣ, или же спекуляція на биржѣ не позволитъ ему сильно нажиться.

Девять десятыхъ колоссальныхъ богатствъ въ Соединенныхъ Штатахъ (Генри Джоржъ очень хорошо объ этомъ разсказалъ въ своихъ *Общественныхъ Задачахъ)* произошли благодаря какому-нибудь большому мошенничеству, совершенному при содѣйствіи государства. Въ Европѣ, девять десятыхъ богатствъ въ нашихъ монархіяхъ и республикахъ—того же происхожденія: нѣтъ двухъ способовъ сдѣлаться милліонеромъ.

Вся наука о богатствахъ вотъ въ чемъ: найти босяковъ, платить имъ три франка, а ихъ заставлять производить десять, сколотить такимъ образомъ капиталецъ и затѣмъ увеличить его при помощи какого-нибудь большого мошенничества при содѣйствіи государства.

Слѣдуетъ ли еще говорить о маленькихъ состояніяхъ, приписываемыхъ экономистами сбереженію, тогда какъ сбереженіе, само по себѣ, не приноситъ ничего, пока сбереженные гроши не будутъ употреблены на эксплоатацію бѣдняковъ?

Вотъ сапожникъ. Положимъ, что его трудъ хорошо оплачивается, что у него много заказчиковъ и что, благодаря экономіи, онъ достигъ того, что откладываетъ по два франка въ день или по пятидесяти франковъ въ мѣсяцъ!

Положимъ, что нашъ сапожникъ никогда не бываетъ боленъ, что, несмотря на свою страсть къ сбереженію, онъ ѣстъ до-сыта, что онъ не женится или что у него нѣтъ дѣтей, что

онъ не умреть отъ чахотки; предположимъ, наконецъ, все, что вы хотите!

И что же? Къ пятидесятилѣтнему возрасту онъ не отложитъ и пятнадцати тысячъ франковъ и у него не будетъ чѣмъ жить въ старости, когда онъ не въ состояніи будетъ работать. Очевидно, не такъ накапливаются состоянія.

Но вотъ другой сапожникъ. Какъ только онъ скопилъ нѣсколько су, онъ ихъ бережно снесетъ въ сберегательную кассу, а касса отдастъ ихъ въ долгъ собирающемуся устроить эксплоатацію босяковъ буржуа. Затѣмъ, онъ возьметъ ученика, сына бѣдняка, который почтетъ себя счастливымъ, если, по прошествіи пяти лѣтъ, его сынъ изучитъ ремесло и будетъ жить своимъ трудомъ.

Ученикъ «принесетъ» прибыль нашему сапожнику, а если у сапожника есть заказчики, то онъ поспѣшитъ взять другого, а затѣмъ и третьяго ученика. Со временемъ у него будетъ два или три рабочихъ-бѣдняка, почитающихъ за счастіе получать три франка въ день за работу, которая стоитъ шесть. А если нашему сапожнику «везетъ», то-есть, если онъ достаточно ловокъ, то его рабочіе и ученики будутъ ему приносить франковъ двадцать въ день, не считая тутъ его собственнаго труда. Онъ будетъ въ состояніи расширить свое предпріятіе, онъ понемногу разбогатѣетъ и не будетъ вынужденъ лишать себя самаго необходимаго. Сыну своему онъ оставитъ маленькій капиталецъ.

Вотъ что называется «дѣлать сбереженія», имѣть привычки воздержаннаго человѣка. А въ сущности, это—просто-на-просто эксплоатировать босяковъ.

Кажется, что торговля составляетъ исключеніе изъ этого правила. Нѣкто, скажутъ намъ, покупаетъ чай въ Китаѣ, привозитъ его во Францію и наживаетъ на свои деньги тридцать процентовъ. Онъ вѣдь никого не эксплоатировалъ.

Однако, и этотъ случай подобенъ тѣмъ. Если нашъ субъектъ перенесъ чай на своей спинѣ—въ добрый часъ! Въ прежнія времена, въ началѣ среднихъ вѣковъ, именно такимъ способомъ и производилась торговля, а потому никогда не пріобрѣтались поразительныя состоянія нашихъ дней; тогдашній купецъ едва сберегалъ нѣсколько экю послѣ тяжелаго и опаснаго путешествія. Скорѣе склонность къ путешествіямъ и приключеніямъ, чѣмъ жажда наживы, заставляла его заниматься торговлей.

Въ настоящее время способъ торговли гораздо проще. Обладающій капиталомъ купецъ не имѣетъ надобности выходить изъ конторы, чтобъ разбогатѣть. Онъ телеграфируетъ коммисіонеру приказаніе купить сто тоннъ чая: онъ зафрахтовываетъ судно и въ нѣсколько недѣль—въ три мѣсяца, если судно парусное,—судно ему привезетъ его грузъ. Онъ при этомъ не рискуетъ ни чѣмъ во время перевозки, потому что его чай и судно застрахованы. И если онъ истратилъ сто тысячъ франковъ, то онъ получитъ сто тридцать,—если только онъ не захотѣлъ спекулировать на какомъ-нибудь новомъ товарѣ, а въ такомъ случаѣ онъ рискуетъ или удвоить свое состояніе, или потерять его совсѣмъ.

Но какъ онъ могъ найти людей, которые бы согласились совершить поѣздку, отправиться въ Китай и воротиться, переносить тяжелые и утомительные труды, рисковать жизнью за ничтожное жалованье? Какъ въ докахъ могъ онъ найти нагрузчиковъ и выгрузчиковъ, которымъ онъ платилъ ровно столько, чтобъ они не могли умереть во время работы съ голоду? Какъ? Потому что они бѣдны! Отправьтесь въ морской портъ, посѣтите кофейни на берегу, понаблюдайте этихъ людей: они пришли наниматься, стучатся въ ворота доковъ, которыя они съ разсвѣта осаждаютъ, чтобъ приняли работать на суда. Посмотрите на этихъ моряковъ, счастливыхъ, что попали въ дальнее путешествіе послѣ многихъ недѣль и мѣсяцевъ ожиданія; всю свою жизнь они провели на судахъ, то на одномъ, то на другомъ, и еще поѣздятъ на многихъ другихъ, до тѣхъ поръ, пока не погибнутъ въ волнахъ.

Войдите въ ихъ лачуги, посмотрите на ихъ женъ и дѣтей въ лохмотьяхъ, живущихъ неизвѣстно какъ въ ожиданіи отца, и вы получите отвѣтъ.

Увеличьте число примѣровъ, выбирайте ихъ гдѣ вамъ угодно и пораздумайте о происхожденіи всѣхъ состояній, большихъ и малыхъ,—произошли ли они путемъ торговли, банковыхъ операцій, промышленности или сельскаго хозяйства. Вездѣ вы удостовѣритесь, что богатство однихъ создано посредствомъ нищеты другихъ. Анархистическому обществу нечего бояться неизвѣстнаго Ротшильда, который вдругъ пріѣдетъ и поселится въ его средѣ. Если каждый членъ этого общества знаетъ, что послѣ нѣсколькихъ часовъ производительнаго труда онъ будетъ имѣть право на всѣ доставляемыя цивилизацiей удовольствія

и на тѣ высокія наслажденія, что наука и искусство даютъ тому, кто ими занимается, онъ не пойдетъ продавать свою рабочую силу за тощее содержаніе: никто не предложитъ себя для обогащенія вышеназваннаго Ротшильда. Его экю будутъ кусочками металла, полезными для разныхъ надобностей, но неспособными размножаться.

Отвѣчая на предыдущее возраженіе, мы, въ то же время, опредѣлили границы экспропріаціи.

Экспропріація должна простираться на все, что позволяетъ кому бы то ни было—банкирамъ, промышленникамъ, землевладѣльцамъ—присваивать себѣ чужой трудъ. Рецептъ простъ и понятенъ.

Мы не хотимъ отбирать у каждаго его пальто, но мы хотимъ отдать работникамъ *все*, что позволяетъ кому бы то ни было ихъ эксплоатировать, и мы употребимъ всѣ наши силы, чтобы не было *ни одного человѣка*, который былъ бы вынужденъ продавать свои руки для своего съ дѣтьми существованія, чтобъ никто ни въ чемъ не нуждался.

Вотъ какъ мы понимаемъ экспропріацію и нашу обязанность во время революціи, на наступленіе которой мы надѣемся не черезъ двѣсти лѣтъ, а въ *близкомъ* будущемъ.

III.

Анархистическая идея вообще и идея объ экспропріаціи въ частности встрѣчаютъ гораздо болѣе симпатіи, чѣмъ думаютъ, среди людей независимаго характера и такихъ, для которыхъ праздность не представляется высшимъ идеаломъ. «Однако,— говорятъ намъ часто наши друзья,—остерегайтесь идти слишкомъ далеко! Такъ какъ человѣчество не измѣняется въ одинъ день, то не идите слишкомъ скоро въ вашихъ проектахъ экспропріаціи и анархіи! Вы рискуете, что не сдѣлаете ничего прочнаго».

А мы,—чего мы опасаемся въ дѣлѣ экспропріаціи? Ужъ ни коимъ образомъ не того, чтобъ зашли слишкомъ далеко. Мы, напротивъ, опасаемся, что экспропріація совершится въ слишкомъ малыхъ размѣрахъ, чтобы быть прочною, что революціонный порывъ остановится на полъ-дорогѣ, что онъ истощитъ свои

силы на полу-мѣрахъ, которыя никого не удовлетворятъ и которыя, произведя сильный переворотъ въ обществѣ и остановку его функцій, не будутъ, однако, жизнеспособны, посѣютъ общее недовольство и неизбѣжно приведутъ къ торжеству реакціи.

Въ нашихъ обществахъ есть, въ самомъ дѣлѣ, такія установившіяся отношенія, которыя положительно невозможно измѣнить, если касаются ихъ только отчасти. Различныя части нашей экономической организаціи такъ тѣсно между собою связаны, что нельзя измѣнить одну изъ нихъ, не измѣняя ихъ во всей ихъ совокупности: это сейчасъ же будетъ замѣтно, какъ только захотятъ экспропріировать что бы то ни было.

Предположимъ, въ самомъ дѣлѣ, что въ какой-нибудь области совершилась неполная экспропріація: предположимъ, ограничились лишь тѣмъ, что экспропріировали только крупныхъ помѣщиковъ, не касаясь до фабрикъ, какъ того требовалъ недавно Генри Джоржъ; что въ извѣстномъ городѣ экспропріированы домà, безъ общаго потребленія съѣстныхъ припасовъ, или что въ какой нибудь промышленной области экспропріированы фабрики, и сохранены крупныя помѣстья.

Результатъ во всѣхъ этихъ случаяхъ будетъ одинъ и тотъ же: громадное потрясеніе экономической жизни, безъ средствъ для организаціи этой жизни на новыхъ основаніяхъ; остановка промышленности и обмѣна, безъ возвращенія къ принципамъ справедливости: невозможность для общества вновь организоваться въ гармоническое цѣлое.

Если сельское хозяйство освободится отъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ безъ того, чтобы промышленность освободилась отъ промышленнаго капиталиста, отъ коммерсанта и банкира, то все останется по старому. Земледѣлецъ страдаетъ въ настоящее время не только отъ того, что долженъ платить ренту землевладѣльцу, но онъ терпитъ отъ всей совокупности существующихъ условій: онъ терпитъ отъ налога, взимаемаго съ него промышленникомъ, который заставляетъ его платить три франка за заступъ, стòящій — по сравненію съ трудомъ земледѣльца — только пятнадцать су [1]; отъ податей, взимаемыхъ государствомъ, которое не можетъ существовать безъ массы іерархически организованныхъ чиновниковъ: отъ расходовъ на содержаніе арміи, которую держитъ государство, по-

[1]) Су-пять сантимовъ.

тому что промышленники всѣхъ націй находятся въ постоянной борьбѣ изъ-за рынковъ и война каждый день можетъ разразиться вслѣдствіе ссоры изъ-за владѣнія той или иной частью Азіи или Африки. Земледѣлецъ страдаетъ отъ обезлюденія деревень, молодежь которыхъ привлекается мануфактурами большихъ городовъ, — приманкою ли большей заработной платы, временно платимой производителями предметовъ роскоши, или же удовольствіями болѣе шумной жизни: онъ страдаетъ еще отъ искусственнаго покровительства промышленности, отъ торговой эксплоатаціи сосѣднихъ странъ, отъ ажіотажа, отъ трудности улучшить почву и усовершенствовать сельскохозяйственныя орудія, и т. д. Однимъ словомъ, сельское хозяйство страдаетъ не только отъ ренты, но отъ всей совокупности условій жизни нашихъ обществъ, основанныхъ на эксплоатаціи, и если бы даже экспропріація позволила всѣмъ воздѣлывать землю и приводить ее въ цвѣтущее состояніе, не платя никому никакой ренты, то сельское хозяйство, если бы даже и достигло кратковременнаго благосостоянія, — возможность чего, впрочемъ, еще не доказана, — скоро снова впало бы въ тотъ маразмъ, въ какомъ оно находится въ настоящее время. Все нужно будетъ начинать снова, съ прибавкой новыхъ затрудненій.

То же и съ промышленностью. Передайте завтра фабрики рабочимъ, сдѣлайте то, что было сдѣлано для извѣстнаго числа крестьянъ, которыхъ сдѣлали землевладѣльцами. Устраните предпринимателя - промышленника, но землю оставьте помѣщику, деньги — банкиру, биржу — коммерсанту; оставьте въ обществѣ всю ту массу праздныхъ, что живутъ трудомъ рабочаго, сохраните тысячи посредниковъ, государство со своими безчисленными чиновниками, — и промышленность будетъ стоять. Не находя покупателей въ массѣ крестьянъ, оставшихся бѣдными, не имѣя сырыхъ матеріаловъ и не будучи въ состояніи вывозить свои продукты, отчасти по случаю остановки торговли и въ особенности вслѣдствіе децентрализаціи отраслей промышленности, она будетъ влачить жалкое существованіе, оставляя рабочихъ на мостовой, и эти полчища голодныхъ будутъ рады подчиниться первому встрѣчному интригану или даже вернуться къ старому режиму, только бы гарантировалъ онъ имъ заработную плату.

Или же, наконецъ, экспропріируйте помѣщиковъ и отдайте фабрики рабочимъ, но не трогайте тѣхъ многочисленныхъ посред-

никовъ, которые спекулируютъ въ настоящее время на мукѣ и зерновомъ хлѣбѣ, на мясѣ и пряностяхъ въ большихъ центрахъ, въ то же время сбывая продукты нашихъ мануфактуръ.

Но, если обмѣнъ остановится и продукты не будутъ обращаться, если въ Парижѣ будетъ недостатокъ хлѣба, а Ліонъ не найдетъ покупателей для своихъ шелковъ, то реакція вернется ужасною, шествующею по трупамъ, возящею пулемёты по городамъ и селамъ, устраивая вакханалію казней и ссылокъ, какъ она уже дѣлала въ 1815, 1848 и 1871 годахъ.

Все держится одно за другое въ нашихъ обществахъ, и невозможно что либо реформировать безъ того, чтобы не потрясти все.

Въ тотъ день, когда будетъ поражена частная собственность въ одной изъ своихъ формъ,—земельной или промышленной,—будутъ вынуждены поразить ее во всѣхъ остальныхъ. Самый успѣхъ революціи этого потребуетъ.

Впрочемъ, нельзя ограничиться частичной экспропріаціей, еслибъ даже того захотѣли. Разъ *принципъ* святой собственности будетъ потрясенъ, теоретики не помѣшаютъ ея разрушенію здѣсь крѣпостными земли, тамъ крѣпостными промышленности.

Если какой нибудь большой городъ,—Парижъ, напримѣръ,—завладѣетъ только домами или фабриками, то онъ будетъ самою силою вещей приведенъ не признавать болѣе за банкирами права взимать съ коммуны пятьдесятъ милліоновъ налога, подъ видомъ процентовъ по прежнимъ займамъ. Онъ долженъ будетъ войти въ сношеніе съ хлѣбопашцами и неизбѣжно онъ понудитъ ихъ освободиться отъ землевладѣльцевъ. Чтобъ имѣть возможность ѣсть и работать, ему нужно будетъ экспропріировать желѣзныя дороги; и наконецъ, чтобъ избѣжать расхищенія съѣстныхъ припасовъ, чтобъ не остаться, какъ то случилось съ коммуной 1793 года, въ рукахъ скупщиковъ хлѣба, онъ передастъ самимъ гражданамъ заботу о снабженіи магазиновъ съѣстными припасами и распредѣленіи продуктовъ.

Нѣкоторые соціалисты однако старались установить одно различіе. «Пусть экспропріируютъ почву, подпочву, фабрику, мануфактуру,—очень хорошо», говорятъ они. «Это орудія производства и справедливо видѣть въ нихъ общественную собственность. Но есть, кромѣ того, предметы потребленія,—пища,

одежда, жилище,—которые должны остаться частной собственностью».

Здравый смыслъ народа справился съ этимъ тонкимъ различіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы не дикіе, чтобъ жить въ лѣсу подъ прикрытіемъ вѣтвей. Нужны домъ, комната, кровать, печь для работающаго европейца.

Кровать, комната, домъ, это мѣста бездѣльничанья для того, кто ничего не производитъ. Но для работника вытопленная и освѣщенная комната такое же орудіе производства, какъ и машина или инструментъ. Это мѣсто для возстановленія мускуловъ и нервовъ, которые завтра будутъ тратиться на работѣ. Отдыхъ производителя,—это пусканіе въ ходъ машины.

Это еще болѣе очевидно по отношенію къ пищѣ. Такъ называемымъ экономистамъ, о которыхъ мы говоримъ, никогда въ голову не приходило говорить, что уголь, сжигаемый въ машинѣ, не долженъ считаться въ числѣ предметовъ, столь же необходимыхъ для производства, какъ и сырой матеріалъ. Какъ же случилось, что пища, безъ которой человѣческая машина не можетъ произвести ни малѣйшаго усилія, могла быть исключена изъ предметовъ необходимыхъ для производителя? Не остатокъ-ли это религіозной метафизики?

Плотный, изысканный обѣдъ богача несомнѣнно предметъ роскоши; но обѣдъ производителя, это одинъ изъ предметовъ, необходимыхъ для производства также точно, какъ уголь сжигаемый въ паровой машинѣ.

То же самое и относительно одежды. Если бы экономисты, которые дѣлаютъ это различіе между предметами производства и предметами потребленія, носили костюмъ ново-гвинейскихъ дикарей,—мы поняли бы эту оговорку. Но людямъ, которые не могутъ написать строчки, не имѣя на своихъ плечахъ рубашки, не умѣстно дѣлать такое большое различіе между ихъ рубашкой и перомъ. А если изысканные туалеты ихъ дамъ и представляютъ предметы роскоши, то тѣмъ не менѣе есть извѣстное количество холста, бумажной и шерстяной матеріи, безъ котораго производитель не можетъ обойтись во время работы.

Блуза и башмаки, безъ которыхъ работнику не удобно было бы ходить на работу; куртка, которую онъ надѣваетъ по окончаніи работы, фуражка ему также необходимы, какъ молотокъ и наковальня.

Нравится вамъ или не нравится, но народъ такъ понимаетъ революцію. Какъ только онъ смететъ правительства, онъ постарается прежде всего обезпечить за собою здоровое жилище, достаточную пищу и одежду, ничего за то не платя.

И народъ правъ. Его способъ дѣйствовать будетъ гораздо болѣе согласенъ «съ наукой», чѣмъ способъ экономистовъ, которые дѣлаютъ столько различій между орудіями производства и предметами потребленія. Онъ пойметъ, что именно съ этого должна начаться революція, и онъ положитъ основаніе единственной экономической науки, которая могла бы себѣ требовать названіе науки и которую можно было бы назвать: *изученіе потребностей человѣчества и экономическихъ средствъ для ихъ удовлетворенія.*

Съѣстные припасы.

I.

Если будущая революція должна быть революціей соціальной, то она будетъ отличаться отъ предыдущихъ возстаній не только цѣлью но и пріемами. Новая цѣль требуетъ и новыхъ пріемовъ.

Три большихъ народныхъ движенія, которыя мы видѣли во Франціи за послѣднія сто лѣтъ, отличаются между собою во многихъ отношеніяхъ. А между тѣмъ у нихъ есть и общая черта.

Народъ борется ради низверженія стараго порядка: онъ проливаетъ свою драгоцѣнную кровь. Затѣмъ, сдѣлавъ чрезвычайное усиліе, онъ уходитъ въ тѣнь. Учреждается правительство изъ людей болѣе или менѣе честныхъ, и вотъ оно беретъ на себя трудъ организовать—республику въ 1793-мъ, трудъ въ 1848-мъ и свободную коммуну въ 1871-мъ году.

Пропитанное якобинскими идеями, это правительство занимается прежде всего вопросами политическими—реорганизаціей правительственной машины, очищеніемъ администраціи, отдѣленіемъ церкви отъ государства, политическими вольностями, и такъ далѣе.

Правда, что рабочіе клубы наблюдаютъ за новыми правителями. Часто они внушаютъ имъ свои идеи. Но даже въ этихъ клубахъ,—кто бы ни были тамъ ораторы: буржуа или работники,—всегда преобладаетъ буржуазная идея. Много говорятъ о политическихъ вопросахъ, но забываютъ вопросъ о хлѣбѣ.

Великія идеи были высказаны въ эти эпохи,—идеи, потрясшія міръ. Произнесены были рѣчи, которыя до сихъ поръ заставляютъ биться наши сердца, на разстояніи цѣлаго столѣтія.

Но въ предмѣстьяхъ не хватало хлѣба. Какъ только революція разражалась, трудъ неизбѣжно останавливался. Обращеніе продуктовъ прекращалось, капиталы прятались. Хозяину нечего было бояться въ эти времена: онъ жилъ своими процентами, если только онъ не спекулировалъ на нищетѣ, а наемный работникъ долженъ былъ перебиваться со дня на день. Начинался голодъ.

Появлялась нищета, но такая нищета, какой никогда не видали при старомъ порядкѣ.

— «Это жирондисты насъ морятъ голодомъ», думали въ предмѣстьяхъ въ 1793 году. И жирондисты были гильотинированы; дали полномочія Горѣ, затѣмъ парижской коммунѣ. Коммуна дѣйствительно думала о хлѣбѣ. Въ Ліонѣ, Фушэ и Колло-Дербоа строили запасные хлѣбные магазины, но для ихъ наполненія располагали слишкомъ ничтожными средствами. Муниципалитеты бились изъ-за хлѣба; вѣшали булочниковъ за то, что скупали муку, а хлѣба все-таки не хватало.

Тогда взялись за заговорщиковъ-роялистовъ. Ихъ гильотинировали по двѣнадцати, пятнадцати въ день,—служанокъ вмѣстѣ съ герцогинями, въ особенности служанокъ, потому что герцогини были въ Кобленцѣ. Но если бы гильотинировали по сто герцоговъ и виконтовъ въ день, то и тогда ничего бы не измѣнилось.

Нищета все возрастала. Такъ какъ, чтобъ жить, нужно всегда получать жалованье, а жалованье не приходило,—то чѣмъ могло пособить большее или меньшее количество покойниковъ?

Тогда народу все это начало надоѣдать—«Хорошо идетъ ваша революція!» шепталъ реакціонеръ рабочему. «Никогда не были вы такъ несчастны!» И мало по малу богатый успокаивался; онъ выходилъ изъ своего потайного мѣста, дразнилъ босяковъ своей чрезмѣрной роскошью, наряжался франтомъ и говорилъ рабочимъ: «Ну, довольно глупостей! Что вы выиграли отъ революціи? Давно пора съ нею покончить!» Со стѣсненнымъ сердцемъ, выведенный изъ терпѣнія, революціонеръ приходилъ къ такому заключенію: «еще разъ не удалась революція!» И возвращался онъ въ свою лачугу и отстранялся отъ всего.

Тогда реакція показывала себя высокомѣрной. Она дѣлала свой государственный переворотъ. Ей, послѣ смерти революціи, оставалось только растоптать ея трупъ.

И его растоптывали! Проливали рѣки крови; бѣлый терроръ рубилъ головы, наполнялъ тюрьмы; въ то же время, когда возобновлялись оргіи шайки государственныхъ воровъ.

Вотъ изображеніе всѣхъ нашихъ революцій. Въ 1848 г. парижскій рабочій повергалъ къ услугамъ республики «три мѣсяца нищеты», а по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, не будучи въ состояніи болѣе терпѣть, безнадежно напрягъ въ послѣдній разъ свои силы, которыя были затоплены въ крови.

И въ 1871 году коммуна умирала за недостаткомъ защитниковъ. Она не забыла декретировать отдѣленіе церкви отъ государства, но опоздала подумать о томъ, чтобъ обезпечить за всѣми пропитаніе. И Парижъ услышалъ, какъ высокопоставленные люди дразнили федератовъ, говоря имъ: «ступайте же, болваны, чтобъ васъ убили за тридцать су, пока мы будемъ кутить въ такомъ-то людномъ ресторанѣ!» Въ послѣдніе дни поняли ошибку; сварили для всѣхъ супъ; но было уже поздно: версальцы были уже на валахъ!

— «Хлѣба, нужно хлѣба для революціи!»

Пусть другіе занимаются изданіемъ циркуляровъ съ блестящими періодами! Пусть другіе жалуютъ себѣ позументы, пока они ихъ могутъ носить. Пусть другіе, наконецъ, ругаютъ политическія вольности!.. Наше дѣло будетъ сдѣлать такъ, чтобы, съ первыхъ дней революціи и все время, пока она длится, не было ни одного человѣка на возставшей территоріи, которому не хватало хлѣба, ни одной женщины, которая вынуждена была стоять въ хвостѣ передъ булочной, чтобъ принести оттуда комокъ отрубей, который, какъ милостыню, ей заблагоразсудятъ выбросить, ни одного ребенка, который нуждался въ чемъ либо необходимомъ для его слабой организаціи.

Буржуазная идея состояла въ томъ, чтобъ разглагольствовать о великихъ принципахъ, или вѣрнѣе сказать, о великихъ обманахъ. Идея народная будетъ заключаться въ томъ, чтобъ обезпечить хлѣбъ всѣмъ. И пока буржуа и обуржуазившіеся рабочіе будутъ представлять въ говорильняхъ великихъ людей, пока «практическіе люди» будутъ безъ толку разсуждать о формахъ правленія, мы, «утописты», мы должны будемъ думать о насущномъ хлѣбѣ.

Мы имѣемъ смѣлость утверждать, что каждый долженъ и можетъ ѣсть до сыта, что при помощи хлѣба для всѣхъ побѣдитъ революція.

II.

Мы утописты,—это извѣстно. Мы, въ самомъ дѣлѣ, такіе утописты, что простираемъ нашу утопію до крайности и думаемъ, что революція должна и можетъ гарантировать всѣмъ жилище, одежду и пищу,—это очень не нравится краснымъ и синимъ буржуа, такъ какъ они очень хорошо знаютъ, что повелѣвать народомъ, который ѣстъ до сыта, очень трудно.

Итакъ, мы настаиваемъ, что слѣдуетъ обезпечить хлѣбъ возставшему народу, и чтобы хлѣбный вопросъ первенствовалъ надо всѣми прочими. Если онъ будетъ рѣшенъ въ интересахъ народа, то революція будетъ на хорошемъ пути, потому что, чтобъ рѣшить вопросъ о съѣстныхъ припасахъ, надо принять принципъ равенства, который волей-неволей долженъ будетъ быть принятымъ и при рѣшеніи всѣхъ другихъ вопросовъ.

Несомнѣнно, что будущая революція,—подобная въ этомъ революціи 1848 года,—разразится среди страшнаго промышленнаго кризиса. Вотъ уже двѣнадцать лѣтъ, какъ мы находимся въ сильнѣйшемъ возбужденіи, и положеніе можетъ только ухудшиться. И все тому содѣйствуетъ: соперничество молодыхъ націй, вступающихъ въ борьбу изъ-за завоеванія старыхъ рынковъ, войны, все возрастающіе налоги, государственные долги, необезпеченность завтрашняго дня, большія предпріятія въ далекихъ странахъ.

Милліоны европейскихъ рабочихъ нуждаются въ настоящее время въ работѣ. Будетъ еще хуже, когда разразится революція и распространится, какъ огонь, приложенный къ пороховому приводу. Число безработныхъ рабочихъ удвоится, какъ только въ Европѣ или Соединенныхъ Штатахъ будутъ воздвигнуты баррикады. Что будутъ дѣлать, чтобы обезпечить пропитаніе такому множеству народа?

Мы не знаемъ, ставили-ли себѣ люди, называющіе себя практическими, этотъ вопросъ во всей его неприкрашенной наготѣ. Но мы знаемъ одно, это—то, что они хотятъ сохранить наемный трудъ: будемъ же теперь ожидать, что они станутъ восхвалять національныя мастерскія и «общественныя работы», какъ средство насытить безработныхъ.

Національныя мастерскія открывались въ 1789 и 1793 годахъ, и къ тому же средству прибѣгали въ 1848 году: Наполеону III

удалось въ теченіе восемнадцати лѣтъ сдерживать парижскій пролетаріатъ, давая ему работу,—которая стоитъ теперь Парижу двухъ милліардовъ долга и муниципальнаго налога въ 90 франковъ съ человѣка: это же великолѣпное средство для «обузданія скотины» примѣнялось въ Римѣ и даже въ Египтѣ, четыре тысячи лѣтъ тому назадъ; наконецъ, деспоты, короли и императоры всегда успѣвали выбросить кусокъ хлѣба народу, чтобы имѣть время поднять кнутъ,—по всему этому естественно, что люди практическіе восхваляютъ такой способъ увѣковѣченія наемнаго труда. Зачѣмъ ломать голову, когда располагаютъ способомъ, испытаннымъ египетскими фараонами!

Такъ, если революція будетъ имѣть несчастіе пойти по этому пути, то она погибнетъ.

Въ 1848 году, когда открывали національныя мастерскія, 27-го февраля, рабочихъ безъ работы въ Парижѣ было только восемь тысячъ. Двѣ недѣли спустя ихъ уже было 49 тыс. И ихъ скоро стало сто тысячъ, не считая прибывшихъ изъ провинціи.

Но въ то время промышленность и торговля не занимали во Франціи и половины рабочихъ рукъ, по сравненію съ настоящимъ. А извѣстно, что во время революціи больше всего страдаютъ мѣновая дѣятельность и промышленность. Подумайте только о числѣ рабочихъ, которые, прямо или косвенно, служатъ вывозу, о числѣ рукъ, употребляемыхъ въ отрасляхъ промышленности, производящихъ предметы роскоши и имѣющихъ своими покупателями буржуазное меньшинство!

Революція въ Европѣ,—это немедленная остановка по крайней мѣрѣ половины фабрикъ и мануфактуръ. Это значитъ, что будутъ выброшены на мостовую милліоны рабочихъ съ своими семьями.

И такое-то поистинѣ ужасное положеніе думаютъ отразить посредствомъ національныхъ мастерскихъ, то есть новыхъ моментально созданныхъ отраслей промышленности для того, чтобы занять безработныхъ!

Очевидно, что, какъ это замѣтилъ еще Прудонъ, малѣйшее нападеніе на собственность приведетъ къ полной дезорганизаціи весь строй, основанный на частной предпріимчивости и наемномъ трудѣ. Само общество вынуждено будетъ взять въ руки производство во всей совокупности и перестроить его согласно съ *потребностями всей совокупности населенія.* Но такъ

какъ эта перестройка невозможна въ одинъ день или въ одинъ мѣсяцъ, такъ какъ она потребуетъ для приспособленія извѣстнаго промежутка времени, когда милліонны людей будутъ лишены средствъ къ существованію,—что тогда будутъ дѣлать?

При такихъ условіяхъ есть только одно рѣшеніе по истинѣ *практическое:* слѣдуетъ признать всю громадность представляющагося дѣла и вмѣсто того, чтобы пытаться подправлять положеніе, которое сами же сдѣлали невозможнымъ, заняться перестройкой производства согласно съ новыми принципами.

Нужно, слѣдовательно, по нашему мнѣнію, для успѣха дѣла, чтобы народъ немедленно завладѣлъ всѣми съѣстными припасами, находящимися въ возставшихъ коммунахъ, чтобъ онъ ихъ переписалъ и сдѣлалъ такъ, чтобы, ничего не расхищая, всѣ пользовались накопленными запасами во время кризиса, пока онъ длится. А въ это время слѣдуетъ согласиться съ фабричными рабочими, предложивъ имъ необходимый сырой матеріалъ и гарантируя имъ существованіе въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, чтобъ они могли произвести то, что необходимо хлѣбопашцу. Не забудемъ, что хотя Франція ткетъ шелковыя матеріи для нѣмецкихъ банкировъ и для императрицъ россійскихъ и гавайскихъ и хотя Парижъ дѣлаетъ восхитительныя игрушки для богачей всего свѣта, но двѣ трети французскихъ крестьянъ не имѣютъ въ своихъ домахъ порядочныхъ лампъ, а также машинъ, необходимыхъ въ наше время для земледѣлія.

И наконецъ, надо сдѣлать плодородными безплодныя земли, которыхъ не мало,—и улучшать тѣ, которыя не производятъ еще и одной десятой того, что они будутъ производить, когда будутъ подвергнуты интенсивной огородной и садовой культурѣ.

Это единственное практическое рѣшеніе, какое мы только способны предвидѣть, и, хотятъ его или нѣтъ, оно силою вещей само представетъ предъ нами роковымъ образомъ.

III.

Отличительная, преобладающая черта настоящей капиталистической системы это—наемный трудъ.

Человѣкъ, или группа людей, владѣющихъ необходимымъ капиталомъ, заводятъ промышленное предпріятіе; они берутся питать мануфактуру или фабрику сырыми матеріалами, устроить производство, продавать сфабрикованные продукты, платить рабочимъ опредѣленную заработную плату и, наконецъ, они прикарманиваютъ прибавочную цѣнность или барыши, подъ предлогомъ удовлетворенія себя за управленіе и за рискъ, которому они подвергались отъ колебанія цѣнъ, претерпѣваемыхъ товаромъ на рынкѣ.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ вся система *наемнаго труда*.

Чтобъ спасти эту систему, современные владѣльцы капитала готовы были бы сдѣлать нѣкоторыя уступки: раздѣлить, напримѣръ, часть доходовъ съ рабочими или же установить такую лѣстницу заработныхъ платъ, которая бы обязывала увеличивать плату по мѣрѣ возвышенія прибыли: короче говоря, они бы согласились на нѣкоторыя жертвы, только бы имъ оставили право управлять промышленностью и взимать съ нея доходы.

Коллективизмъ, какъ извѣстно, вноситъ въ этотъ строй значительныя измѣненія, но сохраняетъ тѣмъ не менѣе наемный трудъ. Только государство, то есть представительное правительство, національное или коммунальное, становится на мѣсто хозяина. Представители націи или коммуны и ихъ делегаты,—ихъ чиновники,—становятся управляющими промышленностью. Они также оставляютъ за собою право употреблять въ интересахъ всѣхъ прибавочную цѣнность, получаемую отъ производства. Кромѣ того, въ этой системѣ устанавливаютъ различіе очень тонкое, но чреватое послѣдствіями, между трудомъ рабочаго и трудомъ человѣка обучавшагося: трудъ чернорабочаго, на взглядъ коллективиста, — трудъ *простой*, тогда какъ ремесленникъ, инженеръ, ученый, и пр. занимаются тѣмъ, что Марксъ называетъ трудомъ *сложнымъ* и имѣютъ право на высшую заработную плату. Но чернорабочіе и инженеры, ткачи и ученые нанимаются государствомъ,—все чиновники, говорили недавно, чтобъ позолотить пилюлю.

Итакъ, наибольшая услуга, какую будущая революція можетъ оказать человѣчеству, это создать такое положеніе, при которомъ всякая система наемнаго труда станетъ невоз-

можной, непримѣнимой, и гдѣ предстанетъ, какъ единственное пріемлемое рѣшеніе, коммунизмъ, отрицаніе наемнаго труда.

Допуская даже, что коллективистическое преобразованіе возможно, если оно дѣлается постепенно въ періодъ благоденствія и спокойствія (мы, лично, очень въ этомъ сомнѣваемся, даже и при такихъ условіяхъ),—оно станетъ невозможнымъ въ революціонный періодъ, потому что надобность кормить милліоны людей явится на другой день послѣ первой вооруженной схватки. Политическая революція можетъ совершится и безъ того, чтобы промышленность была потрясена, но революція, въ которой народъ наложитъ руку на собственность, неизбѣжно приведетъ къ моментальной остановкѣ всѣхъ обмѣновъ и производства. Государственныхъ милліоновъ не хватитъ на уплату милліонамъ безработныхъ жалованья.

Мы считаемъ необходимымъ всѣми силами настаивать на этомъ пунктѣ: реорганизація промышленности на новыхъ основаніяхъ (и мы вскорѣ разъяснимъ громадность этой задачи) не совершится въ нѣсколько дней, и пролетаріатъ не будетъ въ состояніи предложить къ услугамъ теоретиковъ наемнаго труда цѣлые годы нищеты. Чтобы пережить періодъ потрясенія, онъ потребуетъ то, что онъ всегда требовалъ при такихъ обстоятельствахъ: отдачу съѣстныхъ припасовъ на общее потребленіе, раздачу ихъ по порціямъ.

Напрасно будутъ проповѣдывать терпѣніе, народъ не станетъ больше терпѣть; и если всѣ съѣстные припасы не будутъ предоставлены всѣмъ,—онъ будетъ грабить булочныя.

Если народный взрывъ не достаточно силенъ, то народъ разстрѣляютъ. Чтобы коллективизмъ могъ произвести опытъ, ему нуженъ будетъ *порядокъ*, прежде всего, дисциплина и повиновеніе. И такъ какъ капиталисты скоро поймутъ, что сдѣлать такъ, чтобъ народъ былъ разстрѣлянъ тѣми, кого называютъ революціонерами, есть лучшее средство отвадить его отъ революціи, то они окажутъ, конечно, свою поддержку защитникамъ «порядка», даже коллективистамъ. Они тутъ увидятъ средство раздавить ихъ со временемъ въ свою очередь.

Если «порядокъ возстановленъ будетъ» такимъ образомъ, то послѣдствія легко предвидѣть. Не ограничатся разстрѣливаньемъ только «грабителей». Нужно будетъ розыскать «зачинщиковъ безпорядка», возстановить суды, гильотину, и самые

ярые революціонеры взойдутъ на эшафотъ. Будетъ повтореніе 1793 года.

Не забудемъ, какъ реакція восторжествовала въ XVIII столѣтіи. Сначала гильотинировали Гебертистовъ-бѣшеныхъ, тѣхъ, которыхъ Минье, подъ совсѣмъ свѣжимъ впечатлѣніемъ борьбы, называлъ еще «анархистами». Дантонцы не замедлили за ними послѣдовать, и послѣ того, какъ Робеспьеристы гильотинировали этихъ революціонеровъ, за ними самими настала очередь идти на эшафотъ; наконецъ, народъ, утомленный всѣмъ этимъ и видя, что революція потеряна, предоставилъ дѣйствовать реакціонерамъ.

Если порядокъ возстановленъ, скажемъ мы, коллективисты будутъ гильотинировать анархистовъ, поссибилисты будутъ гильотинировать коллективистовъ и, наконецъ, они сами будутъ гильотинированы реакціонерами. И революцію нужно будетъ начинать сначала.

Но все заставляетъ думать, что взрывъ народа *будетъ* достаточно силенъ и что, когда революція совершится, идея анархистическаго коммунизма уже будетъ значительно распространена. Это вѣдь не выдуманная идея, самъ народъ намъ ее нашептываетъ, и число коммунистовъ будетъ увеличиваться по мѣрѣ того, какъ будетъ становиться очевидною невозможность всякаго иного рѣшенія.

А если взрывъ достаточно силенъ, дѣла примутъ совершенно иной оборотъ. Вмѣсто того, чтобы грабить нѣсколько булочныхъ, чтобъ на другой день голодать, народъ возставшихъ городовъ завладѣетъ хлѣбными магазинами, бойнями, лавками съѣстныхъ припасовъ, однимъ словомъ, всей находящейся налицо провизіей.

Граждане и гражданки тотчасъ же, по доброй волѣ, постараются переписать все, что найдутъ въ каждой лавкѣ, въ каждомъ запасномъ хлѣбномъ магазинѣ. Возставшая коммуна въ одни сутки будетъ знать то, чего Парижъ еще не знаетъ до сихъ поръ, несмотря на статистическіе комитеты, и чего онъ не зналъ во время осады, — сколько провизіи въ немъ находится. Черезъ двое сутокъ уже будутъ отпечатаны въ милліонахъ экземпляровъ точные списки всѣхъ припасовъ, тѣхъ мѣстъ, гдѣ они сложены, и тѣхъ способовъ, какими они будутъ распредѣляться.

Въ каждой кучкѣ домовъ, въ каждой улицѣ и въ каждомъ

кварталѣ будутъ организованы группы добровольцевъ,—добровольцевъ при съѣстныхъ припасахъ,—которые сумѣютъ сговориться и держаться въ курсѣ своихъ работъ. Пусть якобинскіе штыки не приходятъ вмѣшиваться, пусть такъ называемые научные теоретики не приходятъ что-либо путать или, лучше, пусть они путаютъ, сколько имъ угодно, только бы они не имѣли права приказывать! И съ тѣмъ удивительнымъ талантомъ самопроизвольной организаціи, которымъ народъ, а въ особенности французская нація, обладаетъ въ такой высокой степени во всѣхъ общественныхъ слояхъ и который ему такъ рѣдко позволяютъ проявлять, возникнетъ, даже въ такомъ обширномъ городѣ, какъ Парижъ, даже во время полнаго революціоннаго возбужденія,—обширная свободно установившаяся служба для снабженія каждаго необходимыми съѣстными припасами.

Пусть только у народа не будутъ руки связаны, и въ недѣлю служба по съѣстнымъ припасамъ будетъ совершаться съ удивительною правильностью. Нужно не видѣть никогда трудолюбиваго народа за дѣломъ, нужно всегда имѣть подъ своимъ носомъ дѣловыя бумаги, чтобъ въ этомъ сомнѣваться. Поговорите объ организаторскомъ талантѣ Великаго Незнакомца, Народа, съ тѣми, которые видѣли въ его Парижѣ въ дни баррикадъ и въ Лондонѣ во время послѣдней большой стачки, когда приходилось кормить полмилліона голодныхъ,—они вамъ разскажутъ, насколько онъ превосходитъ безличныхъ чиновниковъ.

Если, впрочемъ, придется претерпѣть въ теченіе двухъ недѣль или мѣсяца нѣкоторый частичный или относительный безпорядокъ,—это не важно! Для народныхъ массъ это все-таки будетъ лучше, чѣмъ то, что теперь: да къ тому же во время революціи обѣдаютъ,—смѣясь или, вѣрнѣе, за разговоромъ,—колбасой съ черствымъ хлѣбомъ, и никому не жалуются! Во всякомъ случаѣ то, что возникнетъ самопроизвольно, подъ давленіемъ непосредственныхъ потребностей, будетъ несравненно предпочтительнѣе всего того, что можно придумать въ четырехъ стѣнахъ среди старыхъ книгъ или въ думскихъ канцеляріяхъ.

—

IV.

Населеніе большихъ городовъ будетъ такимъ образомъ приведено, самою силою вещей, къ завладѣнію всѣми съѣстными припасами, идя отъ простого къ сложному, для удовлетворенія потребностей всѣхъ жителей. Чѣмъ скорѣе это будетъ сдѣлано, тѣмъ будетъ лучше,—тѣмъ болѣе будетъ предотвращено бѣдствій, тѣмъ больше междоусобій будетъ избѣгнуто.

Но на какихъ основаніяхъ можно будетъ устроить пользованіе съѣстными припасами сообща? Вотъ вопросъ, который естественно передъ нами возникаетъ.

Нѣтъ двухъ различныхъ способовъ сдѣлать это справедливо. Есть только одинъ, единственный отвѣчающій чувству справедливости и представляющійся дѣйствительно практическимъ. Это система, принятая уже земледѣльческими общинами въ Европѣ.

Возьмите крестьянскую общину, все равно гдѣ, даже во Франціи, гдѣ якобинцы, однако, все сдѣлали для уничтоженія общинныхъ обычаевъ. Если община владѣетъ лѣсомъ, напримѣръ, то, пока есть мелкій лѣсъ, каждый имѣетъ право пользоваться *сколько ему надобно*, безъ какого бы то ни было контроля, кромѣ общественнаго мнѣнія сосѣдей. Что же касается до крупнаго лѣса, котораго всегда мало, то тутъ прибѣгаютъ къ дѣлежу.

То же самое и относительно общественныхъ луговъ. Пока ихъ много въ общинѣ, никто не контролируетъ, сколько коровы того или иного хозяина съѣли, а также число коровъ на лугахъ. Прибѣгаютъ къ раздѣленію ихъ или къ раздѣленію сѣна, если луга недостаточны. Вся Швейцарія, много общинъ во Франціи, въ Германіи, вездѣ, гдѣ есть общественныя луга, практикуютъ эту систему.

А если вы отправитесь въ страны Восточной Европы, гдѣ крупнаго лѣса сколько угодно и гдѣ въ землѣ недостатка нѣтъ, то вы увидите, какъ крестьяне рубятъ деревья въ лѣсахъ, смотря по надобности, и пашутъ столько земли, сколько имъ нужно, вовсе не думая о раздѣленіи крупнаго лѣса по порціямъ и земли по клочкамъ. Тѣмъ не менѣе, крупный лѣсъ будетъ распредѣляться по дѣлянкамъ и земля будетъ раздѣлена

согласно потребностямъ каждаго хозяйства, какъ только того или другой будетъ не достаточно, какъ это уже случается въ Россіи.

Однимъ словомъ: брать изъ массы то, что имѣется въ изобиліи! распредѣлять по долямъ то, что должно быть измѣрено, раздѣлено! Изъ 350 милліоновъ живущихъ въ Европѣ людей, двѣсти милліоновъ слѣдуютъ еще этимъ совершенно естественнымъ порядкамъ.

Одно слѣдуетъ отмѣтить. Эта же система преобладаетъ также и въ большихъ городахъ для одного, по меньшей мѣрѣ, предмета потребленія, находящагося тамъ въ изобиліи, т. е. для воды, доставляемой на домъ.

Пока трубы достаточны для питанія домовъ, и нѣтъ опасеній относительно недостатка воды, никакой компаніи не приходитъ въ голову слѣдить за употребленіемъ воды въ каждой квартирѣ. Возьмите какой угодно случай! А если думаютъ, что во время большихъ жаровъ въ Парижѣ будетъ недостатокъ въ водѣ, то компаніи очень хорошо знаютъ, что достаточно простого объявленія въ четыре строчки въ газетахъ, чтобы парижане сократили потребленіе воды и не очень ее расхищали.

Но ежели воды будетъ дѣйствительно не хватать, что сдѣлаютъ? Прибѣгнутъ къ выдачѣ ея по порціямъ! И эта мѣра такъ естественна, такъ понятна, что въ 1871 году Парижъ два раза требовалъ раздачи порціями припасовъ во время двухъ выдержанныхъ имъ осадъ.

Слѣдуетъ ли входить въ подробности, составлять проектъ, какъ можно было бы устроить распредѣленіе порціями, доказывать, что это было бы справедливо, несравненно болѣе справедливо, чѣмъ все, что существуетъ въ настоящее время? Этими проектами и подробностями мы не сможемъ убѣдить тѣхъ буржуа—и увы!—тѣхъ обуржуазившихся рабочихъ,—которые смотрятъ на народъ, какъ на сборище дикарей, откусывающихъ другъ другу носы, какъ только правительство болѣе не дѣйствуетъ. Но нужно никогда не видѣть народа, какъ онъ обсуждаетъ дѣла, чтобы сомнѣваться одну только минуту, что, еслибъ онъ былъ хозяиномъ при раздачѣ порцій, онъ сдѣлалъ бы это согласно чистѣйшимъ чувствамъ справедливости и правосудія.

Пойдите, скажите въ какомъ нибудь народномъ собраніи, что куропатки должны быть сбережены для аристократовъ-бездѣльни-

ковъ съ тонкимъ вкусомъ, а черный хлѣбъ долженъ быть отдаваемъ больнымъ въ больницы,—васъ освищутъ.

Но скажите въ томъ же самомъ собраніи, проповѣдуйте на всѣхъ перекресткахъ, что самая изысканная пища должна быть сбережена, во-первыхъ, для слабыхъ, для больныхъ. Скажите, что если во всемъ Парижѣ есть только десять куропатокъ и одинъ только ящикъ съ малагой, то все это должно быть отнесено въ больничныя палаты выздоравливающимъ: скажите это...

Скажите, что за больнымъ слѣдуетъ ребенокъ. Ему только коровье и козье молоко, если не хватаетъ всѣмъ! Ребенку и старику—послѣдній кусокъ мяса, а здоровому мужчинѣ—черствый хлѣбъ, если дошли до такой крайности.

Скажите однимъ словомъ, что если какого нибудь съѣстного припаса не имѣется въ достаточномъ количествѣ, и если его надо дѣлить на порціи, то эти порціи должны быть оставлены тѣмъ, которые болѣе всѣхъ нуждаются: скажите это, и вы увидите, что вызовите общее одобреніе.

То, чего сытый не понимаетъ, народъ понимаетъ и всегда понималъ. Но даже этотъ сытый, разъ онъ на улицѣ, въ соприкосновеніи съ народной массой,—и тотъ пойметъ.

Теоретики, для которыхъ мундиръ и артельная миска солдата представляютъ послѣднее слово цивилизаціи, потребуютъ конечно, чтобы тотчасъ была введена національная кухня и чечевичный супъ. Они будутъ указывать, что можно будетъ съэкономить на топливѣ и на провизіи, если устроить громадныя кухни, куда бы всѣ приходили получать свою порцію бульона, хлѣба, овощей.

Мы не оспариваемъ этихъ выгодъ. Мы очень хорошо знаемъ, сколько человѣчество получило экономіи на топливѣ и трудѣ, отказавшись сначала отъ ручной мельницы, а затѣмъ отъ хлѣбной печи, гдѣ прежде каждый пекъ себѣ хлѣбъ. Мы понимаемъ, что было бы экономнѣе варить бульонъ сразу для ста семействъ, вмѣсто того чтобы затапливать сто отдѣльныхъ печей. Мы также знаемъ, что есть тысячи разныхъ способовъ готовить картофель, и что сваренная въ одномъ котлѣ для ста семействъ не будетъ отъ этого хуже.

Мы также понимаемъ, что такъ какъ разнообразіе кухни зависитъ въ особенности отъ специфическихъ свойствъ приправы каждой хозяйки, варка сообща мѣры картофеля не помѣшаетъ хозяйкамъ приправлять его каждой по своему. И мы

знаемъ, что посредствомъ жирнаго бульона можно сдѣлать сто разныхъ суповъ на сто разныхъ вкусовъ.

Мы все это знаемъ и тѣмъ не менѣе мы утверждаемъ, что никто не имѣетъ права заставлять хозяйку брать въ общинномъ магазинѣ вареную картофель, если она предпочитаетъ варить ее сама въ *своемъ* котлѣ, на *своемъ* огнѣ. И въ особенности мы хотимъ, чтобы каждый могъ потреблять свою пищу, какъ ему угодно, среди своего семейства или съ друзьями или даже въ ресторанѣ, если предпочитаетъ.

Конечно, большія кухни возникнутъ вмѣсто и на мѣстѣ ресторановъ, гдѣ отравляютъ публику въ настоящее время. Парижане уже привыкли у мясника брать бульонъ, чтобы сдѣлать изъ него супъ по своему вкусу, а лондонская хозяйка знаетъ, что она можетъ за нѣсколько копеекъ изжарить свое мясо или свою *сороку* съ картофелемъ или съ ревенемъ у булочника, экономя такимъ образомъ время и уголь. И когда кухня будущаго—общественная печь будущаго—не будетъ уже мѣстомъ обмана, фальсификаціи и отравленія, тогда заведется привычка обращаться къ этой печи за главными, совсѣмъ уже приготовленными, частями обѣда, ограничиваясь только, каждый по своему вкусу, послѣдней отдѣлкой ихъ.

Но установить законъ, вмѣнить въ обязанность брать пищу совсѣмъ готовую,—это было бы для человѣка девятнадцаго вѣка такъ же противно, какъ казарменныя или монастырскія идеи, идеи зловредныя, зародившіяся въ головахъ, развращенныхъ командованіемъ или извращенныхъ религіознымъ воспитаніемъ.

Кто будетъ имѣть право на съѣстные припасы коммуны? Это будетъ, конечно, первымъ подлежащимъ рѣшенію вопросомъ. Каждый городъ самъ отвѣтитъ и мы увѣрены, что отвѣты будутъ всѣ продиктованы чувствомъ справедливости. Пока работы не организованы, пока всѣ находятся въ періодѣ возбужденія и невозможно отличить лѣниваго бездѣльника отъ невольно-празднаго человѣка, наличными съѣстными припасами должны пользоваться всѣ безъ исключенія. Тѣ-же, которые сопротивлялись съ оружіемъ въ рукахъ народной побѣдѣ или же устраивали заговоры противъ нея, сами поспѣшатъ освободить отъ своего присутствія возставшую территорію. Но намъ кажется, что народъ—врагъ всякаго возмездія и, великодушный, онъ раздѣлитъ хлѣбъ со всѣми, кто останется въ его средѣ, будутъ ли то экспропріаторы или экспропріируемые. Если революція про-

никнется этой идеей, то она ничего не потеряетъ, и когда работа снова возобновится, то увидятъ, какъ сражавшіеся наканунѣ работаютъ въ одной и той-же мастерской. Въ обществѣ, гдѣ трудъ будетъ свободнымъ, нечего бояться бездѣльниковъ.

— «Но жизненныхъ припасовъ не хватитъ уже черезъ мѣсяцъ», кричатъ намъ критики.

Тѣмъ лучше! отвѣтимъ мы, это докажетъ, что пролетарій первый разъ въ жизни поѣлъ досыта. Что же касается до тѣхъ способовъ, какими пополнятъ то, что было потреблено, то именно этимъ вопросомъ мы теперь и займемся.

V.

Какими, въ самомъ дѣлѣ, способами городъ, среди соціальной революціи, могъ бы прокормить населеніе?

Мы сейчасъ отвѣтимъ на этотъ вопросъ; но очевидно, что пріемы, къ которымъ станутъ прибѣгать, будутъ зависѣть отъ характера революціи въ провинціи, а также и у сосѣднихъ націй. Если бы вся нація или, еще лучше, вся Европа могла съ одного разу сдѣлать соціальную революцію и осуществить полный коммунизмъ, то соотвѣтственно съ этимъ и было бы поступлено. Но если только нѣсколько общинъ въ Европѣ попытаются осуществить коммунизмъ, то нужно будетъ избрать другіе пріемы. Каково положеніе, таковы и способы дѣйствія.

Такимъ образомъ мы оказываемся вынужденными, ранѣе чѣмъ идти дальше, бросить взглядъ на Европу, и, не претендуя на пророчество, мы должны указать ходъ революціи, по крайней мѣрѣ, въ ея существенныхъ чертахъ.

Конечно, весьма желательно, чтобы вся Европа поднялась сразу, чтобы вездѣ занялись экспропріаціей и вездѣ проникались коммунистическими принципами. Такое возстаніе значительно облегчило бы дѣло нашего вѣка.

Но все заставляетъ думать, что будетъ не такъ. Что революція охватитъ Европу,—въ этомъ мы не сомнѣваемся. Если одна изъ четырехъ столицъ континента,—Парижъ, Вѣна, Брюссель или Берлинъ,—возстанетъ и низвергнетъ свое правительство, то, почти навѣрное, остальныя три сдѣлаютъ то же не позже, какъ черезъ нѣсколько недѣль. Очень также вѣроятно, что на

полуостровахъ, и даже въ Лондонѣ и Петербургѣ, революція не заставитъ себя долго ждать. Но одинаковъ ли будетъ ея характеръ вездѣ?—въ этомъ позволительно сомнѣваться.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что повсюду будутъ акты экспропріаціи, совершенные въ большемъ или меньшемъ масштабѣ, и эти акты, практикуемые одной изъ великихъ европейскихъ націй, повліяютъ и на всѣ прочія.

Но начало революціи будетъ сопряжено съ большими мѣстными затрудненіями и развитіе ея не всегда будетъ тожественно въ разныхъ странахъ. Въ 1789—1793 годахъ, французскіе крестьяне употребили четыре года на окончательное уничтоженіе феодальныхъ правъ, а буржуа на низверженіе королевской власти. Не забудемъ это и подождемъ, пока революція употребитъ нѣкоторое время на свое развитіе. Будемъ готовы къ тому, что она не пойдетъ вездѣ однимъ путемъ.

Что же касается до того, чтобы она съ самаго начала у всѣхъ европейскихъ народовъ приняла характеръ открыто-соціалистическій, въ особенности сначала, то это еще сомнительно. Напомнимъ, что Германія представляетъ еще унитарную имперію, и что ея передовыя партіи мечтаютъ о якобинской республикѣ 1848 года и объ «организаціи труда» Луи Блана, тогда какъ французскій народъ хочетъ, по крайней мѣрѣ, свободную общину, если не общину коммунистическую.

Что Германія во время будущей революціи пойдетъ дальше Франціи,—все заставляетъ это думать. Франція, совершая въ восемнадцатомъ вѣкѣ свою буржуазную революцію, пошла дальше Англіи семнадцатаго вѣка: вмѣстѣ съ королевской властью она уничтожила и власть земельной аристократіи, которая еще представляетъ могущественную силу у англичанъ. Но если Германія пойдетъ дальше и сдѣлаетъ лучше, чѣмъ Франція въ 1848 г., то конечно идея, которая ей внушитъ начало революціи, будетъ идея 1848 года, подобно тому, какъ идея, которая внушитъ революцію въ Россіи, будетъ идея 1789 года, измѣненная до нѣкоторой степени умственнымъ движеніемъ нашего вѣка. Не придавая, впрочемъ, этимъ предвидѣніямъ болѣе значенія, чѣмъ они того заслуживаютъ, мы можемъ придти къ слѣдующему заключенію: революція приметъ различный характеръ у разныхъ народовъ Европы: уровень, достигнутый по отношенію къ соціализаціи продуктовъ, не будетъ одинъ и тотъ же.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что самыя передовыя націи должны

соразмѣрять свои шаги съ націями отсталыми, какъ это не разъ говорили? Ждать, чтобы коммунистическая революція созрѣла у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ?—Конечно нѣтъ! Еслибъ, впрочемъ, и хотѣли этого, это было бы невозможно: исторія не ждетъ отсталыхъ.

Съ другой стороны, мы не думаемъ, чтобы въ одной и той же странѣ революція совершилась сразу вездѣ, какъ мечтаютъ нѣкоторые соціалисты. Очень вѣроятно, что если одинъ изъ пяти или шести большихъ городовъ Франціи—Парижъ, Ліонъ, Марсель, Лилль, Сентъ-Этьенъ, Бордо—провозгласитъ коммуну, то другіе послѣдуютъ его примѣру, и что многіе менѣе населенные города сдѣлаютъ то же самое. Вѣроятно также, что нѣкоторые горные округа, а также нѣкоторые промышленные центры не замедлятъ распустить своихъ хозяевъ и устроиться свободными группами.

Но много деревень далеки еще до этого: находясь рядомъ съ возставшими общинами, онѣ останутся въ выжидательномъ положеніи и будутъ продолжать жить при индивидуалистическомъ строѣ. Такъ какъ крестьяне не увидятъ ни судебнаго пристава, ни сборщика податей, приходящаго къ нимъ за деньгами, то они не будутъ враждебны повстанцамъ; воспользовавшись положеніемъ, они повременятъ сведеніемъ счетовъ съ мѣстными эксплоататорами. Но съ тѣмъ практическимъ духомъ, которымъ всегда отличаются аграрныя возстанія (вспомнимъ яростное распахиваніе въ 1792 году), они съ ожесточеніемъ примутся воздѣлывать землю, которую они будутъ любить тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе она будетъ обложена налогами и процентами по закладнымъ.

Что касается до заграничныхъ странъ, то вездѣ будетъ революція, но революція въ различныхъ формахъ. Здѣсь унитарная, тамъ федералистическая, вездѣ болѣе или менѣе соціалистическая. Ничего однообразнаго.

VI.

Но возвратимся къ нашему возставшему городу и посмотримъ, при какихъ обстоятельствахъ онъ долженъ будетъ снабжать себя провизіей.

Гдѣ брать необходимые съѣстные припасы, если не вся нація еще приняла коммунизма?

Вотъ какой вопросъ намъ представляется.

Возьмемъ большой французскій городъ, столицу, если хотите. Парижъ потребляетъ ежегодно милліоны центнеровъ зерновыхъ хлѣбовъ, 350,000 быковъ и коровъ, 200,000 телятъ, 300,000 свиней и болѣе двухъ милліоновъ овецъ, не считая убитыхъ животныхъ. Еще нужно этому Парижу нѣчто въ родѣ восьми милліоновъ килограммовъ масла и 172 милліоновъ яицъ, и все прочее въ тѣхъ же пропорціяхъ.

Мука и зерновой хлѣбъ прибываютъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, изъ Россіи, Венгріи, Италіи, Египта и Индіи. Скотъ привозится изъ Германіи, Италіи, Испаніи, даже изъ Румыніи и Россіи. Что же касается до пряностей и бакалейныхъ товаровъ, то нѣтъ ни одной страны въ свѣтѣ, которая бы не была обложена контрибуціей.

Посмотримъ теперь, какъ можно было бы устроить снабженіе Парижа или какого либо другого большого города продуктами, которые воздѣлываются во французскихъ деревняхъ и которые съ охотой сельскіе хозяева отдали бы потребителямъ.

Для государственниковъ вопросъ этотъ не представляетъ никакого затрудненія. Они ввели бы съ самаго начала сильно централизованное правительство, вооруженное всѣми органами понужденія: полиціей, арміей, гильотиной. Это правительство приказало бы сдѣлать статистическое изслѣдованіе всего того, что собирается съ французской земли, оно раздѣлило бы страну на извѣстное число питательныхъ округовъ и *приказало бы* что такой-то припасъ въ такомъ-то количествѣ будетъ перевезенъ въ такое-то мѣсто, выданъ въ такой-то день на такой-то станціи, полученъ въ такой-то день такимъ-то чиновникомъ, сложенъ въ такой-то магазинъ, и такъ далѣе.

Такъ вотъ мы утверждаемъ съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ, что подобное рѣшеніе вопроса было бы не только не желательно, но что оно, кромѣ того, никогда не могло бы быть приведено въ исполненіе. Оно—чистѣйшая утопія. Можно мечтать о подобномъ порядкѣ вещей съ перомъ въ рукѣ, но на практикѣ это становится фактически невозможно. Нужно принять въ расчетъ духъ независимости человѣчества. Случилось бы всеобщее возстаніе: три или четыре Вандеи, вмѣсто одной, война деревень противъ городовъ: вся Франція возстала бы противъ того города, который осмѣлился бы навязать такой строй.

Довольно якобинскихъ утопій! Посмотримъ, нельзя ли устроиться иначе.

Въ 1793 году, деревня уморила голодомъ большіе города и убила революцію. Доказано однако, что производство хлѣбныхъ злаковъ во Франціи не уменьшалось въ 1792—1793 году; все заставляетъ думать, что оно даже увеличилось. Но, завладѣвъ порядочной частью дворянскихъ имѣній, снявъ жатву съ этихъ земель, деревенскіе буржуа не хотѣли продавать свой хлѣбъ за ассигнаціи. Они его хранили, въ ожиданія повышенія цѣнъ или золотой монеты. И ни самыя строгія мѣры членовъ Конвента, чтобъ *заставить* скупщиковъ продавать хлѣбъ, ни казни не одолѣли стачки. Извѣстно однако, что коммисары Конвента не стѣснялись гильотинировать кулаковъ, а народъ ихъ вѣшать на фонаряхъ, и тѣмъ не менѣе хлѣбъ оставался въ амбарахъ, а жители городовъ страдали отъ голода.

Что же предлагали живущимъ въ деревняхъ хлѣбопашцамъ въ обмѣнъ на ихъ тяжелые труды?—Ассигнаціи! Клочки бумаги, цѣнность которой падала каждый день:—билеты, на которыхъ было напечатано пятьсотъ ливровъ, но безъ всякой дѣйствительной цѣнности. За билетъ въ тысячу ливровъ нельзя было купить даже пары сапогъ, и крестьянинъ,—что понятно,—вовсе не желалъ мѣнять годъ труда на кусокъ бумаги, на который онъ не могъ бы купить себѣ даже блузы.

И каждый разъ, какъ будутъ предлагать хлѣбопашцу кусокъ неимѣющей цѣнности бумаги,—называйся онъ ассигнаціей или трудовымъ чекомъ, — будетъ то же самое. Съѣстные припасы останутся въ деревнѣ: городъ ихъ не получитъ, если бы даже снова прибѣгли къ гильотинѣ и массовымъ утопленіямъ.

Крестьянину нужно предложить не бумагу, а товаръ, въ которомъ онъ сейчасъ нуждается, машину, которой онъ теперь лишаетъ себя противъ желанія, одежду, такую одежду, которая защищала бы его отъ непогоды, лампу и керосинъ, замѣняющій его огарокъ, заступъ, грабли, плугъ,—все то, однимъ словомъ, отъ чего крестьянинъ отказывается теперь,—не потому, что не чувствуетъ надобности,—но потому, что при его существованіи, полномъ лишеній и изнурительной работы, тысячи полезныхъ предметовъ ему недоступны вслѣдствіе ихъ высокой цѣны.

Пусть городъ примется тотчасъ же за производство тѣхъ вещей, которыхъ не достаетъ крестьянину, вмѣсто того, чтобъ дѣлать дамскіе наряды для украшенія женщинъ буржуазіи. Пусть швейныя машины Парижа шьютъ рабочія и праздничныя одежды, вмѣсто того, чтобъ шить приданое; пусть фабрика производитъ сельско-хозяйственныя машины, заступы, грабли, вмѣсто того, чтобъ ждать, пока англичане пришлютъ намъ все это въ обмѣнъ на наше вино.

Пусть городъ отправляетъ въ деревни не коммисаровъ, опоясанныхъ красными или многоцвѣтными шарфами, предъявляющихъ крестьянину приказъ вести свои съѣстные припасы въ такое-то мѣсто, а друзей, братьевъ, говорящихъ имъ: «привозите намъ ваши продукты и берите въ нашихъ магазинахъ всѣ мануфактурные предметы, какіе вамъ понравятся». И тогда съѣстные припасы потекутъ со всѣхъ сторонъ. Крестьянинъ оставитъ у себя, что ему нужно для жизни, а остальное отправитъ городскимъ рабочимъ, въ которыхъ *въ первый разъ въ теченіе исторіи* увидитъ братьевъ, а не эксплоататоровъ.

Намъ, можетъ быть, скажутъ, что это потребуетъ полнаго преобразованія промышленности? Конечно, да, для нѣкоторыхъ отраслей. Но есть тысячи другихъ, которыя могутъ быстро преобразоваться для того, чтобы доставлять крестьянамъ одежду, часы, мебель, инструменты и простыя машины, все то, за что городъ заставляетъ ихъ такъ дорого платить въ настоящее время. Ткачи, портные, сапожники, жестяники, мебельщики не встрѣтятъ никакого затрудненія оставить производство предметовъ роскоши и заняться производствомъ полезныхъ предметовъ. Нужно только, чтобъ хорошенько прониклись необходимостью этого преобразованія, чтобъ его разсматривали, какъ актъ справедливости и прогресса, чтобы не обольщали себя столь дорогой для теоретиковъ мечтой, что революція должна ограничиться завладѣніемъ прибавочной цѣнностью и что производство и торговля могутъ остаться безъ измѣненій. Тутъ, по нашему мнѣнію, весь вопросъ. Предложить хлѣбопашцу въ обмѣнъ на его продукты не клочки бумаги, съ какой бы то ни было надписью, а самые предметы потребленія, въ которыхъ хлѣбопашецъ нуждается. Если это случится, то съѣстные припасы будутъ притекать къ городамъ. Если же этого не случится, то въ городахъ будетъ голодъ со всѣми его послѣдствіями, съ реакціей и подавленіемъ.

VII.

Всѣ большіе города, какъ мы сказали, покупаютъ себѣ зерновой хлѣбъ, муку, мясо не только въ департаментахъ, но и за границей. Иностранецъ присылаетъ въ Парижъ пряности, рыбу, роскошныя яства, значительное количество зерноваго хлѣба и мяса.

Но во время революціи не слѣдуетъ разсчитывать на иностранцевъ, или же разсчитывать какъ можно меньше. Если хлѣбъ изъ Россіи, рисъ изъ Италіи или изъ Индіи, вина изъ Испаніи или Венгріи поступаютъ въ настоящее время на европейскіе рынки, это не потому, что страны-отправительницы имѣютъ все это съ избыткомъ или что эти продукты растутъ тамъ сами, какъ одуванчикъ на лугу. Въ Россіи, напримѣръ, крестьянинъ работаетъ до шестнадцати часовъ въ день и постится отъ трехъ до шести мѣсяцевъ ежегодно, чтобы вывезти хлѣбъ, которымъ онъ расплачивается съ помѣщикомъ и государствомъ. Въ настоящее время полиція показывается въ русскихъ деревняхъ, какъ только урожай собранъ, и продаетъ послѣднюю корову, послѣднюю лошадь хлѣбопашца за недоимки налоговыя и арендныя, если крестьянинъ не платитъ ихъ по доброй волѣ, сбывая хлѣбъ экспортерамъ, такъ что онъ оставляетъ для себя хлѣба только на девять мѣсяцевъ, а остальное продаетъ, чтобы корову его не продали за пять рублей. Чтобы жить до слѣдующаго урожая, три мѣсяца, когда годъ хорошъ, и шесть, когда онъ дуренъ, онъ прибавляетъ къ мукѣ березовой коры или сѣмянъ лебеды, тогда какъ въ Лондонѣ смакуютъ сухари, испеченные изъ его муки.

Но какъ только настанетъ революція, русскій хлѣбопашецъ оставитъ хлѣбъ для себя и своихъ дѣтей. Итальянскіе и венгерскіе крестьяне сдѣлаютъ то же самое; будемъ надѣяться, что и индусъ воспользуется этими хорошими примѣрами, а равно и работники въ Bonanza-farms въ Америкѣ, если только эти хозяйства не разстроются благодаря кризису. Не слѣдуетъ поэтому разсчитывать на привозъ хлѣба и мяса изъ-за границы.

Такъ какъ вся наша буржуазная цивилизація основана на эксплоатаціи низшихъ расъ и странъ, отставшихъ въ промы-

пленности, первое благодѣяніе революціи скажется уже въ томъ, что она будетъ угрожать этой «цивилизаціи», позволяя такъ называемымъ низшимъ расамъ эмансипироваться. И это громадное благодѣяніе выразится въ несомнѣнномъ и значительномъ уменьшеніи привоза съѣстныхъ припасовъ въ большіе города Запада.

Что же касается до внутренняго обмѣна, то тутъ предвидѣть ходъ дѣла гораздо труднѣе.

Съ одной стороны, хлѣбопашецъ воспользуется конечно революціей, чтобы выпрямить свою сгорбленную надъ землею спину. Вмѣсто того, чтобъ работать отъ четырнадцати до шестнадцати часовъ въ день, какъ теперь, онъ будетъ правъ, если будетъ работать только половину, а это поведетъ къ уменьшенію производства главныхъ съѣстныхъ припасовъ, хлѣба и мяса.

Но, съ другой стороны, произойдетъ увеличеніе производства, какъ только хлѣбопашецъ не будетъ вынужденъ работать для прокормленія праздныхъ людей. Новыя пространства земли будутъ воздѣланы, болѣе совершенныя машины будутъ пущены въ ходъ.—«Никогда распашка не была такъ энергична, какъ въ 1792 году», когда крестьянинъ отобралъ отъ помѣщиковъ землю, на которую онъ такъ давно зарился, пишетъ Мишлэ, говоря о великой революціи.

Черезъ нѣкоторое время, когда усовершенствованная машина и химическія и иныя удобренія получатъ всеобщее распространеніе, интенсивная культура станетъ доступна каждому хлѣбопашцу. Но все заставляетъ думать, что сначала можетъ случиться уменьшеніе сельско-хозяйственнаго производства какъ во Франціи, такъ и въ другихъ мѣстахъ.

Самое умное, во всякомъ случаѣ, было бы разсчитывать на уменьшеніе привоза какъ извнутри, такъ и изъ-за границы.

Какъ пополнить этотъ недостатокъ?

Да, чортъ возьми! Самому заняться заполненіемъ его. Безполезно искать вѣтра въ полѣ, когда рѣшеніе такъ просто.

Надо, чтобъ большіе города воздѣлывали землю такъ же, какъ то дѣлаютъ деревни. Надо возвратиться къ тому, что біологія назвала бы интеграціей функцій. Раздѣливъ трудъ, его надо интегрировать,—таковъ ходъ всей природы.

Кромѣ того,—въ сторону философію,—къ этому будутъ

приведены силою вещей. Пусть Парижъ замѣтитъ, что черезъ восемь мѣсяцевъ онъ останется безъ хлѣба, и Парижъ станетъ его воздѣлывать.

А есть ли земля? Ея достаточно. Въ особенности около большихъ городовъ,—около Парижа въ особенности,—группируются парки и лужайки, принадлежащія господамъ, тѣ миллiоны гектаровъ, которые ожидаютъ только интеллигентнаго труда хлѣбопашца, чтобы Парижъ оказался окруженнымъ равнинами гораздо болѣе плодородными, гораздо болѣе производительными, чѣмъ южно-русскія степи покрытыя черноземомъ, но высушенныя солнцемъ.

А руки? Но чѣмъ хотите вы, чтобы занялись два миллiона парижанъ и парижанокъ, когда имъ не потребуется одѣвать и забавлять русскихъ князей, румынскихъ бояръ и дамъ берлинскихъ финансистовъ?

Располагая всѣми машинами вѣка, располагая разумомъ и техническимъ знанiемъ работника, приспособившагося къ употребленiю усовершенствованнаго орудiя, имѣя къ своимъ услугамъ изобрѣтателей, химиковъ и ботаниковъ, профессоровъ ботаническаго сада (jardin des Plantes), огородниковъ изъ Женьвиллье, а равно и все необходимое, чтобы увеличить производство машинъ и испытывать новыя, одухотворяясь наконецъ организаторскимъ талантомъ парижскаго народа, его сердечной веселостью, его живостью,—сельское хозяйство анархистической парижской коммуны будетъ не такое, какъ у арденьскихъ копальщиковъ.

Паръ, электричество, солнечная теплота и сила вѣтра будутъ скоро обращены на службу. Землекопательная и камнеочистительная паровая машина скоро сдѣлаютъ грубую подготовительную работу и земля, разрыхленная и обогащенная, будетъ ждать только интеллигентнаго ухода мужчины и въ особенности женщины, чтобы покрыться хорошо воздѣланными растенiями, которыя возобновлялись бы по три-четыре раза въ годъ.

Изучая садоводство со спецiалистами, пробуя на незанятыхъ клочкахъ земли разные способы культуры, соперничая между собою для достиженiя лучшихъ урожаевъ, возстановляя въ физической дѣятельности, не истощаясь и не работая чрезмѣрно, силы, которыя такъ часто надрываются въ большихъ городахъ, мужчины, женщины и дѣти будутъ счастливы, занимаясь полевой работой, которая перестанетъ быть каторжной

работой и станетъ удовольствіемъ, праздникомъ, весной человѣческаго организма.

«Нѣтъ безплодныхъ земель! Земля стоитъ столько, сколько стоитъ человѣкъ!» вотъ послѣднее слово современнаго сельскаго хозяйства. Земля даетъ то, что отъ нея требуютъ: дѣло въ томъ только, чтобы требовать умѣючи.

Даже такой маленькой территоріи, какъ величина двухъ департаментовъ Сены и Сены и Уазы, если бы потребовалось прокормить такой большой городъ какъ Парижъ, было бы на дѣлѣ достаточно, чтобъ заполнить тѣ пустоты, которыя революція могла бы произвести.

Къ соединенію сельскаго хозяйства съ промышленностью, къ человѣку, занимающемуся въ одно и то же время и земледѣліемъ и промышленностью, неизбѣжно приведетъ насъ коммунистическая община, разъ она открыто устремится на путь экспропріаціи.

Пусть только она рѣшится на такое будущее,—не отъ голода ей погибнуть тогда! Опасность не тамъ; она въ робости духа, въ предразсудкахъ, въ полумѣрахъ.

Опасность тамъ, гдѣ ее видѣлъ Дантонъ, когда кричалъ Франціи: «Смѣлости, смѣлости, и еще смѣлости»! въ особенности смѣлости ума, за которою не замедлитъ послѣдовать и смѣлость воли.

Квартира.

I.

Слѣдящіе со вниманіемъ за умственнымъ движеніемъ среди рабочихъ должны были замѣтить, что между ними мало по малу установилось согласіе относительно одного важнаго вопроса, относительно квартиры. Неоспоримый фактъ тотъ, что въ большихъ городахъ Франціи, и во многихъ малыхъ, рабочіе постепенно приходятъ къ заключенію, что жилые дома никоимъ образомъ не составляютъ собственности тѣхъ, которыхъ государство признаетъ за собственниковъ.

Эволюція совершилась въ умахъ и уже нельзя болѣе заставить народъ повѣрить, что право собственности на дома справедливо. Домъ не былъ построенъ собственникомъ; онъ былъ построенъ, отштукатуренъ, оклеенъ обоями сотнями рабочихъ, которыхъ голодъ загналъ на постройку, которыхъ необходимость жить заставила принять урѣзанную заработную плату.

Деньги, истраченныя мнимымъ собственникомъ, не были продуктомъ его собственнаго труда. Онъ ихъ скопилъ, какъ и всѣ богатства, платя рабочимъ двѣ трети или только половину того, что имъ слѣдовало. Наконецъ, домъ,—и тутъ въ особенности безобразіе существующаго порядка бросается въ глаза,—обязанъ своей настоящей цѣнностью той выгодѣ, которую собственникъ можетъ изъ него извлечь. А выгода эта получается благодаря тому обстоятельству, что домъ построенъ въ городѣ, мощеномъ, освѣщенномъ газомъ, находящемся въ правильномъ сообщеніи съ другими городами и вмѣщающемъ въ себѣ промышленныя, коммерческія, научныя и художественныя учрежденія; тому, что городъ этотъ украшенъ мостами, набережными, архитектурными памятниками, доставляетъ жителямъ множество удобствъ и множество удовольствій, неизвѣстныхъ

въ деревнѣ; тому, что двадцать, тридцать поколѣній работали надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать его обитаемымъ, надъ его оздоровленіемъ и украшеніемъ.

Цѣнность дома въ извѣстныхъ кварталахъ Парижа достигаетъ милліона франковъ не потому, чтобы въ его стѣнахъ было на милліонъ работы, но потому, что онъ въ Парижѣ, потому, что въ теченіе вѣковъ рабочіе, художники, мыслители, ученые и литераторы содѣйствовали тому, чтобы Парижъ сдѣлался тѣмъ, что онъ есть теперь—промышленнымъ, коммерческимъ, политическимъ, художественнымъ и научнымъ центромъ; потому, что у него есть прошлое; потому, что его улицы извѣстны, благодаря литературѣ, какъ въ провинціи, такъ и за границей; потому, что онъ представляетъ продуктъ восемнадцати-вѣкового труда полусотни поколѣній всего французскаго народа.

Кто же имѣетъ право присвоить себѣ малѣйшій клочекъ этой земли или послѣднюю изъ построекъ, не совершая вопіющей несправедливости? Кто же имѣетъ право продать кому бы то ни было малѣйшую частицу общаго наслѣдства? На этомъ пунктѣ, говоримъ мы, согласіе установилось между рабочими. Идея даровой квартиры прекрасно выразилась во время осады Парижа, когда требовали безусловной отмѣны всѣхъ предъявленныхъ домохозяевами срочныхъ платежей. Она выразилась также во время коммуны 1871 года, когда рабочій Парижъ ожидалъ отъ Совѣта Коммуны мужественнаго распоряженія объ упраздненіи квартирныхъ платъ. Это и впредь будетъ первой заботой бѣдняка, когда разразится революція.

Въ революцію и въ не-революцію—рабочему нужно убѣжище, жилище. Но, какъ бы оно плохо, какъ бы оно нездорово ни было, всегда есть домохозяинъ, который можетъ васъ оттуда выгнать. Правда, что во время революціи домохозяинъ не найдетъ ни судебнаго пристава, ни городовыхъ, чтобы выбросить ваши пожитки на улицу. Но, кто знаетъ, не возстановитъ ли завтра новое правительство,—за какое бы революціонное оно себя не выдавало,—силу и не выпуститъ ли противъ васъ полицейскую стаю. Видѣли же мы, какъ Коммуна провозглашала отмѣну квартирныхъ платежей по 1-ое апрѣля, но только до 1-го апрѣля. Послѣ этого срока нужно было платить, даже если бы Парижъ перевернулся вверхъ дномъ, если бы

промышленность остановилась и если бы революціонеръ имѣлъ только свои тридцать су въ день!

Нужно однако, чтобы рабочій зналъ, что, не платя домовладѣльцу, онъ не только пользуется разстройствомъ власти. Нужно, чтобы онъ зналъ, что безплатность квартиры признана въ принципѣ и санкціонирована, такъ сказать, одобреніемъ народнымъ, что даровая квартира есть открыто провозглашенное народомъ право.

Чтожъ, будемъ ли мы ожидать, чтобы эта мѣра, столь согласная съ чувствомъ справедливости каждаго честнаго человѣка, была принята соціалистами, которые присоединятся къ буржуа въ какомъ нибудь временномъ правительствѣ? Мы долго бы прождали—до возвращенія реакціи!

Вотъ почему, отказываясь отъ шарфа и кепи,—знаковъ начальствованія и угнетенія,—оставаясь народомъ среди народа, искренніе революціонеры будутъ стараться вмѣстѣ съ народомъ, чтобы экспропріація домовъ стала совершившимся фактомъ. Они будутъ стараться распространять идеи въ этомъ направленіи; они будутъ стараться осуществить эти идеи на практикѣ, и когда онѣ созрѣютъ, тогда народъ займется экспропріаціей домовъ, не обращая никакого вниманія на теоріи, которыя не замедлятъ ему преподнести, о слѣдуемомъ домовладѣльцу вознагражденіи и прочей ерундѣ.

Въ тотъ день, когда экспропріація домовъ будетъ совершившимся фактомъ, тогда эксплоатируемые рабочіе поймутъ, что настали новыя времена, что они не будутъ больше стоять съ согнутыми спинами передъ богатыми и власть имущими, что равенство есть совершившійся фактъ, а не театральная махинація, какихъ уже много было видано.

II.

Если идея объ экспропріаціи будетъ популярна, то приведеніе ея въ исполненіе не встрѣтитъ никакихъ непреодолимыхъ препятствій, которыми такъ любятъ насъ пугать. Конечно, господа, одѣтые въ вышитыхъ мундирахъ, занявши свободныя кресла въ министерствахъ и въ думѣ, не замедлятъ нагромоздить препятствій. Они будутъ говорить, что нужно дать вознагражденіе домовладѣльцамъ, что нужно произ-

вести статистическія изслѣдованія, составить длинные доклады, такіе длинные, что они могутъ длиться до того момента, когда народъ, угнетенный нищетой отъ безработицы, не видя никакихъ грядущихъ перемѣнъ и теряя вѣру въ революцію, оставитъ поле дѣятельности реакціонерамъ, и кончатъ тѣмъ, что сдѣлаютъ бюрократическую экспропріацію для всѣхъ ненавистною.

Тутъ дѣйствительно есть подводный камень, о который все можетъ разбиться. Но если народъ не поддастся ложнымъ разсужденіямъ, которыми будутъ стараться его совратить, если онъ пойметъ, что новая жизнь требуетъ и новыхъ способовъ дѣйствія, и если онъ самъ возьметъ дѣло въ свои руки, тогда экспропріація можетъ совершиться безъ большихъ затрудненій.

Но какъ? Какъ она можетъ совершиться? спросятъ насъ. Мы скажемъ, но только съ оговоркой. Мы считаемъ неумѣстнымъ разсказывать во всѣхъ подробностяхъ планы экспропріаціи. Мы впередъ знаемъ, что все, что человѣкъ или группа людей можетъ въ настоящее время придумать, будетъ человѣческой жизнью превзойдено. Жизнь, сказали мы, сдѣлаетъ лучше и проще, чѣмъ все то, что можно было бы ей впередъ продиктовать.

А потому, изложивъ въ общихъ чертахъ способъ, согласно которому экспропріація и распредѣленіе экспропріированныхъ богатствъ могутъ совершиться безъ вмѣшательства правительства, мы не хотимъ отвѣчать тѣмъ, которые говорятъ, что это—дѣло невозможное. Но мы желаемъ напомнить, что никоимъ образомъ не думаемъ превозносить тотъ или иной способъ организаціи. Для насъ важно только показать, что экспропріація *можетъ* совершиться по народной инициативѣ и *не можетъ* совершиться иначе.

Можно предвидѣть, что съ первыхъ же актовъ экспропріаціи появятся въ разныхъ частяхъ города, улицахъ, кварталахъ группы гражданъ, которые придутъ добровольно предлагать свои услуги для переписи пустыхъ помѣщеній, помѣщеній переполненныхъ многолюдными семьями, нездоровыхъ квартиръ и тѣхъ домовъ, въ которыхъ очень мало жильцовъ, и которыя могли бы помѣстить тѣхъ, кому не хватаетъ воздуха въ ихъ домишкахъ. Эти добровольцы въ нѣсколько дней изготовятъ, для улицы или квартала, полные

списки всѣхъ помѣщеній, здоровыхъ и нездоровыхъ, тѣсныхъ и помѣстительныхъ, вонючихъ квартиръ и роскошныхъ хоромъ.

Они обмѣняются другъ съ другомъ списками и черезъ нѣсколько дней будутъ собраны полныя статистическія свѣдѣнія. Лживая статистика можетъ фабриковаться въ канцеляріяхъ; истинная же, точная статистика можетъ исходить только отъ лица, не иначе какъ восходя отъ простого къ сложному.

Тогда, ни отъ кого ничего не ожидая, эти граждане пойдутъ вѣроятно къ своимъ товарищамъ, живущимъ въ конурахъ, и скажутъ имъ просто-на-просто: «На этотъ разъ, товарищи, совершилась уже настоящая революція. Приходите сегодня вечеромъ туда-то. Весь околотокъ тамъ будетъ, будутъ распредѣлять между собою помѣщенія. Если вы не дорожите вашей конурой, вы выберете себѣ одно изъ свободныхъ помѣщеній въ пять комнатъ. Вы переѣдете и дѣло будетъ сдѣлано. Вооруженный народъ будетъ говорить съ тѣмъ, кто захочетъ васъ оттуда выселить!»

— Но всякій захочетъ имѣть хоромы въ двѣнадцать комнатъ! скажутъ намъ.

Ну, нѣтъ, это неправда! Народъ никогда не требовалъ невозможнаго. Напротивъ, каждый разъ, когда мы видимъ, какъ равноправные исправляютъ какую нибудь несправедливость, мы поражаемся, какимъ здравымъ смысломъ, какимъ чувствомъ справедливости бываетъ одушевлена народная масса. Требовала ли она когда нибудь невозможнаго? Видѣли-ли, чтобы парижскій народъ ссорился и дрался, когда онъ шелъ получать во время двухъ осадъ свою порцію хлѣба или дровъ. Нѣтъ, народъ стоялъ вереницей съ такимъ терпѣніемъ, что корреспонденты иностранныхъ газетъ не переставали восхищаться: тѣмъ не менѣе было очень хорошо извѣстно, что пришедшіе послѣдними проведутъ день безъ хлѣба и огня.

Есть, конечно, не мало эгоистическихъ инстинктовъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, составляющихъ наше общество. Мы это очень хорошо знаемъ. Но мы также знаемъ, что лучшее средство возбудить и питать такіе инстинкты было бы довѣрить этотъ вопросъ о квартирахъ какой нибудь комиссіи. Тогда дѣйствительно всѣ дурныя страсти выйдутъ на свѣтъ божій. Тотъ будетъ въ выигрышѣ, у кого сильная рука въ комиссіи. Малѣйшая неравномѣрность вызоветъ громкія возраженія, малѣй-

шая выгода, кому нибудь предоставленная, заставитъ кричать о взяткахъ, и не безъ основанія!

Но когда самъ народъ, собравшійся по улицамъ, по кварталамъ, по округамъ, займется разселеніемъ жителей конуръ по слишкомъ обширнымъ для буржуазіи помѣщеніямъ, къ мелкимъ неудобствамъ и маленькимъ неравенствамъ отнесутся снисходительно.

Рѣдко обращались къ добрымъ инстинктамъ народныхъ массъ. Однако, во время революцій иногда обращались, когда дѣло шло о спасеніи погибавшаго корабля, и никогда не ошибались. Рабочій человѣкъ на призывъ всегда отвѣчалъ самопожертвованіемъ.

Такъ же будетъ и во время будущей революціи.

Несмотря на все это, вѣроятно будутъ и несправедливости. Ихъ невозможно избѣжать. Въ нашихъ обществахъ есть личности, которыхъ никакое великое событіе не заставитъ сойти съ эгоистическаго пути. Но дѣло не въ томъ, будутъ ли несправедливости или не будутъ. Дѣло въ томъ, какъ ограничить ихъ число.

Вся исторія, весь опытъ человѣчества, а равно и психологія общества свидѣтельствуютъ, что наиболѣе справедливый способъ, это предоставить дѣло самимъ заинтересованнымъ. Они одни могутъ къ тому же принять въ соображеніе и привести въ порядокъ множество частностей, которыя неизбѣжнымъ образомъ ускользаютъ отъ всякаго бюрократическаго распредѣленія.

III.

Дѣло, впрочемъ, не идетъ о томъ, чтобы сдѣлать абсолютно равное распредѣленіе квартиръ; неудобства, которыя выпадутъ на долю того или другого хозяйства, будутъ легко исправлены въ обществѣ, пошедшемъ по пути экспропріаціи.

Только бы каменьщики, каменотесы,—всѣ причастные къ постройкѣ рабочіе, однимъ словомъ,—знали, что существованіе ихъ обезпечено, они съ радостью согласятся заняться вновь по нѣскольку часовъ въ день работой, къ которой они привыкли. Но теперь они иначе устроятъ тѣ большія помѣщенія, для которыхъ былъ необходимъ цѣлый штатъ горничныхъ. И въ нѣсколько

мѣсяцевъ возникнутъ дома, гораздо болѣе здоровые, чѣмъ теперешніе. А тѣмъ, которые недостаточно хорошо устроятся, анархистическая коммуна скажетъ:

«Потерпите, товарищи! Дворцы, здоровые, комфортабельные и прекрасные, лучшіе, чѣмъ все то, что строили капиталисты, будутъ воздвигнуты на землѣ свободнаго города. Они будутъ принадлежать тѣмъ, кто болѣе всего въ нихъ нуждаются. Анархистическая коммуна не строитъ съ цѣлью получать доходы. Зданія, которыя она сооружаетъ для своихъ гражданъ,— произведеніе коллективнаго ума,—будутъ служить образчикомъ для всего человѣчества; зданія эти будутъ ваши».

Если возставшій народъ завладѣетъ домами и провозгласитъ безплатное пользованіе квартирами, отдачу въ общее пользованіе жилищъ и право каждаго семейства на здоровую квартиру, тогда революція съ самаго начала приметъ коммунистическій характеръ и пойдетъ по тому пути, съ котораго нетакъ-то скоро можно будетъ ее сбить. Индивидуальной собственности будетъ нанесенъ смертельный ударъ.

Такимъ образомъ, экспропріація домовъ содержитъ въ зародышѣ всю соціальную революцію. Отъ того способа, какимъ она совершится, будетъ зависѣть характеръ событій. Или мы откроемъ путь,—широкій, великій,—анархистическому коммунизму, или же мы будемъ продолжать топтаться въ грязи авторитарнаго индивидуализма.

Легко предвидѣть тѣ многочисленныя возраженія, которыя будутъ намъ сдѣланы,—одни теоретическаго свойства, а другія—чисто практическія.

Такъ какъ дѣло будетъ идти о сохраненіи кривды во что бы то ни стало, то несомнѣнно будутъ говорить во имя справедливости.—«Не гнусно-ли, закричатъ, что парижане завладѣваютъ для себя прекрасными домами, а крестьянъ оставляютъ въ лачугахъ?» Не дадимъ себя однако вовлечь въ подобную ошибку. Эти ярые защитники справедливости забываютъ, вслѣдствіе свойственнаго имъ склада ума, о томъ вопіющемъ неравенствѣ, котораго они становятся защитниками. Они забываютъ, что даже въ Парижѣ работникъ задыхается въ конурѣ,—онъ, его жена и дѣти,—въ то время, какъ изъ своего окна онъ видитъ дворецъ богача. Они забываютъ, что цѣлыя поколѣнія погибаютъ въ переполненныхъ населеніемъ кварталахъ, вслѣд-

ствіе недостатка воздуха и свѣта, и что исправить эту несправедливость должно быть первой обязанностью революціи.

Не будемъ долго останавливаться на этихъ своекорыстныхъ возраженіяхъ. Мы знаемъ, что неравенство, какое дѣйствительно окажется между Парижемъ и деревней, будетъ изъ тѣхъ, которыя съ каждымъ днемъ будутъ уменьшаться; деревня непремѣнно устроитъ себѣ жилища, болѣе здоровыя чѣмъ теперешнія, когда крестьянинъ перестанетъ быть вьючнымъ животнымъ фермера, фабриканта, ростовщика и государства. Для избѣжанія временной и исправимой несправедливости, слѣдуетъ-ли сохранять несправедливость существующую искони вѣковъ?

Такъ называемыя практическія возраженія тоже не сильны.

«Вотъ, скажутъ намъ, бѣдняга. Благодаря лишеніямъ, онъ добился того, что купилъ себѣ домъ, достаточно большой, чтобы поселить въ немъ свое семейство. Онъ такъ счастливъ; и чтожъ, вы тоже выбросите его на улицу?»

— Конечно, нѣтъ! Если его домъ достаточенъ для помѣщенія его семьи, ну, пусть живетъ въ немъ, пусть обработываетъ садъ у себя подъ окнами. Наши парни пойдутъ даже, если понадобится, помочь въ томъ ему. Но если у него въ домѣ есть помѣщеніе, которое онъ отдаетъ въ наемъ другому, народъ придетъ къ этому другому, и скажетъ: знаете, товарищъ, вы ничего не должны старику. Живите въ вашей квартирѣ и не платите ничего: нечего отнынѣ бояться судебнаго пристава,—вѣдь пришла соціальная революція!

А если домовладѣлецъ одинъ занимаетъ двадцать комнатъ и въ квартирѣ есть жиличка-мать съ пятью дѣтьми, живущая въ одной только комнатѣ, ну, тогда народъ посмотритъ, нѣтъ ли въ числѣ этихъ двадцати комнатъ такихъ, которыя, послѣ нѣкоторыхъ передѣлокъ, составили бы хорошенькое помѣщеньице для матери съ пятью дѣтьми. Не будетъ ли это справедливѣе, чѣмъ оставлять мать съ пятью ребятишками въ конурѣ, а откормленнаго господина въ замкѣ? Господинъ впрочемъ скоро съ этимъ свыкнется: когда у него не будетъ больше горничныхъ для уборки двадцати комнатъ, то его супруга будетъ очень рада избавиться отъ половины своего помѣщенія.

— «Но вѣдь это будетъ полное разрушеніе, закричатъ защитники порядка. Безконечные переѣзды съ квартиры на квартиру! Все равно, что выбросить всѣхъ на улицу, а потомъ на

помѣщенія бросать жребій!» —Такъ, но мы увѣрены, что если никакое правительство не вмѣшается и если все преобразованіе будетъ отдано въ руки группъ, самопроизвольно возникшихъ для этого дѣла, то переѣзды будутъ гораздо менѣе многочисленны, по сравненію съ исками, какіе происходятъ ежегодно вслѣдствіе жадности домовладѣльцевъ.

Во-первыхъ, во всѣхъ значительныхъ городахъ есть такое большое количество незанятыхъ помѣщеній, что ихъ почти достаточно будетъ для поселенія въ нихъ большей части жителей конуръ. Что же касается до дворцовъ и пышныхъ апартаментовъ, многія рабочія семьи ихъ даже не захотятъ: ими нельзя пользоваться, если для уборки ихъ не держать многочисленной прислуги. А потому, занимавшіе ихъ увидятъ себя вынужденными искать помѣщенія менѣе роскошныя, въ которыхъ госпожи банкирши могли бы сами стряпать. И мало по малу, безъ того, чтобы понадобилось провожать банкира, подъ охраной пикъ, въ мансарду, а жителей мансарды въ банкирскій дворецъ, населеніе распредѣлитъ между собою полюбовно всѣ существующія квартиры, при наивозможно-меньшемъ перемѣщеніи жильцовъ. Развѣ земельныя общины не дѣлятъ полей, при чемъ причиняютъ столь незначительное безпокойство владѣльцамъ полосъ, что остается только засвидѣтельствовать здравый смыслъ и мудрость пріемовъ, къ какимъ прибѣгаетъ община. Въ русской общинѣ происходитъ меньше перемѣщеній хозяевъ съ одного поля на другое,—и это установлено многими томами изслѣдованій,—чѣмъ въ индивидуальныхъ хозяйствахъ съ ихъ судебными процессами. И насъ хотятъ увѣрить, что жители большого европейскаго города глупѣе или съ меньшимъ организаторскимъ талантомъ, чѣмъ русскіе или индусскіе крестьяне!

Всякая революція, впрочемъ, предполагаетъ нѣкоторое потрясеніе ежедневной жизни и тотъ, кто надѣется пережить какой нибудь большой кризисъ безъ того, чтобы его супругѣ ни разу не помѣшали вести хозяйство, рискуетъ быть разочарованнымъ. Можно перемѣнить правительство безъ того, чтобы добрый буржуа ни разу не опоздалъ къ своему обѣду; но не такъ исправляются преступленія общества относительно его кормильцевъ.

Будетъ потрясеніе, это вѣрно. Только надо, чтобы это потрясеніе не случилось напрасно; надо, чтобы оно было доведено до минимума. И только обратившись къ заинтересован-

нымъ, а не къ какимъ нибудь комиссiямъ,—еще и еще разъ это повторимъ, — получится для всѣхъ наименьшая сумма неудобствъ.

Народъ дѣлаетъ ошибку за ошибкой, когда ему предстоитъ подавать голосъ за того или другого изъ возмечтавшихъ о себѣ субъектовъ, которые добиваются чести быть его представителями и берутся все дѣлать, все знать, все устроить. Но когда ему нужно устроить то, что онъ знаетъ, что его прямо касается, то онъ это дѣлаетъ лучше всевозможныхъ комиссiй. Не видѣли ли этого во время коммуны? А во время послѣдней лондонской стачки? Не видятъ-ли этого каждый день въ каждой земельной общинѣ?

Одежда.

Разъ домà признаны за общее достоянiе города и съѣстные припасы распредѣляются по порцiямъ, то мы будемъ вынуждены сдѣлать еще одинъ шагъ. Мы неизбѣжнымъ образомъ приходимъ къ разсмотрѣнiю вопроса объ одеждѣ, и единственное возможное рѣшенiе будетъ—также завладѣть, именемъ народа, всѣми магазинами съ платьемъ и открыть ихъ двери всѣмъ, чтобы каждый могъ взять тамъ, что ему нужно. Отдача въ общее пользованiе платьевъ и право для каждаго брать въ общинныхъ магазинахъ то, что ему нужно, или же обратиться за этимъ въ портняжныя мастерскiя,—это рѣшенiе станетъ неизбѣжнымъ, какъ только коммунистическiй принципъ будетъ примѣненъ къ домамъ и съѣстнымъ припасамъ.

Для этого, очевидно, не понадобится отбирать у гражданъ ихъ пальто, складывать всѣ платья въ кучу, чтобы затѣмъ раздавать ихъ по жребiю, какъ утверждаютъ наши критики, настолько же остроумные, насколько изобрѣтательные. Пусть каждый носитъ свое пальто, если у него есть, и даже очень вѣроятно, что, еслибъ у кого нибудь было десять, никто не захочетъ ихъ отнимать. Всякiй предпочтетъ новое платье тому, которое поносилъ уже какой нибудь буржуа на своихъ плечахъ, и новой одежды будетъ достаточно, чтобы не подвергать реквизицiи платеные шкапы.

Если бы мы занялись статистикой одежды, сложенной въ магазинахъ большихъ городовъ, мы по всей вѣроятности увидѣли бы, что въ Парижѣ, Лiонѣ, Бордо и Марсели находятся достаточные запасы для того, чтобы коммуна могла предложить одежду каждому гражданину и каждой гражданкѣ. А если бы не всѣ нашли по своему вкусу, то общинныя мастерскiя скоро изготовили бы то, что требуется. Извѣстно, съ какою быстротою работаютъ въ настоящее время наши портняж-

ныя мастерскія, снабженныя усовершенствованными машинами и устроенныя для крупнаго производства.

— «Тогда всѣ захотятъ имѣть соболью шубу, а каждая женщина потребуетъ бархатное платье», кричатъ уже наши противники.

Откровенно говоря, мы такъ не думаемъ. Не всѣ предпочитаютъ бархатъ и не всѣ мечтаютъ о собольихъ шубахъ. Если бы теперь предложили парижанкамъ выбрать каждой по платью, то нашлись бы такія, которыя предпочли бы простое платье всѣмъ фантастическимъ нарядамъ нашихъ свѣтскихъ дамъ.

Вкусы мѣняются съ эпохами, и тотъ, который одолѣетъ въ моментъ революціи, будетъ несомнѣнно вкусомъ, отличающимся простотой. У общества, какъ и у индивидуума, есть свои часы малодушія, но у него есть также и свои героическіе моменты. Какъ бы жалко оно ни было, когда оно погрязаетъ, какъ теперь, въ преслѣдованіи мелочныхъ и глупо-эгоистическихъ интересовъ, въ великія эпохи оно принимаетъ другой видъ. У него бываютъ свои моменты благородства, увлеченія. Благородные люди пріобрѣтаютъ вліяніе, которымъ въ настоящее время пользуются интриганы. Проявляются случаи самоотверженія, подражанія великимъ примѣрамъ; и даже эгоисты стыдятся оставаться позади и волей-неволей спѣшатъ слиться въ общемъ хорѣ съ великодушными и смѣлыми.

Великая революція 1793 года изобилуетъ примѣрами подобнаго рода. Во время этихъ-то кризисовъ нравственнаго обновленія,—столь же естественныхъ у общества, какъ и у личностей,—и бываютъ тѣ высокіе порывы, которые позволяютъ человѣчеству сдѣлать шагъ впередъ.

Мы не хотимъ преувеличивать вѣроятную роль этихъ возвышенныхъ чувствъ и не на нихъ мы полагаемся, когда говоримъ объ общественномъ идеалѣ. Но мы нисколько не преувеличимъ, если допустимъ, что они намъ помогутъ пережить первые самые трудные моменты. Мы не можемъ разсчитывать на продолжительность подобнаго самоотреченія въ повседневной жизни, но мы можемъ ожидать проявленія его вначалѣ, а это все, что требуется. Именно, когда понадобится устранить препятствія, вычистить всю гниль, которая накопилась вѣками угнетенія и рабства, тогда анархистическому обществу потребуются эти братскіе порывы. Позже, оно будетъ въ состояніи жить, не призы-

вая никого къ пожертвованіямъ, потому что тогда будетъ упразднено угнетеніе, и тѣмъ самымъ будетъ создано новое общество, открытое всѣмъ взаимодружественнымъ чувствамъ.

Впрочемъ, если революція совершится въ томъ духѣ, какъ мы говоримъ, то свободная инниціатива личностей найдетъ достаточно обширное поле дѣятельности, чтобъ избѣжать пререканій со стороны эгоистовъ. Групы могутъ возникнуть въ каждой улицѣ, въ каждомъ кварталѣ и заняться снабженіемъ гражданъ одеждою. Онѣ сдѣлаютъ перепись тому, чѣмъ владѣетъ возставшій городъ, и узнаютъ почти точно, какими средствами въ этомъ родѣ онъ располагаетъ. И очень вѣроятно, что и для одежды граждане города примутъ тотъ же принципъ, что и для съѣстныхъ припасовъ: — «брать изъ общей массы то, что находится въ изобиліи, и распредѣлять по порціямъ то, что находится въ ограниченномъ количествѣ».

Не будучи въ состояніи предложить каждому гражданину соболей шубы, ни гражданкѣ бархатнаго платья, общество будетъ, вѣроятно, различать излишнее и необходимое, и, — временно, по крайней мѣрѣ, — оно отнесетъ бархатное платье и соболью шубу къ излишнимъ предметамъ, въ надеждѣ можетъ быть видѣть впослѣдствіи, что то, что теперь излишній предметъ, можетъ сдѣлаться предметомъ обыденнымъ завтра. Гарантируя необходимое каждому жителю анархистическаго города, можно будетъ предоставить частной дѣятельности заботу доставлять слабымъ и больнымъ то, что будетъ временно считаться, какъ предметъ роскоши, снабжать слабыхъ и болѣзненныхъ тѣмъ, что не входитъ въ ежедневный обиходъ всѣхъ.

— «Но вѣдь это нивелировка! сѣрая арестантская одежда, скажутъ, можетъ быть, намъ. Это — исчезновеніе всѣхъ художественныхъ предметовъ, всего того, что украшаетъ жизнь!»

— Вовсе нѣтъ! и мы сейчасъ покажемъ, все же основываясь на томъ, что уже существуетъ, какъ анархистическое общество могло бы удовлетворить самымъ художественнымъ вкусамъ своихъ гражданъ, не назначая имъ для этого милліонныхъ состояній.

Пути и средства.

I.

Если какое нибудь общество, городъ или территорія, обезпечиваетъ всѣмъ своимъ жителямъ необходимое (а мы увидимъ, какъ понятіе о необходимомъ можетъ расшириться до роскоши), то эта общественная единица вынуждена завладѣть всѣмъ, что необходимо для производства, то есть землей, машинами, фабриками, средствами перевозки и т. д. Она не преминетъ экспропріировать теперешнихъ владѣльцевъ капитала, чтобы отдать его обществу.

И въ самомъ дѣлѣ, буржуазную организацію упрекаютъ не только въ томъ, что капиталистъ загребаетъ большую часть доходовъ каждаго промышленнаго или торговаго предпріятія, что позволяетъ ему жить не работая; главное обвиненіе, какъ мы уже это замѣтили, это—что все производство приняло совершенно ложное направленіе, потому что оно не имѣетъ цѣлью общее благосостояніе: за это именно она осуждена.

Вѣдь къ тому же и невозможно, чтобы предметы купли-продажи изготовлялись для всѣхъ. Хотѣть этого значитъ требовать, чтобы капиталистъ вышелъ бы изъ своей роли и выполнилъ бы такую функцію, какую онъ *не можетъ* выполнить, не переставъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть,—частнымъ предпринимателемъ, стремящимся къ обогащенію. Капиталистическая организація, основанная на личномъ интересѣ каждаго предпринимателя, взятаго отдѣльно, дала обществу все, что можно было отъ нея ожидать: она увеличила производительную силу рабочаго. Пользуясь революціей, совершенной въ промышленности паромъ, неожиданнымъ развитіемъ химіи и механики и изобрѣтеніями нашего вѣка, капиталистъ, въ своихъ собственныхъ интересахъ, приложилъ свои усилія къ тому,

чтобы увеличить производительность человѣческаго труда, и въ этомъ онъ въ значительной степени успѣлъ. Но дать ему другую миссію—было бы вовсе безразсудно. Хотѣть, напримѣръ, чтобы онъ употреблялъ эту высшую производительность труда въ интересахъ всего общества, это значило бы требовать отъ него филантропіи, милосердія, а капиталистическое предпріятіе не можетъ быть основано на милосердіи.

Обществу предстоитъ теперь придать всеобщій характеръ этой высшей производительности, ограниченной въ настоящее время лишь нѣкоторыми отраслями промышленности, и примѣнить ее въ интересахъ всѣхъ. Но очевидно, что для того, чтобы обезпечить благосостояніе всѣмъ, общество должно вновь завладѣть всѣми средствами производства.

Экономисты напомнятъ намъ, безъ сомнѣнія, — они любятъ объ этомъ напоминать, — объ относительномъ благосостояніи нѣкоторой категоріи рабочихъ, молодыхъ, сильныхъ, ловкихъ въ извѣстныхъ спеціальныхъ отрасляхъ промышленности. Всѣ на это меньшинство намъ указываютъ съ гордостью. Но самое это благосостояніе,—удѣлъ немногихъ,—обезпечено ли оно имъ? Завтра безпечность, непредусмотрительность, или жадность ихъ хозяевъ выбросятъ, можетъ быть, этихъ привилегированныхъ на мостовую, и тогда они заплатятъ мѣсяцами и годами бѣдности или нищеты за періодъ довольства, которымъ пользовались. Сколько важныхъ отраслей промышленности (матеріи, желѣзо, сахаръ и пр.), не говоря уже о неважныхъ, видали мы то остановившимися, то идущими вяло или вслѣдствіе спекуляціи, или по случаю естественнаго перемѣщенія труда, или, наконецъ, по причинѣ конкуренціи, вызванной самими капиталистами. Всѣ главныя отрасли прядильной и механической промышленности прошли недавно черезъ такой кризисъ; что же сказать о тѣхъ, отличительный характеръ которыхъ заключается въ періодичности остановокъ!

Что еще сказать о цѣнѣ, за которую покупается сравнительное благосостояніе нѣкоторыхъ категорій рабочихъ? А то, что оно куплено разореніемъ сельскаго хозяйства, безсовѣстной эксплоатаціей крестьянина и нищетой народныхъ массъ. Въ виду этого слабаго меньшинства рабочихъ, пользующихся нѣкоторымъ довольствомъ, сколько милліоновъ людей живутъ со дня на день безъ обезпеченнаго жалованья, гото-

вые отправиться туда, куда потребуютъ; сколько крестьянъ работаютъ по четырнадцати часовъ въ день за умѣренное содержаніе. Капиталъ уменьшаетъ населеніе деревень, эксплоатируетъ колоніи и страны съ мало-развитой промышленностью; онъ приговорилъ огромное большинство рабочихъ оставаться безъ техническаго образованія, посредственными даже въ своемъ ремеслѣ. Цвѣтущее состояніе какой нибудь промышленности постоянно покупается разореніемъ десяти другихъ.

И это не случайность; это *необходимость* капиталистическаго строя. Для того, чтобы хорошо вознаградить нѣкоторыя категоріи рабочихъ *нужно* въ настоящее время, чтобы крестьянинъ былъ вьючнымъ животнымъ общества, *нужно,* чтобы изъ деревень переселялись въ городъ, *нужно*, чтобы мелкія ремесла скучивались въ грязныхъ предмѣстьяхъ большихъ городовъ и производили почти даромъ множество малоцѣнныхъ предметовъ, благодаря которымъ произведенія крупной мануфактуры становятся доступными покупателямъ, получающимъ небольшое жалованье: для того, чтобы дурное сукно могло быть употреблено на одежду плохо оплачиваемыхъ рабочихъ, надо, чтобы портной довольствовался самымъ ничтожнымъ вознагражденіемъ! Нужно, чтобы отсталыя страны Востока были эксплоатируемы странами Запада, чтобы въ какой нибудь изъ привилегированныхъ отраслей промышленности у рабочаго, при капиталистическомъ строѣ, было нѣкоторое подобіе довольства.

Зло современной организаціи заключается, слѣдовательно, не въ томъ, что прибавочная цѣнность въ производствѣ достается капиталисту,—какъ то сказали Родбертусъ и Марксъ и тѣмъ сузили соціалистическое пониманіе, и общіе взгляды на капиталистическій строй. Самая прибавочная цѣнность есть только слѣдствіе болѣе глубокихъ причинъ. Зло заключается въ томъ, что вообще можетъ быть какая нибудь прибавочная цѣнность, вмѣсто простого непотребленнаго каждымъ поколѣніемъ излишка, потому что для того, чтобы была прибавочная цѣнность, надо, чтобы мужчины, женщины и дѣти были голодомъ вынуждены продавать свои рабочія силы за часть того, что эти силы производятъ и, въ особенности, что онѣ способны произвести.

Но это зло будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока все необходимое для производства будетъ собственностью только

нѣсколькихъ лицъ. Пока человѣкъ будетъ вынужденъ платить подать собственнику за право воздѣлывать землю или за право пустить въ ходъ машину, а собственникъ будетъ воленъ производить то, что ему сулитъ самые большіе барыши, предпочтительнѣе, чѣмъ необходимые для существованія предметы, до тѣхъ поръ благосостояніе будетъ обезпечено только временно очень малому числу лицъ, и каждый разъ будетъ покупаться нищетой другой части общества. Не достаточно, въ самомъ дѣлѣ, распредѣлить по-ровну барыши, которые какая-либо промышленность даетъ, если въ то же время необходимо эксплоатировать тысячи другихъ рабочихъ. Дѣло идетъ о томъ, чтобъ *производить, съ наивозможно меньшей затратой человѣческихъ силъ, наивозможно большее количество необходимыхъ для благосостоянія всѣхъ продуктовъ.*

Этотъ общій взглядъ не могутъ раздѣлять частные собственники. А потому все общество цѣликомъ, принимая его за идеалъ, будетъ вынуждено экспропріировать все то, что составляетъ средство при производствѣ богатства. Оно должно завладѣть землей, фабриками, рудниками, путями сообщенія и пр. и, кромѣ того, оно должно изучить, что̀ нужно производить въ интересахъ всѣхъ, а равно способы и средства производства.

II.

Сколько часовъ въ день долженъ будетъ работать человѣкъ, чтобы обезпечить своей семьѣ хорошую пищу, удобное жилище и необходимую одежду? Этотъ вопросъ часто занималъ соціалистовъ и они обыкновенно принимаютъ, что было бы достаточно четырехъ или пяти часовъ въ день, — при томъ, конечно, условіи, чтобы всѣ работали. Въ концѣ XVIII вѣка Бенжаменъ Франклинъ считалъ достаточнымъ пять часовъ, и если потребности комфорта съ тѣхъ поръ возрасли, производительная сила тоже возрасла и возрасла даже гораздо быстрѣе.

Въ одной изъ слѣдующихъ главъ, когда будемъ говорить о сельскомъ хозяйствѣ, мы увидимъ, что̀ можетъ дать земля человѣку, толково ее обрабатывающему, а не бросающему сѣмена на авось въ худо подготовленную почву, какъ это практикуется въ настоящее время. На большихъ фермахъ амери-

канскаго Запада, которыя занимаютъ десятки квадратныхъ льё, но почва которыхъ гораздо бѣднѣе, чѣмъ удобренная почва цивилизованныхъ странъ, получаютъ только отъ 12 до 18 гектолитровъ съ гектара, то есть половину того, что даютъ фермы въ Европѣ и въ штатахъ американскаго Востока. И однако же, благодаря машинамъ, позволяющимъ двумъ мужчинамъ обработать въ одинъ день два съ половиною гектара, сто человѣкъ производятъ въ годъ все то, что нужно для того, чтобы доставить на домъ хлѣбъ десяти тысячамъ человѣкъ на цѣлый годъ.

Такимъ образомъ, было бы достаточно человѣку работать при тѣхъ же условіяхъ въ теченіе тридцати часовъ, то есть шесть упряжекъ по пяти часовъ каждая, чтобы имѣть хлѣбъ круглый годъ, а тридцать упряжекъ, чтобы обезпечить хлѣбъ семьѣ изъ пяти лицъ.

И мы также докажемъ данными, взятыми изъ современной практики, что если завести интенсивную культуру, то менѣе чѣмъ шестьдесятъ рабочихъ упряжекъ могли бы обезпечить всему семейству и хлѣбъ, и мясо, и овощи, и даже рѣдкіе фрукты.

Съ другой стороны, изучая, во что обходятся въ настоящее время дома для рабочихъ, построенные въ большихъ городахъ, можно убѣдиться, что, для того чтобы имѣть въ большомъ англійскомъ городѣ отдѣльный домикъ, какіе тамъ строятъ для рабочихъ, будетъ достаточно потратить отъ 1,400 до 1,800 рабочихъ дней, по пяти часовъ каждый, а такъ какъ такой домъ можетъ простоять по крайней мѣрѣ пятьдесятъ лѣтъ, то изъ этого слѣдуетъ, что отъ 28 до 36 упряжекъ въ годъ доставляютъ семьѣ здоровую, достаточно приличную квартиру, снабженную всѣмъ необходимымъ комфортомъ, тогда какъ нанявъ такую же квартиру у хозяина рабочій платитъ отъ 75 до 100 рабочихъ дней въ годъ.

Замѣтимъ, что цифры эти представляютъ максимумъ того, что стоитъ въ настоящее время квартира въ Англіи, при теперешней неправильной организаціи нашихъ обществъ. Въ Бельгіи построили рабочіе города гораздо дешевле. Принявъ все во вниманіе, можно утверждать, что въ хорошо организованномъ обществѣ тридцати или сорока рабочихъ пяти-часовыхъ упряжекъ въ годъ будетъ достаточно, чтобы имѣть вполнѣ приличную квартиру.

Остается одежда. Здѣсь почти невозможны никакія вычисленія, потому что барыши, выручаемые съ продажныхъ цѣнъ безчисленными посредниками, не поддаются оцѣнкѣ. Возьмите, напримѣръ, сукно и сложите всѣ тѣ суммы, которыя удерживаются въ свою пользу собственникомъ луга, владѣльцемъ овецъ, торговцемъ шерстью и всѣми ихъ посредниками до желѣзнодорожныхъ обществъ, до хозяевъ прядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ, до торгующихъ готовымъ платьемъ,—продавцевъ и комиссіонеровъ, — и вы составите себѣ понятіе о томъ, сколько и какой тьмѣ буржуа уплачивается при покупкѣ каждаго платья.

Вотъ почему нельзя сказать, сколько рабочихъ дней представляетъ пальто, за которое вы платите сто франковъ въ какомъ нибудь большомъ парижскомъ магазинѣ.

Вѣрно, однако, то, что при помощи теперешнихъ машинъ можно производить по истинѣ невѣроятное количество тканей въ день.

Достаточно привести нѣсколько примѣровъ.

Такимъ образомъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, на 751 бумажной мануфактурѣ (пряденіе и ткачество) 175,000 работниковъ и работницъ производятъ 1.939.400,000 метровъ бумажныхъ тканей и, кромѣ того, огромное количество пряжи. Одной бумажной матеріи въ среднемъ вырабатывается свыше 11,000 метровъ въ 300 рабочихъ дней, въ девять съ половиною часовъ каждый, то есть 40 метровъ бумажной ткани въ десять часовъ. Полагая, что семья расходуетъ двѣсти метровъ въ годъ, — что много, — это равнялось бы пятидесяти часамъ труда, то есть *десяти упряжкамъ, въ пять часовъ каждая.* А пряжа еще кромѣ того, то есть пряжа, употребляемая въ видѣ нитокъ для шитья, для тканья сукна и для фабрикаціи шерстяныхъ матерій, перемѣшанныхъ съ бумагою.

Что же касается до средней выработки въ ткацкомъ производствѣ, то изъ офиціальной статистики Соединенныхъ Штатовъ мы узнаемъ, что если въ 1870 году рабочій, работавшій отъ 13 до 14 часовъ въ день, дѣлалъ 9,500 метровъ бѣлой бумажной матеріи въ годъ, то тринадцать лѣтъ позднѣе (1886 г.) онъ выдѣлывалъ уже 27,000 метровъ, работая только 55 часовъ въ недѣлю. Даже печатныхъ бумажныхъ матерій получали 29,150 метровъ (тканье и печатаніе) при 2,669 часахъ труда въ годъ. Такимъ образомъ, чтобы получать нужные 200

метровъ бѣлыхъ и печатныхъ бумажныхъ матерій, достаточно работать менѣе *двадцати часовъ въ годъ*.

Слѣдуетъ замѣтить, что сырой матеріалъ поступаетъ на эти мануфактуры почти въ такомъ же видѣ, какимъ онъ выходитъ съ полей, и что рядъ превращеній, которыя претерпѣваетъ сырье ранѣе, чѣмъ превратится въ матерію, совершается въ теченіе этихъ двадцати часовъ. Но чтобы *купить* эти 200 метровъ въ магазинѣ, рабочій, хорошо оплачиваемый, долженъ затратить, по меньшей мѣрѣ, отъ 10 до 15 дней труда, по 10 часовъ каждый, то есть отъ 100 до 150 часовъ. Что же касается до англійскаго крестьянина, то ему понадобится трудиться цѣлый мѣсяцъ и даже немного болѣе, чтобы дозволить себѣ такую роскошь.

По этому примѣру уже видно, что при помощи пятидесяти упряжекъ работы можно было бы, въ хорошо организованномъ обществѣ, одѣваться лучше, чѣмъ представители мелкой буржуазіи одѣваются въ наши дни.

Итакъ, намъ понадобилось только шестьдесятъ упряжекъ по пяти часовъ работы для полученія произведеній земли, сорокъ для жилища и пятьдесятъ для одежды, что составляетъ еще только половину года, потому что, вычтя праздники, годъ представляетъ триста рабочихъ дней.

Остается еще сто пятьдесятъ незанятыхъ работой полудней, которыми можно воспользоваться для другихъ жизненныхъ надобностей,—для снабженія себя виномъ, сахаромъ, кофе или чаемъ, мебелью, для поѣздокъ и пр. и пр.

Очевидно, что эти вычисленія приблизительны, но они могутъ быть подтверждены и другимъ способомъ. Когда мы подсчитаемъ у просвѣщенныхъ націй тѣхъ, кто ничего не производятъ, тѣхъ, кто работаютъ во вредныхъ отрасляхъ промышленности, приговоренныхъ къ исчезновенію, тѣхъ, наконецъ, кто являются безполезными посредниками, то мы докажемъ, что число производителей, въ собственномъ смыслѣ этого слова, можетъ быть удвоено. И если бы, вмѣсто каждыхъ десяти лицъ, было занято двадцать производствомъ необходимаго, и если бы общество болѣе пеклось объ экономіи человѣческихъ силъ, то эти двадцать лицъ должны были бы работать только по пяти часовъ въ день, при чемъ производство нисколько бы не уменьшилось. И было бы достаточно прекратить дальнѣйшее расточеніе человѣческихъ силъ, находящихся въ услуженіи у

богатыхъ семей или у той администраціи, которая считаетъ одного чиновника на десять жителей, и употребить эти силы для увеличенія производительности націи, чтобы ограничиться четырьмя или даже тремя часами труда, при условіи, правда, довольствоваться современными произведеніями труда.

Вотъ почему мы, основываясь на соображеніяхъ, которыя только-что разсмотрѣли, можемъ вывести слѣдующее заключеніе:

Предположите общество, состоящее изъ нѣсколькихъ милліоновъ жителей, занимающихся земледѣліемъ и многими разнообразными отраслями промышленности, Парижъ, напримѣръ, и департаментъ Сены и Уазы. Предположите, что въ этомъ обществѣ всѣ дѣти учатся работать какъ руками, такъ и мозгами. Допустите, наконецъ, что всѣ взрослые, кромѣ женщинъ, занятыхъ воспитаніемъ дѣтей, работаютъ по *пяти часовъ въ день*, начиная отъ двадцати или двадцатидвухъ-лѣтняго возраста до сорока пяти или пятидесяти лѣтъ, и что они занимаются работами по выбору въ какой угодно отрасли человѣческихъ дѣлъ, признанныхъ *необходимыми*. Подобное общество могло бы взамѣнъ гарантировать благосостояніе всѣмъ своимъ членамъ,—то есть довольство гораздо болѣе существенное, чѣмъ то, какимъ въ настоящее время пользуется буржуазія. И каждый работникъ этого общества располагалъ бы, кромѣ того, по крайней мѣрѣ пятью часами въ день, которые бы онъ могъ посвятить наукѣ, искусству и индивидуальнымъ потребностямъ, не входящимъ въ категорію *необходимыхъ*, съ тѣмъ, что впослѣдствіе, когда производительность человѣка возрастетъ, все то, что въ настоящее время считается роскошью и недосягаемымъ, также войдетъ въ эту категорію необходимаго.

Потребности роскоши.

I.

Человѣкъ однако же не такое существо, которое могло бы жить исключительно для того, чтобы ѣсть, пить и устраивать себѣ убѣжище. Какъ только онъ удовлетворитъ матеріальнымъ нуждамъ, потребности, которымъ можно было бы приписать художественный характеръ, проявятся съ большей силой. Сколько индивидуумовъ, столько и желаній, и чѣмъ болѣе общество цивилизовано, тѣмъ болѣе развивается индивидуальность, тѣмъ болѣе желанія эти разнообразны.

Даже теперь можно встрѣтить мужчинъ и женщинъ, отказывающихъ себѣ въ необходимомъ, чтобы пріобрѣсть какую нибудь бездѣлушку, чтобъ доставить себѣ какое нибудь удовольствіе, какое нибудь умственное или матеріальное наслажденіе. Христіанинъ или аскетъ можетъ не одобрять эти желанія роскоши, но въ дѣйствительности эти-то именно бездѣлушки и нарушаютъ монотонность существованія и дѣлаютъ его пріятнымъ. Стоило-ли бы тянуть жизнь со всѣми ея неизбѣжными непріятностями, если бы человѣкъ никогда, внѣ рабочаго времени, не могъ доставить себѣ какого либо удовольствія по своему личному вкусу?

Если мы хотимъ соціальной революціи, то конечно для того, во-первыхъ, чтобы всѣмъ обезпечить хлѣбъ, чтобъ преобразовать это гнусное общество, гдѣ каждый день можно видѣть дюжихъ рабочихъ, гуляющихъ безъ дѣла, за отсутствіемъ хозяина, который пожелалъ бы ихъ эксплоатировать, видѣть женщинъ и дѣтей, блуждающихъ ночью безъ пристанища, видѣть цѣлыя семьи, питающіяся однимъ хлѣбомъ; видѣть дѣтей, мужчинъ и женщинъ, умирающихъ отъ недостатка ухода, если

не нищи. Чтобы покончить съ этими несправедливостями, мы и возстаемъ.

Но отъ революціи мы ожидаемъ другого.

Мы видимъ, что рабочій, вынужденный до изнеможенія бороться, чтобы существовать, доведенъ до того, что никогда не узнаетъ этихъ высшихъ наслажденій,—самыхъ высшихъ, какія только доступны человѣку,—наслажденій наукою, и въ особенности научнымъ откровеніемъ,—художествомъ, и въ частности художественнымъ творчествомъ.

Чтобы обезпечить за всѣми эти радости, доступныя въ настоящее время только немногимъ, чтобы каждому оставить досугъ,—возможность развивать свои умственныя способности,—революція и должна гарантировать каждому насущный хлѣбъ. Досугъ,—послѣ хлѣба,—вотъ высшая цѣль.

Конечно, въ настоящее время, когда сотни тысячъ людей не имѣютъ достаточно хлѣба, угля, одежды и убѣжища, роскошь—преступленіе: чтобы удовлетворить этой потребности, нужно, чтобы дитя рабочаго осталось безъ хлѣба! Но въ обществѣ, гдѣ всѣ будутъ ѣсть до-сыта, потребности въ томъ, что мы въ настоящее время называемъ роскошью, будутъ болѣе настоятельны, и такъ какъ всѣ люди не могутъ и не должны быть похожи другъ на друга (разнообразіе вкусовъ и потребностей есть главная гарантія прогресса человѣчества), то всегда будутъ,—и желательно, чтобы всегда были,—мужчины и женщины, потребности которыхъ выше среднихъ въ какомъ нибудь отношеніи.

Всѣ не могутъ имѣть потребности въ телескопѣ, такъ какъ, если даже образованіе станетъ всеобщимъ, будутъ лица, предпочитающія микроскопическія изслѣдованія изслѣдованіямъ звѣзднаго неба. Одни любятъ статуи, другіе полотна великихъ жовописцевъ; одинъ ничего такъ не желаетъ, какъ имѣть хорошій рояль, тогда какъ другой довольствуется варганомъ. Крестьянинъ украшаетъ свою комнату образомъ эпинальской работы, а если его вкусъ разовьется, то онъ пожелаетъ имѣть хорошую гравюру. Въ настоящее время человѣкъ, имѣющій художественныя потребности, не можетъ ихъ удовлетворить, развѣ что окажется наслѣдникомъ большого состоянія; но много работая и присвоивъ себѣ умственный капиталъ, который позволитъ ему занять какую-нибудь либеральную профессію, онъ также получаетъ *надежду* удовлетворить когда

нибудь свои вкусы. Потому-то обыкновенно упрекаютъ наши идеальныя коммунистическія общества въ томъ, что единственную цѣль ихъ составляетъ матеріальная жизнь каждаго индивидуума. «У васъ можетъ быть и будетъ пища для всѣхъ, говорятъ намъ, но въ вашихъ общинныхъ магазинахъ не будетъ ни хорошихъ картинъ, ни оптическихъ инструментовъ, ни роскошной мебели, ни нарядовъ,—однимъ словомъ, того множества вещей, которыя служатъ для удовлетворенія безконечно разнообразныхъ человѣческихъ вкусовъ.—И вы этимъ самымъ упраздняете всякую возможность имѣть что бы то ни было, кромѣ хлѣба и мяса, которыя Коммуна можетъ всѣмъ предложить, и суроваго холста, во что вы одѣнете всѣхъ вашихъ гражданокъ.

Вотъ возраженіе, возникающее передъ всѣми коммунистическими системами, возраженіе, которое основатели новыхъ обществъ, отправлявшіеся селиться въ американскія степи, никогда не могли понять. Они думали, что если община будетъ имѣть достаточно сукна, чтобъ одѣть всѣхъ своихъ членовъ, концертный залъ, гдѣ «братья» могли бы кое-какъ сыграть какую-нибудь музыкальную пьесу или дать отъ времени до времени театральное представленіе, то это и все, что требуется. Они забывали, что художественное чувство существуетъ также и у земледѣльца, какъ и у буржуа, и если формы чувства измѣняются согласно различіямъ въ культурѣ, то суть его всегда одна и та же. Тщетно община гарантировала похлебку, тщетно она упраздняла въ воспитаніи все то, что могло бы развить индивидуальность, тщетно навязывала она всѣмъ исключительное чтеніе библіи,—личные вкусы проявлялись, а равно и общее недовольство; возникали маленькія ссоры по вопросу о покупкѣ фортепіано или физическихъ инструментовъ, и элементы прогресса изсякали. Общество могло жить только при условіи уничтоженія всякаго индивидуальнаго чувства, всякаго художественнаго стремленія, всякаго развитія.

Будетъ-ли анархистическая коммуна увлечена на тотъ же путь?

Конечно, нѣтъ! Только бы она поняла и постаралась удовлетворить всѣ проявленія человѣческаго духа и обезпечила производство всего, что необходимо для матеріальной жизни.

II.

Мы откровенно сознаемся, что когда мы думаемъ о той безднѣ нищеты и страданій, которая насъ окружаетъ, когда мы слышимъ раздирающіе вопли рабочихъ, проходящихъ, ища работы, по улицамъ, то мы не можемъ обсуждать этотъ вопросъ: какъ станутъ поступать въ обществѣ, гдѣ каждый будетъ наѣдаться до сыта, чтобы удовлетворить такую-то особу, желающую имѣть вещь изъ севрскаго фарфора или бархатное платье? Вмѣсто всякаго отвѣта, мы бы сказали: обезпечимъ сначала хлѣбъ. Что же касается до фарфора и бархата, то увидимъ впослѣдствіи!

Но такъ какъ слѣдуетъ признать, что кромѣ пищи у человѣка есть другія потребности, и такъ какъ сила анархіи и состоитъ именно въ томъ, что она признаетъ *всѣ* человѣческія слабости и *всѣ* страсти и не игнорируетъ ни одной, то мы скажемъ въ немногихъ словахъ, какъ можно устроиться, чтобы удовлетворить умственныя и художественныя потребности человѣка.

Работая пять или четыре часа въ день до 45-ти или 50-тилѣтняго возраста, сказали мы, человѣкъ могъ бы легко произвести *все,* что необходимо, чтобы гарантировать обществу довольство.

Но день человѣка, привыкшаго къ труду и запрегшагося въ машину, не пятичасовой, а десятичасовой, триста дней въ году и всю жизнь. Такъ убивается здоровье и притупляется умъ. Между тѣмъ, когда можно разнообразить свои занятія и въ особенности чередовать ручную работу съ умственнымъ трудомъ, то работаешь съ удовольствіемъ и, не утомляясь, отъ десяти до двѣнадцати часовъ. И это нормально. Человѣкъ, окончившій четыре или пять часовъ ручного труда, необходимаго чтобы жить, будетъ располагать еще пятью или шестью часами, которые онъ постарается употребить согласно со своимъ вкусомъ. И эти пять или шесть часовъ въ день ему дадутъ полную возможность получить, соединившись съ другими, все, что онъ захочетъ, кромѣ уже обезпеченнаго всѣмъ необходимаго.

Сначала онъ займется въ полѣ или на фабрикѣ, трудомъ, который онъ долженъ отдать обществу, какъ участникъ въ общемъ производствѣ; другую же половину дня, недѣли или

года онъ употребитъ на удовлетвореніе своихъ художественныхъ и научныхъ потребностей.

Возникнетъ множество обществъ, соотвѣтствующихъ всевозможнымъ вкусамъ и прихотямъ. Одни, напримѣръ, отдадутъ, можетъ быть, свои часы досуга литературѣ. Тогда они соединятся въ группы, въ которыя войдутъ писатели, наборщики, типографы, граверы и рисовальщики, всѣ преслѣдующіе одну общую цѣль: пропаганду дорогихъ имъ идей.

Въ настоящее время писатель знаетъ, что есть вьючное животное, рабочій, которому онъ можетъ повѣрить за три или четыре франка въ день печатаніе своихъ книгъ, но вовсе не интересуется узнать, что такое типографія. Отравляется-ли наборщикъ свинцовой пылью, а мальчикъ при машинѣ умираетъ-ли отъ малокровія,—не все ли равно, развѣ нѣтъ другихъ бѣдняковъ, чтобъ ихъ замѣнить?

Но когда не будетъ болѣе бѣдняковъ, готовыхъ продавать свои руки за скудное вознагражденіе, когда тотъ, кого вчера эксплоатировали, получитъ образованіе и будетъ имѣть *свои* идеи, которыя захочетъ изложить на бумагѣ и сообщить другимъ, тогда нужно будетъ литераторамъ и ученымъ соединиться между собою для печатанія прозы или стиховъ. Пока писатель будетъ считать блузу и ручной трудъ признакомъ низшаго разряда, ему будетъ казаться удивительнымъ, что авторъ самъ набираетъ свинцовымъ шрифтомъ свою книгу. Развѣ нѣтъ для него домино, или гимнастической залы, гдѣ бы онъ могъ отдохнуть? Но когда позоръ, присущій ручному труду, исчезнетъ, когда всѣ будутъ вынуждены работать руками, такъ какъ не на кого уже будетъ свалить ручной трудъ, о, тогда писатели, а равно ихъ поклонники и поклонницы скоро выучатся дѣйствовать верстаткой или шрифтовымъ матеріаломъ; они узнаютъ удовольствіе придти всѣмъ вмѣстѣ—все цѣнители печатаемаго труда—набрать его, увидѣть набранное, отпечатать, наконецъ, этотъ прекрасный своей дѣвственной чистотой трудъ на вращательной машинѣ. Эти прекрасныя машины—орудіе пытки для мальчика, стоящаго при нихъ въ настоящее время съ утра до вечера—будутъ источникомъ наслажденія для тѣхъ, кто будетъ ихъ употреблять для того, чтобы подать голосъ за идею любимаго автора.

Потеряетъ ли тутъ что нибудь литература? Поэтъ будетъ ли менѣе поэтомъ, поработавъ въ полѣ или помогши своими руками умножить количество экземпляровъ своего произведенія?

Потеряетъ-ли романистъ знаніе человѣческаго сердца, послѣ того какъ встрѣтится съ человѣкомъ на фабрикѣ, въ лѣсу, при проведеніи дороги, въ мастерской? Поставить эти вопросы, это—ихъ рѣшить. Нѣкоторыя книги будутъ, можетъ быть, не такъ многочисленны; но тогда станутъ печатать поменьше страницъ, чтобы сказать побольше. Можетъ быть, будутъ меньше печатать макулатуры, но то, что будетъ напечатано, будетъ лучше читаться и лучше оцѣниваться. Книга будетъ обращаться къ болѣе обширному кругу читателей, болѣе образованныхъ и болѣе способныхъ о ней судить.

Кромѣ того, искусство книгопечатанія, такъ мало ушедшее впередъ со времени Гутенберга, до сихъ поръ еще въ младенчествѣ. Нужно еще два часа, чтобъ набрать подвижными буквами то, что написано въ десять минутъ, и теперь ищутъ болѣе быстрыхъ пріемовъ для размноженія мысли. И ихъ найдутъ.

О, еслибъ каждый писатель долженъ былъ принять участіе въ напечатаніи своихъ книжекъ! Какой прогрессъ былъ бы уже тогда совершенъ въ книгопечатаніи! Мы бы не были еще при подвижныхъ буквахъ XVII столѣтія.

Не мечта ли все это? Конечно, не мечта для того, кто наблюдалъ и размышлялъ. Въ настоящій именно моментъ сама жизнь толкаетъ насъ въ этомъ направленіи.

III.

Развѣ это мечта—представить себѣ общество, гдѣ всѣ, сдѣлавшись производителями, получивъ образованіе, позволяющее имъ заниматься науками и искусствами, и имѣя для того досугъ, соединяются между собою, чтобъ опубликовать свои труды, вкладывая въ дѣло свою долю ручного труда?

Въ настоящій моментъ считаются уже тысячами общества, ученыя, литературныя и другія. Общества эти представляютъ однако добровольныя группы между людьми, интересующимися какой нибудь отраслью знанія и соединившимися для опубликованія своихъ трудовъ. Авторы, сотрудничающіе въ научныхъ сборникахъ, не получаютъ гонорара. Сборники не продаются, они отправляются безплатно во всѣ концы земного шара, другимъ обществамъ, занимающимся тѣми же отраслями знанія. Нѣкоторые члены общества печатаютъ тамъ замѣтку въ одну страницу, излагающую какое нибудь наблюденіе, другіе публи-

куютъ обширныя работы, плоды долголѣтнихъ изслѣдованій, тогда какъ третьи ограничиваются лишь тѣмъ, что принимаютъ эти послѣднія за пункты отправленія для новыхъ изслѣдованій. Это, вѣдь, ассоціація между авторами и читателями для произведенія работъ, которыми всѣ интересуются.

Правда, что ученое общество,—совершенно подобно газетѣ какого нибудь банкира,—обращается къ издателю, который нанимаетъ рабочихъ для напечатанія его трудовъ. Люди либеральныхъ профессій *презираютъ* ручной трудъ: послѣдній дѣйствительно совершается въ настоящее время при крайне отупляющихъ условіяхъ. Но общество, надѣляющее каждаго изъ своихъ членовъ широкимъ образованіемъ, философскимъ и *научнымъ*, сумѣетъ организовать физическій трудъ такъ, что онъ станетъ гордостью человѣчества, и ученое общество сдѣлается ассоціаціей изслѣдователей, любителей и рабочихъ, всѣхъ, знающихъ какое нибудь домашнее ремесло, и всѣхъ, интересующихся наукою.

Если, напримѣръ, геологія ихъ интересуетъ, то всѣ они примутъ участіе въ изслѣдованіи горныхъ породъ; каждый вложитъ въ дѣло свою долю изслѣдованій. Десять тысячъ наблюдателей вмѣсто ста сдѣлаютъ въ одинъ годъ больше, чѣмъ въ наши дни дѣлается въ двадцать лѣтъ. А когда дѣло будетъ итти объ опубликованіи разныхъ работъ, тогда десять тысячъ мужчинъ и женщинъ, знакомыхъ съ разными ремеслами, будутъ готовы чертить карты, гравировать рисунки, сочинять текстъ, печатать его. Весело, всѣ вмѣстѣ, они отдадутъ свои досуги лѣтомъ развѣдкѣ, а зимой работѣ въ мастерской. А когда ихъ труды выйдутъ въ свѣтъ, то они найдутъ не сто только читателей, они найдутъ десять тысячъ, всѣхъ заинтересованныхъ общимъ дѣломъ.

Самый ходъ прогресса впрочемъ указываетъ намъ этотъ путь.

Въ настоящее время, когда Англія задумала составить большой словарь родного языка, она не ожидала, пока у нея родится свой Литтре, который бы посвятилъ свою жизнь такому труду. Она сдѣлала призывъ добровольцамъ, и тысячи лицъ добровольно и безплатно предложили свои услуги, чтобы рыться въ библіотекахъ и окончить въ нѣсколько лѣтъ трудъ, для котораго мало было бы цѣлой человѣческой жизни. Во всѣхъ отрасляхъ умственной дѣятельности обнаруживается тотъ же духъ,

и нужно плохо знать человѣчество, чтобы не догадаться, что будущее проявляется въ этихъ попыткахъ коллективнаго труда, вмѣсто и на мѣсто труда индивидуальнаго.

Для того, чтобы подобный трудъ былъ по истинѣ коллективнымъ, слѣдуетъ его организовать такъ, чтобы пять тысячъ добровольцевъ, авторовъ, типографовъ, корректоровъ, работали сообща; и такой шагъ впередъ былъ сдѣланъ, благодаря инiцiативѣ соцiалистической печати, которая намъ даетъ уже примѣры соединеннаго труда, ручного и умственнаго. Очень часто случается въ боевыхъ газетахъ, что авторъ статьи самъ же и печатаетъ ее. Опытъ еще крошечный, микроскопическiй, если хотите; но онъ показываетъ путь, по которому пойдетъ будущее.

Это—путь свободы. Въ будущемъ, когда человѣкъ захочетъ сказать что-нибудь полезное, что-нибудь превосходящее идеи его вѣка, онъ не будетъ искать издателя, который бы согласился ссудить его необходимымъ капиталомъ. Онъ будетъ искать сотрудниковъ между людьми, знакомыми съ типографскимъ ремесломъ и понявшими значенiе новаго труда. И вмѣстѣ они будутъ выпускать въ свѣтъ книгу или газету.

Литература и ежедневная пресса перестанутъ тогда быть средствомъ составлять себѣ состоянiе и жить на счетъ другихъ. Найдется ли кто нибудь изъ понимающихъ литературу и журналистику, кто бы не желалъ наступленiя такого времени, когда литература могла бы освободиться отъ тѣхъ, которые ей покровительствовали прежде, отъ тѣхъ, которые эксплоатируютъ ее въ настоящее время, и отъ толпы, которая, за весьма рѣдкими исключенiями, оплачиваетъ ее пропорцiонально ея банальности и легкости, съ какою она приспособляется къ дурному вкусу большинства читателей?

Литература и наука займутъ истинное мѣсто въ дѣлѣ человѣческаго развитiя лишь тогда, когда, свободныя отъ всякаго продажнаго подчиненiя, онѣ будутъ исключительно культивироваться тѣми, кто ихъ любитъ, и для тѣхъ, кто ихъ любитъ.

IV.

Литературѣ, наукѣ и искусству люди должны служить добровольно. Только при этомъ условiи они достигнутъ того, что

освободятся отъ ига государства, капитала и буржуазной посредственности, которые ихъ душатъ.

Какими средствами располагаетъ ученый теперь для производства интересующихъ его изслѣдованій? Просить помощи у государства, которая можетъ быть дана не болѣе какъ одному претенденту изъ ста и которую никто не получитъ, если явно не пообѣщаетъ итти по проторенной дорожкѣ и выбирать на ней старыя колеи! Вспомнимъ французскую академію, осудившую Дарвина, петербургскую академію, не признавшую Менделѣева, и лондонское королевское общество, отказывающее печатать, какъ «ненаучную», записку Джауля (Joule), заключающую опредѣленіе механическаго эквивалента теплоты.

Вотъ почему всѣ великія изслѣдованія, всѣ открытія, революціонирующія науку, были сдѣланы внѣ академій и университетовъ или людьми достаточно богатыми, чтобъ оставаться независимыми, какъ Дарвинъ и Ляйелль, или же людьми, разстраивавшими свое здоровье, работая въ бѣдности и очень часто въ нищетѣ; они теряли, за неимѣніемъ лабораторіи, массу времени и, не будучи въ состояніи пріобрѣсть нужные инструменты и книги для продолженія изслѣдованій, упорно продолжали ихъ безо всякой надежды на успѣхъ и часто даже умирали за дѣломъ. Имя ихъ легіонъ.

Кромѣ того, система государственной помощи такъ плоха, что наука издавна уже старалась отъ нея освободиться. Именно вслѣдствіе этого Европа и Америка покрыты тысячами ученыхъ обществъ, организованныхъ и содержимыхъ добровольцами. Нѣкоторые изъ нихъ достигли такого развитія, что всѣ средства субсидированныхъ обществъ и богатства всѣхъ банкировъ были бы недостаточны, чтобы купить ихъ сокровища. Никакое правительственное учрежденіе не обладаетъ такими богатствами, какъ лондонское зоологическое общество, которое содержится только на добровольные взносы.

Оно не покупаетъ животныхъ, которыя тысячами населяютъ его сады: ихъ присылаютъ ему другія общества и коллекціонеры всего міра. Сегодня — слонъ, даръ бомбейскаго зоологическаго общества, завтра — гиппопотамъ и носорогъ, поднесенные египетскими натуралистами, и такіе великолѣпные подарки повторяются ежедневно, приходя безпрестанно со всѣхъ концовъ земного шара: птицы, пресмыкающіяся, коллекціи насѣкомымъ и пр. Такимъ образомъ, присылаются нерѣдко такія

животныя, какихъ не купить за все золото земного шара: такъ, напримѣръ, одно животное было поймано съ опасностью для жизни молодымъ охотникомъ, который привязался къ нему, какъ къ ребенку, а потомъ подарилъ его обществу потому, что былъ увѣренъ, что тамъ за нимъ будетъ хорошій уходъ. Плата за входъ съ посѣтителей, а ихъ бываетъ безчисленное множество,—достаточна для содержанія этого громаднаго звѣринца.

Одного не хватаетъ этому лондонскому зоологическому саду и другимъ обществамъ подобнаго рода, именно того, что разнаго рода обязательныя работы выполняются тамъ вовсе не добровольнымъ трудомъ; сторожа и очень многочисленные служащіе этого огромнаго учрежденія не признаются членами общества; и единственнымъ побужденіемъ сдѣлаться имъ является желаніе поставить на своей визитной карточкѣ эти кабалистическіе инициалы F. Z. S. (членъ зоологическаго общества). Однимъ словомъ, чего не хватаетъ, это—духа братства и солидарности.

Объ изобрѣтателяхъ можно вообще сказать то же, что мы сказали объ ученыхъ. Кто не знаетъ, цѣною какихъ страданій появлялись на свѣтъ почти всѣ великія изобрѣтенія! Безсонныя ночи, голоданіе семьи, недостатокъ орудій и сырыхъ матеріаловъ для опытовъ, такова исторія почти всѣхъ тѣхъ, которые въ промышленной сферѣ составляютъ гордость, единственно справедливую, нашей цивилизаціи.

Но что нужно, чтобы выйти изъ этихъ условій, относительно которыхъ всѣ согласны, что они плохи? Попробовали патентъ, и извѣстны его результаты. Голодный изобрѣтатель продаетъ патентъ за нѣсколько франковъ, а тотъ, кто ссудилъ только капиталъ, прикарманиваетъ часто огромные барыши отъ изобрѣтенія. Кромѣ того, привилегія уединяетъ изобрѣтателя. Она обязываетъ его держать въ тайнѣ свои изслѣдованія, что часто приводитъ къ запоздалой неудачѣ, тогда какъ самая простая замѣтка, идущая отъ ума, менѣе поглощеннаго основной идеей, бываетъ иногда достаточной, чтобъ оплодотворить изобрѣтеніе и сдѣлать его практичнымъ. Какъ всякое правительственное распоряженіе, патентъ можетъ только тормазить прогрессъ промышленности.

Всякая привилегія въ теоріи вопіющая несправедливость, такъ какъ мысль не можетъ быть привилегирована; въ прак-

тическомъ же отношеніи она является громаднымъ препятствіемъ быстрому развитію изобрѣтательности.

Для того, чтобы благопріятствовать духу изобрѣтательности, нужно, во-первыхъ, пробужденіе мысли. Затѣмъ смѣлость выдумки, — смѣлость, которую все наше воспитаніе старается ослабить; далѣе широкое распространеніе знаній, которое увеличиваетъ во сто разъ число искателей; наконецъ, сознаніе, что человѣчество сдѣлаетъ шагъ впередъ, такъ какъ чаще всего энтузіазмъ, а иногда мечта сдѣлать добро — двигали всѣхъ великихъ благодѣтелей.

Соціальная революція одна можетъ дать этотъ толчокъ мысли, эту смѣлость, это знаніе, это убѣжденіе, что работаешь для всѣхъ.

Тогда только увидятъ обширныя фабрики, снабженныя движущей силой и всякаго рода инструментами, громадныя промышленныя лабораторіи, открытыя для всѣхъ искателей. Туда они будутъ приходить работать ради своей мечты, покончивъ со своими обязательными передъ обществомъ работами; тамъ они будутъ проводить свои пять или шесть часовъ досуга; тамъ они будутъ дѣлать свои опыты; тамъ они найдутъ другихъ товарищей, спеціалистовъ въ другихъ отрасляхъ промышленности, пришедшихъ изучать тоже какой нибудь трудный вопросъ; они станутъ помогать другъ другу, другъ у друга учиться и изъ столкновенія идей и опытовъ родится желанное рѣшеніе вопроса. Еще разъ, это не мечта! Петербургскій Соляной Городокъ далъ уже осуществленіе ея, хотя и частичное, въ техническомъ отношеніи. Это — удивительно хорошо снабженная инструментами и открытая для всѣхъ мастерская; тамъ можно пользоваться даромъ инструментами и движущей силой; только дерево и металлы ставятся на счетъ по своей цѣнѣ. Но рабочіе приходятъ туда только вечеромъ, истомленные десятичасовымъ трудомъ въ мастерскихъ. И они тщательно прячутъ свои изобрѣтенія отъ всѣхъ взоровъ, стѣсненные патентомъ и капитализмомъ, этимъ проклятіемъ современнаго общества, этимъ камнемъ преткновенія на пути умственнаго и нравственнаго прогресса.

V.

А искусство? Со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы на упадокъ искусства. Мы дѣйствительно далеки отъ великихъ

мастеровъ эпохи Возрожденія. Техника искусства сдѣлала въ послѣднее время громадные успѣхи; тысячи людей, одаренные нѣкоторымъ талантомъ, совершенствуютъ всѣ его отрасли, но искусство, какъ кажется, удаляется изъ цивилизованнаго міра! Техника прогрессируетъ, а вдохновеніе посѣщаетъ рѣже, чѣмъ когда либо, мастерскія художниковъ.

Откуда оно, въ самомъ дѣлѣ, явится? Только великая идея можетъ вдохновить искусство. Искусство, въ нашемъ идеалѣ, есть синонимъ созданія, оно должно устремлять свои взоры впередъ: но, за рѣдкими, очень рѣдкими исключеніями, художникъ по профессіи остается слишкомъ невѣжественъ, слишкомъ буржуа, чтобы провидѣть новые горизонты. Это вдохновеніе, кромѣ того, не можетъ исходить изъ книгъ; оно должно черпаться изъ жизни, а современное общество не можетъ его дать.

Рафаэль и Мурильо писали свои картины въ такое время, когда исканіе новаго идеала могло еще мириться со старыми религіозными преданіями. Они писали, чтобы украшать большія церкви, которыя сами представляли благочестивое дѣло многихъ поколѣній. Соборъ своимъ таинственнымъ видомъ, своимъ величіемъ, связывавшимъ его съ жизнью самаго города, могъ вдохновить живописца. Онъ работалъ надъ народнымъ памятникомъ, онъ обращался къ толпѣ, отъ которой взамѣнъ получалъ вдохновеніе. И онъ ей говорилъ въ томъ же духѣ, въ какомъ ему говорили куполъ, столбы, раскрашенныя окна, статуи и отдѣланныя орнаментомъ двери. Въ настоящее же время наибольшій почетъ, къ которому стремится живописецъ, это—видѣть свое полотно вставленнымъ въ золоченую раму и повѣшеннымъ въ какомъ нибудь музеѣ,—нѣчто въ родѣ магазина древностей, гдѣ можно видѣть, какъ въ Прадо, «Вознесеніе» Мурильо рядомъ съ «Нищимъ» Веласкеца и «Собаками Филиппа II». Бѣдный Веласкецъ и бѣдный Мурильо! Бѣдныя греческія статуи, *жившія* въ акрополяхъ своихъ городовъ, задыхаются въ настоящее время подъ навѣсомъ изъ краснаго сукна въ Луврѣ!

Когда греческій скульпторъ работалъ надъ своимъ мраморомъ, то онъ старался выразить разумъ и сердце своего города. Всѣ его страсти, всѣ его традиціи славы должны были ожить въ его трудѣ. Но въ настоящее время *единый* городъ пересталъ существовать. Нѣтъ болѣе общности идей. Городъ есть

случайное сборище незнающихъ другъ друга людей, не имѣющихъ общаго интереса, кромѣ интереса нажиться одинъ на счетъ другого; отечество не существуетъ. Какое отечество могутъ имѣть международный банкиръ и тряпичникъ?

Тогда только, когда городъ, или территорія, или нація, или група націй опять возстановятъ единство въ общественной жизни, искусство будетъ въ состояніи черпать свое вдохновеніе въ *общей идеѣ* города или федераціи. Тогда архитекторъ задумаетъ городское зданіе, которое не будетъ уже ни храмомъ, ни тюрьмой, ни крѣпостью; тогда живописецъ, скульпторъ, граверъ, орнаментщикъ и пр. будутъ знать, куда помѣстить свои полотна, статуи и украшенія—всѣ, черпая силу для работы у одного и того же жизненнаго источника и со славою идя вмѣстѣ по направленію къ будущему.

Но до тѣхъ поръ искусство можетъ только прозябать.

Лучшія полотна современныхъ живописцевъ все еще тѣ, которыя изображаютъ природу, деревню, долину, море съ его опасностями, горы съ ихъ красотами. Но какъ живописецъ можетъ передать поэзію полевыхъ работъ, если онъ ихъ только созерцалъ, вооброжалъ, самъ же никогда въ нихъ не принималъ участія? Если онъ ихъ знаетъ только такъ, какъ знаетъ перелетная птица тѣ страны, надъ которыми она паритъ во время своихъ перелетовъ? Если въ цвѣтѣ своей юности онъ ни разу не ходилъ съ утренней зари за плугомъ, если онъ не пробовалъ удовольствія косить широкими размахами траву рядомъ съ сильными парнями, соперничающими въ энергіи съ веселыми дѣвушками, наполняющими воздухъ своими пѣснями? Любовь *земли* и того, что растетъ на землѣ, не пріобрѣтается во время работы этюдовъ кистью; она пріобрѣтается только на ея службѣ, а не любя ея, какъ ее изображать? Вотъ почему все то, что лучшіе живописцы могли въ этомъ смыслѣ представить, еще крайне несовершенно и очень часто невѣрно. Сантиментализмъ почти всегда, а *силы* нѣтъ.

Нужно было видѣть заходъ солнца, возвращаясь съ работы; нужно было быть мужикомъ, — вмѣстѣ съ настоящимъ мужикомъ, чтобъ сохранить въ глазу всѣ его красоты. Нужно было быть въ морѣ рыбакомъ во всякій часъ дня и ночи, ловить самому, бороться съ волнами, не бояться бури и чувствовать послѣ тяжкаго труда радость вытащить тяжелую сѣть или же разочарованіе возвратиться домой съ пустыми

руками,—чтобы понять поэзію рыбной ловли. Нужно было пройти черезъ заводъ, быть знакомымъ съ утомленіемъ, со страданіями и радостями созидательнаго труда, лить металлъ при сверкающемъ блескѣ доменной печи; нужно было почувствовать *жизнь* машины, чтобы знать, что такое сила человѣческая, и изобразить ее въ художественномъ произведеніи. Нужно, наконецъ, погрузиться въ народное житье, чтобы смѣть его изображать.

Труды этихъ художниковъ будущаго, которые поживутъ предварительно жизнью народа, какъ великіе художники прошлаго, не будутъ предназначены къ продажѣ. Они будутъ составною частью живого цѣлаго, которое безъ нихъ было бы немыслимо и которые безъ него были бы невозможны. Туда будутъ приходить ими любоваться и тамъ ихъ гордая и свѣтлая красота будетъ производить свое благотворное вліяніе на сердца и умы.

Искусство, для того чтобы развиваться, должно быть связано съ промышленностью множествомъ промежуточныхъ ступеней, чтобы они, такъ сказать, перемѣшались; это такъ хорошо и такъ часто доказывалъ Рескинъ и великій соціалистическій поэтъ Моррисъ. Все, что окружаетъ человѣка дома, на улицѣ, внутри и снаружи общественныхъ зданій, должно имѣть правильную художественную форму.

Но это можетъ осуществиться только въ такомъ обществѣ, гдѣ всѣ будутъ пользоваться довольствомъ и досугомъ. Тогда возникнутъ художественныя ассоціаціи, въ которыхъ каждый будетъ въ состояніи выказать свои способности; ибо искусство не можетъ обойтись безъ безчисленнаго множества дополнительныхъ работъ, исключительно ручныхъ и техническихъ. Эти художественныя ассоціаціи займутся украшеніемъ очаговъ своихъ членовъ, какъ поступили любезные добровольцы, молодые эдинбургскіе живописцы, украсившіе стѣны и потолки большой городской больницы для бѣдныхъ.

Живописецъ или скульпторъ, создавшій произведеніе, исполненное личнаго чувства, задушевности, подаритъ его любимой женщинѣ или другу. Созданное съ любовью, будетъ ли его произведеніе ниже тѣхъ, которыя удовлетворяютъ мелочному самолюбію купцовъ и банкировъ, потому только, что они стоили много денегъ?

То же самое будетъ и относительно всѣхъ удовольствій, которыхъ люди ищутъ за предѣлами необходимаго. Кто захочетъ

имѣть рояль, войдетъ въ ассоціацію фабрикантовъ музыкальныхъ инструментовъ. И, отдавая ей часть полу-дней досуга, онъ будетъ скоро имѣть желанный рояль. Если же въ немъ разовьется страсть къ астрономическимъ изслѣдованіямъ, то онъ присоединится къ ассоціаціи астрономовъ съ ея философами, наблюдателями, математиками, мастерами въ дѣлѣ астрономическихъ инструментовъ, учеными и любителями, и онъ будетъ имѣть телескопъ, доставивъ часъ труда на общее дѣло, такъ какъ въ особенности черная работа требуется для астрономической обсерваторіи,—работа каменщика, плотника, литейщика, механика, а окончательная отдѣлка дается астрономическимъ инструментамъ мастеромъ-спеціалистомъ.

Однимъ словомъ, тѣхъ пяти-семи часовъ въ день, которыми каждый будетъ располагать послѣ того, какъ посвятитъ нѣсколько часовъ на произведеніе необходимаго, будетъ слишкомъ достаточно, чтобы удовлетворить всѣмъ безконечно-разнообразнымъ потребностямъ людей въ роскоши. Тысячи ассоціацій займутся удовлетвореніемъ этихъ потребностей. То, что̀ теперь составляетъ привилегію ничтожнаго меньшинства, будетъ доступно всѣмъ. Роскошь, переставъ быть глупымъ, показнымъ хвастовствомъ буржуазіи, станетъ удовлетвореніемъ артистическаго чувства.

Всѣ отъ этого будутъ только счастливѣе. Въ коллективномъ трудѣ, совершаемомъ съ сердечной веселостью для достиженія желанной цѣли,—сдѣлать книгу, художественное произведеніе, или предметъ роскоши,—каждый найдетъ стимулъ и необходимый отдыхъ, чтобъ сдѣлать жизнь пріятною.

Работая надъ уничтоженіемъ дѣленія людей на хозяевъ и рабовъ, мы работаемъ надъ счастьемъ тѣхъ и другихъ, надъ счастьемъ человѣчества.

Пріятный трудъ.

I.

Когда соціалисты утверждаютъ, что общество освобожденное отъ капитала, сумѣетъ сдѣлать трудъ пріятнымъ и уничтожитъ всякія отталкивающія и нездоровыя работы, то имъ смѣются въ глаза. Однако же, даже въ настоящее время можно видѣть поразительные успѣхи въ этомъ направленіи, и вездѣ, гдѣ эти успѣхи осуществились, хозяева могутъ только поздравить себя съ достигнутой такимъ образомъ экономіей силы.

Очевидно, что фабрика, заводъ могутъ быть устроены такъ же гигіенично и такъ же пріятно, какъ какая-нибудь научная лабораторія. И не менѣе очевидно, что было бы выгодно это устроить. Въ просторной и хорошо вентилированной фабрикѣ лучше работается; тамъ легко примѣняются мелкія улучшенія, изъ которыхъ каждое представляетъ экономію времени и труда. И если бо́льшая часть фабрикъ оказываются смрадными и нездоровыми мѣстами, какими мы ихъ знаемъ, то это потому, что въ фабричномъ дѣлѣ рабочій считается ни во что, и потому, что самая нелѣпая растрата человѣческихъ силъ составляетъ отличительную черту нашихъ фабрикъ.

Однако, существуютъ уже то тамъ, то сямъ, правда, какъ очень рѣдкія исключенія, фабрики, настолько хорошо устроенныя, что было бы истинное удовольствіе работать на нихъ, если бы трудъ, само собою разумѣется, продолжался не болѣе четырехъ или пяти часовъ въ день и еслибъ каждый имѣлъ возможность легко разнообразить его согласно со своими наклонностями.

Вотъ заводъ,—занятый, къ сожалѣнію, выдѣлкою военныхъ орудій,—который ничего не оставляетъ желать по отношенію гигіеничности и разумности устройства его. Онъ занимаетъ

восемнадцать десятинъ земли, изъ коихъ четырнадцать покрыты стекляннымъ навѣсомъ. Мостовая изъ огнеупорнаго кирпича такъ же чиста, какъ дно шахты, а стеклянная крыша постоянно содержится въ чистотѣ партіей рабочихъ, которые только этимъ и занимаются. Тамъ выливаютъ стальные слитки вѣсомъ до двадцати тоннъ, и хотя находишься въ тридцати шагахъ отъ громадной печи, пламя которой имѣетъ температуру болѣе чѣмъ въ тысячу градусовъ, но догадываешься объ этомъ лишь, когда громадная пасть печи выпускаетъ стальное чудовище. И этимъ чудовищемъ управляютъ только три или четыре рабочихъ, которые отворяютъ то тутъ, то тамъ краны, приводящіе въ движеніе громадные журавли посредствомъ давленія воды въ трубахъ.

Входишь и ожидаешь, вотъ подымется оглушительный шумъ ударовъ толкача, а оказывается, что никакихъ толкачей нѣтъ: громадныя пушки въ сто тоннъ и оси трансатлантическихъ пароходовъ выковываются подъ гидравлическимъ давленіемъ, и рабочій ограничивается тѣмъ, что поворачиваетъ кранъ, чтобы сдавить сталь, которую прессуютъ, а не куютъ, отъ чего получается металлъ гораздо болѣе однородный, безъ трещинъ, для штукъ какой угодно толщины.

Ожидаешь адскій скрежетъ, а видишь машины, разрѣзающія стальныя глыбы въ десять метровъ длиною съ шумомъ не больше, чѣмъ бываетъ при рѣзаніи сыра. А когда мы выразили свое удивленіе сопровождавшему насъ инженеру, то онъ отвѣтилъ слѣдующее:

«Но это, вѣдь, простой вопросъ расчета! Машина, которая строгаетъ сталь, служитъ намъ уже сорокъ два года. Она бы не прослужила и десяти лѣтъ, если бы ея части были худо прилаженныя или слишкомъ слабыя и сталкивались бы между собою, скрежетали и визжали при каждомъ ударѣ струга!

«Доменныя печи! Но это былъ бы напрасный расходъ выпускать теплоту, вмѣсто того чтобъ ею пользоваться: зачѣмъ жарить литейщиковъ, когда теряемая лучеиспусканіемъ теплота представляетъ множество тоннъ угля?

«А толкачи, что заставляли дрожать зданія на пять лье въ окружности, вотъ еще расхищеніе! Куютъ лучше давленіемъ, чѣмъ ударомъ, а стоитъ это дешевле,—меньше потери. Просторъ, даваемый каждому станку, обиліе свѣта на заводѣ, его

чистота, это просто вопросъ расчета. Работаютъ лучше, когда хорошо видно и когда нѣтъ тѣсноты.

«Правда, добавилъ онъ, намъ было очень тѣсно раньше, чѣмъ мы сюда переѣхали. Это потому, что земля стоитъ страшно дорого въ окрестностяхъ большихъ городовъ. Землевладѣльцы— такіе жадные!»

То же и относительно рудниковъ. Извѣстно,—хотя бы изъ романовъ Зола или изъ газетъ,—что̀ такое рудникъ въ настоящее время. А въ будущемъ рудникъ будетъ хорошо провѣтриваться, температура его будетъ такъ же совершенно регулироваться, какъ температура рабочей комнаты, и безъ лошадей, приговоренныхъ умереть подъ землей: подземная тяга будетъ производиться автоматическимъ канатомъ, приводимымъ въ движеніе у отверстія шахты; вентиляторы всегда будутъ въ движеніи, и никогда не будетъ взрывовъ. И такой рудникъ вовсе не мечта; такіе уже есть въ Англіи, одинъ мы посѣтили. И здѣсь это устройство—простой расчетъ. Рудникъ, о которомъ мы говоримъ, несмотря на свою громадную глубину (до 430 метровъ), доставляетъ 1000 тоннъ каменнаго угля въ день при 200 только рабочихъ, то есть по 5 тоннъ въ день на человѣка, тогда какъ, въ среднемъ, для двухъ тысячъ шахтъ Англіи получка равна едва 300 тоннамъ въ годъ на человѣка.

Если бы нужно было, мы могли бы увеличить число примѣровъ, доказывая, что по отношенію къ матеріальной организаціи мечтанія Фурье вовсе не были утопіей.

Но этотъ предметъ уже много разъ обсуждался соціалистическими газетами, и мнѣніе относительно его установилось. Мануфактура, заводъ, рудникъ *могутъ* быть такими же гигіеничными, такими же превосходными, какъ и лучшія лабораторіи современныхъ университетовъ, и чѣмъ лучше они будутъ въ этомъ отношеніи устроены, тѣмъ производительнѣе будетъ человѣческій трудъ.

Итакъ, можно ли сомнѣваться въ томъ, что въ обществѣ равноправныхъ, гдѣ «руки» не будутъ вынуждены продавать себя за какую угодно цѣну, трудъ дѣйствительно сдѣлается удовольствіемъ, отдыхомъ? Трудъ отталкивающій или нездоровый долженъ будетъ исчезнуть, такъ какъ при этихъ условіяхъ онъ вреденъ цѣлому обществу. Рабы могли ему предаваться, но свободный человѣкъ создастъ новыя условія для труда

пріятнаго и гораздо болѣе производительнаго. То, что сегодня исключеніе, завтра будетъ правило.

То же будетъ и съ домашнимъ трудомъ, который въ настоящее время общество сваливаетъ на многострадальную женщину.

II.

Общество, возрожденное революціей, сумѣетъ уничтожить домашнее рабство,—эту послѣднюю форму рабства,—наиболѣе крѣпко держащуюся, можетъ быть, потому что она наиболѣе древняя. Только оно сдѣлаетъ это не тѣмъ способомъ, о какомъ мечтали фаланстеріанцы, и не тѣмъ, какой представляли часто себѣ коммунисты-государственники.

Фаланстеръ противенъ многимъ милліонамъ людей. Самый не экспансивный человѣкъ испытываетъ, конечно, потребность встрѣчаться съ себѣ подобными на общей работѣ, становящейся тѣмъ привлекательнѣе, что человѣкъ чувствуетъ себя частью огромнаго цѣлаго. Но нельзя того же сказать о часахъ досуга, посвящаемыхъ отдыху и дружеской бесѣдѣ. Фаланстеръ и даже фамилистеръ съ этимъ не считаются; или же они стараются отвѣтить на этотъ вопросъ искусственной группировкой.

Фаланстеръ, представляющій въ дѣйствительности не что иное, какъ огромную гостиницу, можетъ нравиться нѣкоторымъ людямъ, или даже всѣмъ въ извѣстные періоды жизни, но большинство предпочитаетъ семейную жизнь (будущаго, само собою разумѣется). Оно предпочитаетъ уединенное помѣщеніе, а норманы и англо-саксы идутъ даже до предпочтенія домика въ 4, 6 или 8 комнатъ, въ которыхъ семья или кружекъ друзей могли бы жить отдѣльно.

Фаланстеръ иногда имѣетъ смыслъ; но онъ станетъ ненавистенъ, если сдѣлается общимъ правиломъ. Уединеніе, чередующееся съ часами, проведенными въ обществѣ, это—правило человѣческой природы. Вотъ почему одно изъ величайшихъ мученій тюремнаго заключенія въ общихъ камерахъ состоитъ въ невозможности уединиться, и равнымъ образомъ одиночное заключеніе становится, въ свою очередь, мученіемъ, когда оно не чередуется съ часами общественной жизни.

Что же касается до экономическихъ соображеній, что выставляютъ иногда на видъ въ пользу фаланстера, то это эко-

номія мелочного лавочника. Высшая экономія, единственно разумная, заключается въ томъ, чтобы сдѣлать жизнь пріятною для всѣхъ, потому что человѣкъ, довольный своей жизнью, производитъ гораздо больше того, кто проклинаетъ свою обстановку [1]).

Нѣкоторые соціалисты отвергаютъ фаланстеръ. Но когда ихъ спрашиваютъ, какъ устроить домашній трудъ, они отвѣчаютъ: «каждый будетъ дѣлать свою собственную работу. Моя жена отлично управляется съ хозяйствомъ; дамы буржуазіи будутъ дѣлать то же самое». А если это говоритъ буржуа-соціалистъ, то онъ, съ милой улыбкой, скажетъ, обращаясь къ женѣ: «не правда-ли, милочка, ты, вѣдь, обойдешься безъ прислуги въ соціалистическомъ обществѣ? Ты, вѣдь, возьмешь примѣръ съ жены нашего славнаго друга Поля или съ жены столяра Жана, которую ты знаешь?»

На что жена съ кисло-сладкой улыкой отвѣчаетъ: «да, конечно, мой милый», думая, однако, про себя, что это не скоро случится.

На горничную или жену, но все же на женщину, мужчина разсчитываетъ свалить работу по хозяйству.

Но и женщина тоже, наконецъ, требуетъ свою долю въ эмансипаціи человѣчества. Она не хочетъ быть болѣе домашнимъ вьючнымъ животнымъ. Достаточно уже и того, что она должна отдать столько лѣтъ своей жизни воспитанію дѣтей. Она не хочетъ быть болѣе кухаркой, штопальницей, подметальщицей въ хозяйствѣ! И американки идутъ въ этомъ движеніи впереди, такъ что въ Соединенныхъ Штатахъ всѣ жалуются на недостатокъ женщинъ, которымъ бы нравилось домашнее услуженіе. Госпожа предпочитаетъ искусство, политику, литературу или игорный залъ; работница то же, и нельзя найти прислуги. Дѣвушки и женщины, соглашающіяся быть рабами въ передникѣ, рѣдки въ Соединенныхъ Штатахъ.

И сама жизнь приходитъ на помощь и указываетъ рѣше-

---

[1]) Кажется, что коммунисты Молодой Икаріи поняли важность свободнаго выбора въ своихъ повседневныхъ отношеніяхъ, въ нерабочее время. Идеаломъ религіозныхъ коммунистовъ была всегда общая трапеза; посредствомъ общей трапезы первые христіане заявляли о своемъ присоединеніи къ христіанству. Послѣдній остатокъ ея—это причастіе. Молодые икарійцы порвали съ этимъ религіознымъ преданіемъ. Они обѣдаютъ въ общей залѣ, но за отдѣльными столиками, за которыми садятся согласно привязанностямъ даннаго момента. У анамскихъ коммунистовъ, у каждого свой домъ: они ѣдятъ дома, забирая провизію, сколько понадобится, въ магазинахъ коммуны.

ніе вопроса, очевидно очень простое. Машина возьметъ на себя три четверти хозяйственныхъ заботъ. Вы сами чистите свои ботинки и знаете, какъ этотъ трудъ смѣшенъ. Тереть двадцать или тридцать разъ ботинокъ,—ну, что можетъ быть глупѣе? Нужно, чтобы десятая часть европейскаго населенія продавала себя за жалкій уголъ и недостаточную пищу, чтобъ дѣлать эту одуряющую работу; нужно, чтобы женщина считала сама себя за рабу, чтобы подобная операція производилась каждое утро десятками милліоновъ рукъ.

Однако, у парикмахеровъ есть уже машинки, чтобъ приводить въ порядокъ головы съ голыми черепами и курчавыми волосами; не проще ли было бы примѣнить тотъ же принципъ и къ другому концу?—Это уже сдѣлано. Въ настоящее время машинка для чистки сапогъ входитъ въ общее употребленіе въ американскихъ и европейскихъ гостиницахъ. Она распространяется также и внѣ гостиницъ. Въ большихъ англійскихъ школахъ, раздѣленныхъ на разные разряды, съ пансіономъ каждый, въ 50 и до 200 учениковъ, нашли, что проще всего имѣть одно заведеніе, которое бы каждое утро чистило тысячи ботинокъ; это освобождаетъ отъ содержанія сотни горничныхъ, спеціально приставленныхъ къ столь глупой операціи. Заведеніе вечеромъ беретъ ботинки, а утромъ возвращаетъ ихъ на домъ вычещенными на машинкѣ.

Мыть посуду! Гдѣ найти хозяйку, которая бы не приходила отъ этой работы въ ужасъ? Работа долгая и грязная въ одно и то же время, и которая чаще всего дѣлается голыми руками, единственно потому, что трудъ домашняго раба ни во что не считается.

Въ Америкѣ лучше придумали. Есть уже нѣсколько городовъ, гдѣ горячая вода посылается на̀-домъ, совершенно такъ же, какъ холодная вода у насъ. При такихъ условіяхъ задача очень упростилась, и одна женщина, г-жа Кокрэнъ, ее разрѣшила. Ея машина моетъ двадцать дюжинъ тарелокъ или блюдъ, вытираетъ и сушитъ ихъ менѣе, чѣмъ въ три минуты. Одинъ заводъ въ Иллинойсѣ дѣлаетъ эти машины и продаетъ ихъ по цѣнѣ, доступной средней семьѣ. Что же касается до малыхъ семей, то онѣ будутъ посылать свою посуду въ заведеніе совершенно такъ же, какъ посылаютъ онѣ свои ботинки. Вѣроятно даже, что эти двѣ функціи, — чищеніе и мытье,—будутъ выполняться однимъ и тѣмъ же предпріятіемъ.

Чистить ножи, сдирать себѣ кожу и ломать руки, во время стирки бѣлья, при выжиманіи воды; мести полы и чистить ковры, поднимая облака пыли, которую нужно тотчасъ же стерать съ большимъ трудомъ съ тѣхъ мѣстъ, куда она сѣла,— все это еще дѣлается, потому что женщина все еще раба, но начинаетъ уже исчезать, такъ какъ всѣ эти операціи гораздо лучше производятся машиной, и машины всякаго рода заведутся въ хозяйствѣ, какъ только распредѣленіе механической силы по домамъ позволитъ пустить ихъ всѣ въ ходъ, не прибѣгая ни къ какимъ мускульнымъ усиліямъ.

Машины стоятъ очень дешево, и если мы за нихъ платимъ еще очень дорого, то это потому, что онѣ не вошли во всеобщее употребленіе, и въ особенности потому, что чрезмѣрный налогъ,—въ 75 процентовъ, взимается съ момента ихъ появленія разными господами, спекулирующими на землю, на сырой матеріалъ, на фабрикацію, на продажу, на патентъ, на налогъ и такъ далѣе, и всѣ они, эти господа, желаютъ кататься въ коляскѣ.

Но маленькая домашняя машинка не составляетъ еще послѣдняго слова при освобожденіи домашняго труда. Хозяйство выходитъ изъ своего теперешняго уединенія; оно присоединяется къ другимъ хозяйствамъ, чтобы дѣлать сообща то, что въ настоящее время дѣлается отдѣльно.

Въ самомъ дѣлѣ, будущее не принадлежитъ машинѣ, чистящей ботинки, машинѣ, моющей тарелки, машинѣ, стирающей бѣлье, и такъ далѣе, имѣющимся въ каждомъ хозяйствѣ. Будущее принадлежитъ общему калориферу, который посылалъ бы теплоту въ каждую комнату цѣлаго квартала и освобождалъ бы отъ необходимости топить печи. Это уже дѣлается въ нѣкоторыхъ американскихъ городахъ. Одинъ большой очагъ посылаетъ горячую воду во всѣ дома, во всѣ комнаты. Вода движется по трубамъ, и, чтобъ регулировать температуру, достаточно только повернуть кранъ. А если вы непремѣнно хотите имѣть пылающій огонь въ какой нибудь комнатѣ, то можно зажечь газъ, посылаемый спеціально для отопленія изъ центральнаго резервуара. Весь этотъ трудъ чистки каминовъ и поддержки огня,—женщина знаетъ, сколько онъ поглощаетъ времени,— долженъ въ скоромъ времени исчезнуть вовсе.

Прошло время свѣчи, лампы и даже газа. Есть цѣлые города, гдѣ достаточно нажать кнопку, чтобы появился свѣтъ,

и, говоря вообще, это просто вопросъ экономіи, а также и знанія,—позволить себѣ роскошь электрической лампы. Наконецъ, поднятъ уже вопросъ,—все въ Америкѣ,—объ образованіи обществъ для уничтоженія почти всякого домашняго труда. Достаточно будетъ установить хозяйственную службу для каждаго квартала домовъ. Повозка будетъ пріѣзжать на-домъ за корзинами съ ботинками для чистки, съ посудою для мытья, съ бѣльемъ для стирки, съ мелочью для штопанья (если стоитъ того), за коврами для выколачиванія, а на другой день утромъ она привезетъ все это назадъ послѣ того, какъ нужная работа будетъ сдѣлана, и хорошо сдѣлана. Нѣсколько часовъ позже горячій кофе и яйца всмятку появятся на вашемъ столѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, между двѣнадцатью и двумя часами, найдется, конечно, болѣе 20 милліоновъ американцевъ и столько же англичанъ, которые всѣ ѣдятъ жаркое изъ говядины или баранины, вареную свинину, вареную картофель и разныя овощи, смотря по сезону. И тутъ, по меньшей мѣрѣ, восемь милліоновъ топокъ, горящихъ втеченіе двухъ-трехъ часовъ, чтобы зажарить это мясо и сварить эти овощи; восемь милліоновъ женщинъ, проводящихъ время за приготовленіемъ этого завтрака, все разнообразіе котораго состоитъ, быть можетъ, не болѣе, какъ изъ десяти блюдъ.

«Пятьдесятъ топокъ, писала недавно одна американка, тамъ, гдѣ достаточно одной!» Кушайте дома, въ семьѣ съ дѣтьми, если хотите, но, скажите пожалуйста, зачѣмъ эти пятьдесятъ женщинъ теряютъ утро, чтобы сварить нѣсколько чашекъ кофе и приготовить такой простой завтракъ! Зачѣмъ пятьдесятъ топокъ, когда довольно двухъ лицъ и одной топки, чтобы изжарить всѣ эти куски мяса и сварить всѣ эти овощи? Выбирайте сами себѣ жаркое, изъ говядины или баранины, если вамъ не все равно; приправляйте овощи по своему вкусу, тѣмъ или инымъ соусомъ; но, вѣдь, вамъ довольно одной кухни, достаточно просторной, и одной печи, устроенной такъ, какъ вамъ заблагоразсудится.

Отчего трудъ женщины всегда считался ни во что, отчего въ каждой семьѣ мать, часто три или четыре служанки обязаны отдавать все свое время дѣламъ кухни? Потому что даже тѣ, которые хотятъ освобожденія человѣческаго рода, не включили женщину въ свои эмансипаціонныя мечты и считаютъ недостойнымъ своего высокаго мужского достоинства

думать объ «этихъ кухонныхъ дѣлахъ», которыя они свалили на плечи многострадальной женщины.

Освободить, эмансипировать женщину — это не значитъ отворить ей двери университета, суда и парламента. Такимъ образомъ освобожденная женщина все же сваливаетъ на другую женщину домашнія работы. Освободить женщину—это значитъ освободить ее отъ притупляющаго труда на кухнѣ и въ прачешной, это значитъ такъ устроиться, чтобъ позволить ей кормить и воспитывать своихъ дѣтей, если она захочетъ, сохраняя въ то же время достаточно досуга для принятія участія въ общественной жизни.

Это осуществится, сказали мы, это начинаетъ уже осуществляться. Будемъ помнить, что революція, которая будетъ восхищаться прекрасными словами въ родѣ свободы, равенства и солидарности, оставивъ въ то же время рабство домашняго очага, не будетъ революціей. Половина человѣчества, претерпѣвая рабство кухоннаго очага, будетъ еще имѣть право возставать противъ другой половины.

Добровольное соглашеніе.

I.

Мы, пріученные, благодаря унаслѣдованнымъ предразсудкамъ и совершенно ложному воспитанію и такому же образованію, видѣть вездѣ только правительство, законодательство и администрацію,—приходимъ къ заключенію, что люди растерзаютъ другъ друга на части, какъ дикіе звѣри, если только перестанетъ за ними смотрѣть полицейскій, что будетъ хаосъ, если власть рухнетъ въ какомъ нибудь катаклизмѣ. И мы, того не замѣчая, проходимъ мимо многихъ тысячъ человѣческихъ соединеній, свободно образовавшихся, безъ какого бы то ни было участія закона, и достигающихъ осуществленія гораздо болѣе серьезныхъ результатовъ, чѣмъ тѣ, которые получаются подъ опекой правительства.

Возьмите какую нибудь ежедневную газету. Страницы ея всѣ посвящены правительственнымъ дѣйствіямъ и политическимъ интригамъ. Читая ее, какой нибудь китаецъ подумаетъ, что въ Европѣ ничего не дѣлается безъ приказанія какого нибудь повелителя. Найдите тамъ что либо объ учрежденіяхъ, возникающихся, растущихъ и развивающихся помимо министерскихъ предписаній! Ничего, или почти ничего! Если и есть отдѣлъ: хроника происшествій, то потому, что они имѣютъ связь съ полиціей. Семейная драма, возмущеніе будутъ упомянуты только въ томъ случаѣ, если городовые при этомъ присутствовали.

Триста пятьдесятъ милліоновъ европейцевъ любятъ другъ друга или ненавидятъ, работаютъ или живутъ на проценты, страдаютъ или наслаждаются; но ихъ жизнь, ихъ дѣйствія (кромѣ литературы, театра и спорта), все остается неизвѣстнымъ газетамъ, если только правительства не вмѣшались тѣмъ или инымъ образомъ. То же самое и въ исторіи. Мы знаемъ

малѣйшія подробности жизни какого нибудь короля или парламента; для насъ сохранили всѣ рѣчи, хорошія и дурныя, произнесенныя въ «говорильняхъ», «рѣчи, никогда не вліявшія на голосованіе хотя бы одного члена представительнаго собранія», какъ говаривалъ одинъ старый членъ парламента. Визиты королей, хорошее или дурное расположеніе духа извѣстнаго политика, его каламбуры и интриги, все это тщательно сохранено для потомства. Но намъ страшно трудно возстановить жизнь какого нибудь средневѣкового города, познакомиться съ механизмомъ той громадной мѣновой торговли, которая велась между ганзейскими городами, или же узнать, какъ городъ Руанъ построилъ свой соборъ. А если какой нибудь ученый и провелъ свою жизнь за изученіемъ этого обстоятельства, то его труды остаются неизвѣстными, а «парламентскія исторіи», т. е. исторіи ложныя, потому что онѣ говорятъ только объ одной сторонѣ жизни обществъ, печатаются въ большомъ количествѣ экземпляровъ, разглашаются, преподаются въ школахъ.

И мы даже не замѣчаемъ той удивительной работы, которую совершаютъ ежедневно добровольно соединяющіеся въ группы люди и которая составляетъ главное дѣло нашего вѣка.

Вотъ почему мы хотимъ выставить на видъ нѣкоторыя изъ самыхъ поразительныхъ проявленій этого рода и показать, что люди, — если только ихъ интересы не совершенно противоположны,—прекраснымъ образомъ входятъ въ соглашеніе для дѣйствія сообща по очень сложнымъ вопросамъ. Совершенно естественно, что въ теперешнемъ обществѣ, основанномъ на индивидуальной собственности, то есть на расхищеніи, и ограниченномъ, а потому глупомъ, индивидуализмѣ, факты такого рода неизбѣжно встрѣчаются рѣдко; соглашеніе не всегда бываетъ свободно и часто заключается съ скверной, если не съ гнусной, цѣлью.

Но для насъ не важно найти нѣсколько примѣровъ для слѣпого подражанія, которыхъ къ тому же современное общество и не можетъ намъ доставить. Намъ нужно показать, что, несмотря на душащій насъ авторитарный индивидуализмъ, всегда есть въ общей совокупности нашей жизни очень обширное поле, гдѣ дѣйствуютъ не иначе, какъ по добровольному соглашенію, и что гораздо легче обойтись безъ правительства, чѣмъ думаютъ.

Въ подтвержденіе этого тезиса мы уже ссылались на желѣзныя дороги; мы вновь къ нимъ возвращаемся.

Извѣстно, что въ Европѣ существуетъ желѣзнодорожная сѣть въ 280,000 километровъ, и что по этой сѣти можно въ настоящее время ѣздить, — съ сѣвера на югъ и съ запада на востокъ, изъ Мадрида въ Петербургъ и изъ Калэ въ Константинополь, — безъ остановокъ и даже не мѣняя вагона (когда путешествуешь въ курьерскомъ поѣздѣ). Болѣе того: тюкъ, брошенный на какой-нибудь станціи, отправляется къ адресату, куда угодно, въ Турцію или центральную Азію, безъ всякой иной формальности для отправителя, кромѣ написанія на клочкѣ бумаги мѣста назначенія.

Такой результатъ могъ быть достигнутъ двумя способами. Или какой нибудь Наполеонъ, Бисмаркъ, вообще какой нибудь властитель покоряетъ Европу и изъ Парижа, Берлина или Рима чертитъ на картѣ направленія желѣзныхъ дорогъ и устанавливаетъ расписаніе поѣздовъ. Николаю I вздумалось именно такъ поступить. Когда ему представили нѣсколько проектовъ желѣзной дороги между Москвой и Петербургомъ, онъ взялъ линейку и начертилъ на картѣ Россіи прямую линію между этими двумя столицами, сказавъ: «вотъ изысканіе». И дорога была построена по прямой линіи, при чемъ засыпали глубокіе овраги и строили высочайшіе мосты, которые черезъ нѣсколько лѣтъ пришлось бросить, при стоимости дороги отъ трехъ до четырехъ милліоновъ франковъ, въ среднемъ, за километръ.

Это одинъ изъ способовъ. Въ другихъ мѣстахъ поступали иначе. Желѣзныя дороги строились участками; участки соединялись между собою, а затѣмъ сотня различныхъ обществъ, которымъ эти участки принадлежатъ, договорились о согласованіи прибытія и отхода поѣздовъ и о движеніи по ихъ рельсамъ вагоновъ разныхъ дорогъ безъ перегрузки товаровъ при передачѣ ихъ съ одной дороги на другую.

Все это сдѣлалось по добровольному соглашенію, обмѣнявшись письмами и предложеніями, при помощи съѣздовъ, куда выборные пріѣзжали обсуждать какой нибудь спеціальный вопросъ, — не для того чтобы составлять законы, и послѣ съѣздовъ выборные возвращались къ своимъ обществамъ не съ закономъ, а съ проектомъ договора, который обществу предстояло утвердить или отвергнуть.

Были, конечно, и пререканія. Были, конечно, и упорные, не

поддававшіеся убѣжденіямъ. Но общій интересъ согласилъ наконецъ всѣхъ, и при этомъ не потребовалось призывать войска противъ упрямцевъ.

Эта огромная непрерывная сѣть желѣзныхъ дорогъ и это страшное, благодаря имъ, товарное движеніе составляютъ, конечно, самую поразительную черту нашего вѣка и существуютъ, благодаря добровольному соглашенію. Если бы пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ кто нибудь это предвидѣлъ и предсказалъ, то наши дѣды сочли бы его за сумасшедшаго или дурака. Они бы закричали: «никогда вы не достигнете соглашенія между ста акціонерными компаніями! Это утопія, это волшебная сказка—что вы намъ разсказываете. Центральное правительство съ директоромъ, обладающимъ кулачнымъ правомъ, можетъ одно только внушить почтеніе и страхъ».

И болѣе всего интересно въ этой организаціи, что нѣтъ никакого центральнаго европейскаго правительства желѣзныхъ дорогъ! Никакого! Никакихъ желѣзнодорожныхъ министровъ, никакого диктатора, никакого даже континентальнаго парламента, даже распорядительнаго комитета! Все дѣлается по договору.

И мы спрашиваемъ государственника, утверждающаго, что никогда нельзя будетъ обойтись безъ центральнаго правительства, хотя бы только для регулированія торговли, мы его спрашиваемъ.

«Но какъ же европейскія дороги могутъ безъ него обойтись? Какъ же онѣ достигли, что милліоны пассажировъ и горы товаровъ перевозятся черезъ весь континентъ? Если общества-собственники желѣзныхъ дорогъ могли согласиться, то отчего же рабочіе, которые завладѣютъ рельсовыми путями, не договорятся такимъ же образомъ? И ежели общества Петербурго-Варшавской дороги или же Парижско-Бельфорской могутъ дѣйствовать въ согласіи, не позволяя себѣ роскоши имѣть какъ на той, такъ и на другой по командиру, почему же среди нашихъ обществъ, образованныхъ каждое изъ группъ свободныхъ работниковъ, потребуется правительство?»

II.

Когда мы пробуемъ доказать примѣрами, что даже теперь, несмотря на господствующую въ современномъ обществѣ несправедливость,—люди умѣютъ,—только бы интересы ихъ не

были діаметрально противоположны,—входить въ соглашеніе безъ вмѣшательства власти, то намъ небезызвѣстны возраженія, которыя дѣлаются по этому поводу.

Наши примѣры имѣютъ свою слабую сторону, такъ какъ невозможно привести ни одной организаціи, свободной отъ эксплоатаціи слабаго сильнымъ, бѣднаго богатымъ. Вотъ почему государственники не задумаются со свойственной имъ логикой сказать намъ: «вы видите, что вмѣшательство государства необходимо, чтобъ прекратить эту эксплоатацію!»

Только они, забывъ уроки исторіи, не скажутъ намъ, до какой степени само государство содѣйствовало ухудшенію этого порядка вещей, создавъ пролетаріатъ и отдавъ его во власть эксплоататорамъ. И они забудутъ также сказать намъ, возможно ли, чтобы прекратилась эксплоатація, пока ея главныя причины,—индивидуальный капиталъ и нищета, искусственно созданная на двѣ трети государствомъ,—будутъ продолжать существовать.

Относительно полнаго согласія между желѣзнодорожными обществами можно предвидѣть, что намъ скажутъ: «да развѣ вы не видите, какъ желѣзнодорожныя общества притѣсняютъ и дурно обходятся со своими служащими и пассажирами?! Нужно же, чтобъ государство вмѣшалось ради защиты публики!»

Но развѣ мы не говорили и не повторяли много разъ, что, пока будутъ существовать капиталисты, эти злоупотребленія властью не прекратятся. Именно государство,—этотъ мнимый благодѣтель,—дало компаніямъ ту страшную власть, которую онѣ теперь имѣютъ. Не оно ли создало концессіи, гарантіи? Не посылало ли оно свои войска противъ забастовавшихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ? И въ началѣ не доводило ли оно привилегію дорогъ (это случается еще въ Россіи) до запрещенія печати касаться несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ, чтобъ не обезцѣнивались акціи, имъ гарантированныя? Не покровительствовало ли, въ самомъ дѣлѣ, монополіи, которая короновала «королями нашего времени» Вандербильтовъ, Поляковыхъ, директоровъ парижско-ліонско-средиземной линіи, и линіи санъ-готардской?

Слѣдовательно, если мы приводимъ въ примѣръ безмолвно установившіяся соглашенія между желѣзнодорожными обществами, то это не какъ идеалъ экономическаго хозяйства, ни даже какъ идеалъ технической организаціи. Мы ихъ приво-

димъ, чтобъ показать, что если капиталисты помимо всякой иной цѣли, кромѣ увеличенія своихъ доходовъ на счетъ публики, могутъ устроить эксплоатацію рельсовыхъ путей безъ учрежденія для этого какой нибудь международной канцеляріи, то общество рабочихъ будетъ въ состояніи дѣлать это такъ же хорошо, и даже лучше, не учреждая министерства европейскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Представляется другое возраженіе, по виду болѣе серьезное. Намъ могутъ сказать, что соглашаніе, о которомъ мы говоримъ, не совсѣмъ *свободно*, что большія компаніи заставляютъ маленькія компаніи повиноваться себѣ. Можно было бы, напримѣръ, указать нѣкую богатую компанію, заставляющую пассажировъ, ѣдущихъ изъ Берлина въ Базель, проѣзжать черезъ Кёльнъ и Франкфуртъ, вмѣсто того чтобъ ѣхать черезъ Лейпцигъ; другая заставляетъ товары дѣлать крюкъ отъ ста до двухсотъ верстъ (на большихъ разстояніяхъ), чтобы угодить вліятельнымъ акціонерамъ; третья, наконецъ, разоряетъ второстепенныя линіи. Въ Соединенныхъ Штатахъ пассажиры и товары нерѣдко бываютъ вынуждены слѣдовать по невѣроятнымъ направленіямъ, чтобы только доллары стекались въ карманъ какого нибудь Вандербильта.

На это мы отвѣтимъ то же самое. Пока существуетъ капиталъ, крупный капиталъ всегда сможетъ угнетать капиталъ мелкій. Но угнетеніе является результатомъ не одного только капитала. Благодаря въ особенности поддержкѣ государства, благодаря созданной государствомъ въ пользу капитала монополіи, большія компаніи угнетаютъ маленькія.

Марксъ очень хорошо показалъ, какъ англійское законодательство все сдѣлало, чтобы разорить мелкую промышленность, довести крестьянъ до нищеты и отдать во власть крупнымъ промышленникамъ полчища бѣдняковъ, вынужденныхъ работать за какое угодно жалованье. Совершенно то же самое можно сказать и о желѣзнодорожномъ законодательствѣ. Стратегическія линіи, линіи субсидированныя, линіи, получающія монополію имѣть международные курьерскіе поѣзда, все было пущено въ ходъ въ интересахъ финансовыхъ шишекъ. Когда Ротшильдъ, кредиторъ всѣхъ европейскихъ государствъ, помѣщаетъ свой капиталъ въ какую нибудь желѣзную дорогу, его вѣрные подданные, министры, устроятъ такъ, чтобъ онъ заработалъ побольше.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ этой демократіи, которую государственники выдаютъ намъ иногда за идеалъ, — самое скандальное мошенничество припутывается ко всѣму, что касается желѣзныхъ дорогъ. Если какая нибудь компанія побиваетъ своихъ конкурентовъ очень низкимъ тарифомъ, то это потому, что она вознаграждаетъ себя съ другой стороны на земляхъ, которыя государство уступаетъ ей за взятки. Документы, опубликованные недавно относительно американскаго хлѣба, намъ показали, какое участіе принимаетъ государство въ этой эксплоатаціи слабаго сильнымъ.

Въ этомъ случаѣ государство также увеличиваетъ въ десять, во сто разъ силу крупнаго капитала. И когда мы видимъ, что синдикаты желѣзнодорожныхъ компаній (еще результатъ добровольнаго соглашенія) иногда успѣваютъ защитить мелкія компаніи отъ крупныхъ, то намъ остается только удивляться внутренней силѣ свободнаго согласія, несмотря на всемогущество крупнаго капитала, поддерживаемаго государствомъ.

Дѣйствительно, мелкія компаніи существуютъ, несмотря на пристрастіе государства, и если во Франціи,—странѣ централизаціи,—мы видимъ только пять или шесть компаній, то въ Великобританіи ихъ насчитывается болѣе 110, которыя прекрасно сговариваются между собою и принадлежащія имъ дороги, оказывается, лучше приспособлены для быстрой перевозки товаровъ и пассажировъ, чѣмъ дороги французскія и нѣмецкія.

Впрочемъ, вопросъ не въ этомъ. Крупный капиталъ, покровительствуемый государствомъ, всегда можетъ, *если ему выгодно,* раздавить мелкій. Насъ занимаетъ вотъ что: соглашеніе между сотнями компаній, которымъ принадлежатъ европейскія желѣзныя дороги, *установилось непосредственно, безъ вмѣшательства центральнаго* правительства, издающаго законы для различныхъ обществъ; оно поддерживается при помощи съѣздовъ, составленныхъ изъ делегатовъ, обсуждающихъ между собою и представляющихъ своимъ довѣрителямъ *проекты,* а не *законы.* Это новый принципъ, отличающійся во всѣхъ отношеніяхъ отъ принципа правительственнаго, монархическаго или республиканскаго, самодержавнаго или представительнаго. Это нововведеніе, проявляющееся еще робко въ европейскихъ правахъ, но которое имѣетъ за себя будущее.

III.

Сколько разъ читали мы въ писаніяхъ соціалистовъ-государственниковъ такого рода восклицанія: «а кто же займется въ будущемъ обществѣ регулированіемъ товарнаго движенія на каналахъ? Если кому нибудь изъ вашихъ товарищей-анархистовъ взбрело въ башку поставить свою барку поперекъ канала и загородить путь тысячамъ судовъ, — кто же съ нимъ справится?»

Предположеніе, согласитесь, нѣсколько фантастичное. Но можно было бы сказать такъ: «а если, напримѣръ, какая нибудь община или группа захотѣла бы провести свои барки прежде другихъ и загородила бы каналъ барками, можетъ быть, съ камнемъ, тогда какъ хлѣбъ, назначенный въ какую нибудь другую общину, остался бы безъ движенія. — Кто же будетъ направлять движеніе судовъ, если не правительство?»

Но дѣйствительная жизнь показала еще разъ, что можно очень хорошо обойтись безъ правительства здѣсь, какъ и при другихъ обстоятельствахъ. Добровольное соглашеніе, свободная организація замѣняютъ эту вредную и дорогую машину, и замѣняютъ ее съ большими выгодами.

Извѣстно, что̀ такое каналы для Голландіи, это—ея дороги. Извѣстно также, какое товарное движеніе происходитъ на этихъ каналахъ. То, что у насъ перевозится по шоссе или по желѣзной дорогѣ, въ Голландіи перевозится по каналамъ. Тамъ можно было бы драться изъ-за прохода судовъ раньше другихъ. Тутъ должно бы было правительство вмѣшаться для установленія порядка въ товарномъ движеніи!

И чтожъ, не вмѣшивается. Болѣе практичные голландцы уже съ давнихъ поръ сумѣли устроиться иначе, создавъ нѣчто вродѣ гильдіи, нѣчто вродѣ синдиката судохозяевъ. Это свободныя ассоціаціи, возникшія изъ самыхъ потребностей навигаціи. Проходъ судовъ дѣлается согласно извѣстному порядку записи; всѣ слѣдуютъ по очереди. Никто не долженъ перегонять другихъ, подъ страхомъ быть исключеннымъ изъ синдиката. Никто не останавливается болѣе извѣстнаго числа дней въ портахъ отправленія, и если судохозяинъ не находитъ за это время товаровъ для перевозки, то тѣмъ хуже для него, онъ уѣзжаетъ порожнякомъ, а его мѣсто занимаютъ вновь

прибывающіе. Загроможденіе такимъ образомъ избѣгается, даже когда конкуренція предпринимателей,—это слѣдствіе индивидуальной собственности,—остается ненарушимою. Уничтожьте ее, и соглашеніе будетъ еще болѣе прочное, болѣе справедливое для всѣхъ.

Само собою разумѣется, что собственникъ каждаго судна можетъ пристать, или нѣтъ, къ синдикату. Это его дѣло, но большинство предпочитаетъ присоединяться. Синдикаты представляютъ кромѣ того, такія большія выгоды, что они распространены на Рейнѣ, Везерѣ, Одерѣ до Берлина. Судохозяева не дожидались, чтобы великій Бисмаркъ присоединилъ Голландію къ Германіи и чтобы онъ назначилъ Ober-Haupt-General-Staats-Canal-Navigations-Rath'а съ числомъ нашивокъ, соотвѣтствующихъ длинѣ его титула. Они предпочли вступить въ международное соглашеніе. Болѣе того: множество парусныхъ судовъ, плавающихъ между нѣмецкими портами и скандинавскими, а также и русскими, тоже присоединились къ этимъ синдикатамъ для упорядоченія торговли въ Балтійскомъ морѣ и чтобы установить нѣкоторую согласованность въ движеніяхъ судовъ. Свободно возникшія, набирающія своихъ добровольныхъ сторонниковъ, эти ассоціаціи не имѣютъ никакихъ отношеній съ правительствами.

Можетъ быть, во всякомъ случаѣ очень вѣроятно, что и здѣсь крупный капиталъ угнетаетъ мелкій. Можетъ быть также, что синдикатъ имѣетъ стремленіе превратиться въ монополію,— въ особенности при драгоцѣнномъ покровительствѣ государства, которое не замедлитъ вмѣшаться въ дѣло. Не забудемъ только, что эти синдикаты представляютъ ассоціацію, члены которой не имѣютъ иныхъ интересовъ, кромѣ личныхъ; но если каждый судохозяинъ будетъ вынужденъ, соціализаціей производства, потребленія и обмѣна, быть участникомъ въ то же время въ сотнѣ другихъ ассоціацій, необходимыхъ для удовлетворенія его потребностей, то дѣло измѣнится. Могущественная на водѣ, группа судохозяевъ будетъ чувствовать себя слабою на твердой землѣ и сбавитъ свои претензіи, чтобъ договориться съ желѣзными дорогами, мануфактурами и со всѣми другими группами.

Во всякомъ случаѣ, не говоря о будущемъ, вотъ еще добровольная ассоціація, которая смогла обойтись безъ правительства. Перейдемъ къ другимъ примѣрамъ.

Такъ какъ мы говоримъ о корабляхъ и пароходахъ, то упомянемъ о самой лучшей организаціи, какая только возникла въ наше столѣтіе, одной изъ тѣхъ, которыми мы по справедливости можемъ гордиться. Это англійская спасательная ассоціація (Lifeboat Association).

Извѣстно, что каждый годъ болѣе тысячи судовъ садятся на мель близъ береговъ Англіи. Въ морѣ хорошій корабль рѣдко боится бури. У береговъ его ждутъ опасности. Волнующееся море разбиваетъ старнъ-постъ, порывы вѣтра срываютъ мачты и паруса, теченія затрудняютъ управленіе, а подводные рифы и мели угрожаютъ крушеніемъ.

Даже прежде, когда жители береговъ зажигали огни для привлеченія кораблей на рифы и завладѣвали, согласно обычаю, ихъ грузомъ, они всегда дѣлали все возможное, чтобы спасти экипажъ. Видя корабль въ бѣдѣ, они спускали свои шлюпки и неслись на помощь къ погибающимъ, очень часто сами находя смерть въ волнахъ. Каждая хижина на берегу моря имѣетъ свои легенды героизма, проявленнаго какъ женщиной, такъ и мужчиной, во время спасанія погибающихъ экипажей.

Государство, ученые сдѣлали, конечно, кое что для уменьшенія числа несчастныхъ случаевъ. Маяки, сигналы, карты, метеорологическія предостереженія, несомнѣнно, значительно уменьшили ихъ число. Но всеже каждый годъ приходится еще спасать тысячу судовъ и много тысячъ человѣческихъ жизней.

А потому нѣсколько человѣкъ принялись добровольно за дѣло. Будучи сами хорошими моряками, они изобрѣли спасательную лодку, которая могла бы противостоять бурѣ, не опрокидывалась бы и не потопала, затѣмъ постарались заинтересовать публику въ своемъ предпріятіи, найти необходимую сумму денегъ, построить лодки и разставить ихъ по берегамъ вездѣ, гдѣ онѣ могли бы быть полезны.

Эти люди, не будучи якобинцами, не обратились къ правительству. Они поняли, что для того, чтобы хорошо вести предпріятіе, имъ нужно было содѣйствіе, увлеченіе этимъ дѣломъ моряковъ, ихъ знаніе мѣстности и въ особенности ихъ самоотверженіе. А чтобъ найти людей, которые, по первому сигналу, бросались бы ночью въ бушующее море, не боясь ни темноты, ни буруновъ, и боролись бы пять, шесть, десять часовъ противъ волнъ, прежде чѣмъ достигнуть погибающаго

корабля,—людей, готовыхъ пожертвовать своей жизнью, чтобы спасти жизнь другихъ,—для этого нужно чувство солидарности, духъ самопожертвованія, который не покупается нашивками.

То было, слѣдовательно, совершенно свободное движеніе, возникшее, благодаря добровольному соглашенію и индивидуальной иниціативѣ. Сотни мѣстныхъ союзовъ образовались на берегахъ. Иниціаторы были настолько благоразумны, что не стремились стать господами: они учились въ хижинахъ рыбаковъ, какъ вести дѣло. Если какой нибудь лордъ присылалъ 25.000 франковъ на постройку спасательной лодки въ прибрежной деревнѣ, предложеніе принималось, а мѣсто постройки выбиралось мѣстными рыбаками и моряками. И не въ адмиралтействѣ составлялись проекты этихъ новыхъ лодокъ. «Принимая во вниманіе, что важно, чтобы спасатели вполнѣ полагались на лодку, на которую они садятся,—читаемъ мы въ докладѣ ассоціаціи,—комитетъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность особенную заботу о томъ, чтобы дать лодкамъ такія форму и снаряженіе, какихъ могутъ пожелать сами спасатели». А потому, что ни годъ, то новое усовершенствованіе.

Все при помощи добровольцевъ, организующихся въ комитеты или мѣстныя группы! Все—путемъ взаимной помощи и соглашенія!—О, анархисты!—Потому-то они и не требуютъ ничего у плательщиковъ налоговъ, и прошлый годъ имъ далъ 1 милліонъ 76 тысячъ франковъ добровольныхъ взносовъ.

Что же касается до результатовъ, то вотъ они.

Ассоціація владѣла въ 1891 г. 293 спасательными лодками. Въ этомъ же году она спасла 601 погибавшаго и 33 судна; со времени своего основанія она спасла 32671 человѣкъ.

Когда въ 1886 г. три спасательныя лодки со всѣми людьми погибли въ волнахъ, то сотни новыхъ добровольцевъ явились записаться и организоваться въ мѣстные союзы, и эта агитація имѣла своимъ послѣдствіемъ постройку двадцати дополнительныхъ лодокъ.

Замѣтимъ мимоходомъ, что ассоціація посылаетъ ежегодно рыбакамъ и морякамъ прекрасные барометры за плату втрое меньшую противъ ихъ настоящей цѣны. Она распространяетъ метеорологическія знанія и доставляетъ заинтересованнымъ лицамъ свѣдѣнія о внезапныхъ измѣненіяхъ, предвидимыхъ учеными.

Повторяемъ, что сотни маленькихъ комитетовъ или мѣст-

ныхъ группъ организованы не іерархически и составляются исключительно изъ добровольцевъ-спасателей и лицъ, интересующихся этимъ дѣломъ. Центральный комитетъ, похожій скорѣе на центръ сношеній, никоимъ образомъ не вмѣшивается.

Правда, что, когда дѣло идетъ въ округѣ о голосованіи по вопросу относительно воспитанія или мѣстнаго налога, эти комитеты, какъ таковые, не принимаютъ участія въ преніяхъ, это—скромность, которой выбранные муниципальнаго совѣта, къ несчастью, не подражаютъ. Но, съ другой стороны, эти смѣльчаки не допускаютъ, чтобы люди, никогда не боровшіеся съ бурями, писали бы имъ законы, какъ спасать утопающихъ. При первомъ сигналѣ о крушеніи они сбѣгаются, сговариваются и идутъ впередъ. Никакихъ нашивокъ и много доброй воли.

Возьмемъ другое общество подобнаго же рода, общество Краснаго Креста. Не важно, какъ оно называется; посмотримъ, что оно такое.

Представьте себѣ, что двадцать пять лѣтъ тому назадъ кто нибудь пришелъ бы и сказалъ: «хотя государство и способно убить двадцать тысячъ человѣкъ въ день и пятьдесятъ тысячъ поранить, но оно не способно оказать помощь своимъ собственнымъ жертвамъ. А потому необходимо,—пока существуетъ война,—чтобы вмѣшалась частная иниціатива, и чтобы посторонніе люди сорганизовались для этого гуманнаго дѣла въ международный союзъ!»

Какіе потоки насмѣшекъ полились бы на того, кто осмѣлился бы это сказать! Его первымъ дѣломъ сочли бы за утописта и если бы соблаговолили затѣмъ открыть ротъ, то ему отвѣтили бы: «добровольцевъ не хватитъ именно тамъ, гдѣ они будутъ всего нужнѣе. Ваши свободныя больницы будутъ всѣ сосредоточены въ безопасномъ мѣстѣ, тогда какъ на перевязочныхъ пунктахъ не будетъ хватать необходимаго. Благодаря національному соперничеству, бѣдные солдаты будутъ умирать безъ помощи». Сколько болтуновъ, столько и пессимистическихъ разсужденій! Кто изъ насъ не слыхалъ такихъ разглагольствованій!

И чтожъ, теперь мы знаемъ, что произошло. Общества Краснаго Креста свободно устраивались вездѣ, въ каждой странѣ, въ тысячахъ мѣстностей, и когда разразилась война 1870—1871 годовъ, добровольцы принялись за дѣло. Мужчины и

женщины пришли предложить свои услуги. Больницы, перевязочные пункты были устроены тысячами, поѣзда отправлялись съ личнымъ составомъ больницъ, съ съѣстными припасами, съ бѣльемъ, съ лекарствами для раненыхъ. Англійскіе комитеты послали цѣлые поѣзда съѣстныхъ припасовъ, одежды, инструментовъ, сѣмянъ, рабочаго скота до паровыхъ плуговъ съ проводниками, чтобъ помочь вспахать разоренные войной департаменты! Справьтесь только съ *Краснымъ Крестомъ* Густава Моанье, и вы будете дѣйствительно поражены громадностью совершеннаго дѣла.

Что касается до пророковъ, всегда готовыхъ отказать другимъ людямъ въ храбрости, въ здравомъ смыслѣ, въ умѣ, и думающихъ, что они только одни способны повелѣвать міромъ, то ни одно изъ ихъ предсказаній не осуществилось.

Самоотверженіе добровольцевъ Краснаго Креста было выше всякой похвалы. Они только того и желали, чтобы ихъ послали въ самыя опасныя мѣста; тогда какъ врачи, состоявшіе на службѣ государству, убѣгали со своимъ главнымъ штабомъ при приближеніи пруссаковъ, добровольцы Краснаго Креста продолжали подъ пулями свое дѣло, перенося грубости бисмарковскихъ и наполеоновскихъ офицеровъ, выказывая однѣ и тѣ же заботы раненымъ всѣхъ національностей. Голландцы и итальянцы, шведы и бельгійцы, до японцевъ и китайцевъ сговаривались между собою прекрасно. Они распредѣляли свои больницы и перевязочные пункты согласно съ потребностями минуты и, соперничали гигіенической обстановкой своихъ больницъ. А сколько французовъ и до сихъ поръ говорятъ съ глубокой благодарностью о нѣжномъ уходѣ за ними какой нибудь голландки или нѣмки на перевязочныхъ пунктахъ Краснаго Креста!

Что за дѣло до всего этого государственнику! Его идеалъ, это—полковой командиръ, наемный слуга государства. А потому—къ чорту Красный Крестъ съ его гигіеническими больницами, если сидѣльцы тамъ не чиновники!

Такимъ образомъ, вчера возникшая организація считаетъ уже своихъ членовъ сегодня сотнями тысячъ,—организація, которая имѣетъ перевязочные пункты, больницы, поѣзда, которая вырабатываетъ новые способы леченія ранъ и которая существуетъ, благодаря добровольной иниціативѣ сердечныхъ людей.

Намъ, можетъ быть, скажутъ, что государство имѣетъ все

же значеніе въ этой организаціи. Да, государства наложили свои руки, чтобы завладѣть ею. Распорядительные комитеты находятся подъ предсѣдательствомъ, такъ называемыхъ лакеями, принцевъ крови. Императоры и королевы не отказываютъ въ своемъ покровительствѣ національнымъ комитетамъ. Но не этому покровительству организація обязана успѣхомъ. Она обязана имъ тысячѣ мѣстныхъ комитетовъ каждой націи, дѣятельности личностей, самоотверженію всѣхъ тѣхъ, которые стараются уменьшить страданія жертвъ войны. И это самоотверженіе было бы еще гораздо больше, если бы государства не вмѣшивались во все!

Во всякомъ случаѣ, не по приказаніямъ международнаго распорядительнаго комитета англичане и японцы, шведы и китайцы поспѣшили оказать помощь раненымъ 1871 года. Не по приказаніямъ какого нибудь международнаго министра возникали больницы на занятой нѣмцами территоріи, а перевязочные пункты устраивались полѣ битвъ. Это дѣлалось по иниціативѣ добровольцевъ каждой страны. Они не вцѣплялись другъ другу въ волосы, какъ предсказывали якобинцы, а всѣ принялись за дѣло безъ различія національностей.

Мы можемъ пожалѣть, что такъ много усилій затрачено изъза такого дѣла, и спросить себя, какъ дитя поэта: «Зачѣмъ же ихъ ранятъ, если потомъ ихъ лечатъ?» Стараясь уничтожить силу капитала и власть буржуазіи, мы работаемъ надъ прекращеніемъ боенъ, и намъ пріятнѣе было бы, если бы добровольцы Краснаго Креста проявляли свою дѣятельность вмѣстѣ съ нами, стараясь уничтожить войну.

Но мы должны были упомянуть объ этой громадной организаціи, какъ о лишнемъ доказательствѣ того, къ какимъ плодотворнымъ результатамъ приводитъ добровольное соглашеніе и свободная помощь.

Если бы мы захотѣли увеличить число примѣровъ, взятыхъ изъ области искусства уничтожать людей, то мы никогда бы не кончили.

Довольно будетъ сослаться на одни только безчисленныя общества, которымъ нѣмецкая армія обязана главнымъ образомъ своей силой, зависящей не отъ одной дисциплины, какъ обыкновенно думаютъ. Эти общества кишатъ въ Германіи и имѣютъ цѣлью распространеніе военныхъ знаній. На одномъ изъ послѣднихъ конгрессовъ нѣмецкаго военнаго союза (Krie-

gerbund) были делегаты отъ 2,452 обществъ, состоящихъ изъ 151,712 членовъ и составляющихъ между собою союзъ.

Общества стрѣльбы въ цѣль, общества военныхъ игръ, стратегическихъ игръ, топографическихъ изслѣдованій, вотъ тѣ мастерскія, гдѣ вырабатываются техническія знанія нѣмецкой арміи, а не въ полковыхъ школахъ. Это—страшная сѣть всякаго рода обществъ, заключающихъ въ себѣ и военныхъ, и статскихъ географовъ и гимнастовъ, охотниковъ и техниковъ,—обществъ, самопроизвольно появляющихся, организующихся,—соединяющихся въ союзы, обсуждающихъ разные вопросы и производящихъ развѣдки страны. Это тѣ добровольныя и свободныя ассоціаціи, которыя составляютъ истинную силу нѣмецкой арміи.

Ихъ цѣль гнусна. Это—сохраненіе имперіи. Но намъ въ данномъ случаѣ важно указать на то, что государство,—несмотря на свою «величайшую» миссію военной организаціи,—поняло, что развитіе этой организаціи будетъ тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ больше она будетъ предоставлена добровольному соглашенію группъ и свободной инниціативѣ личностей.

Даже въ дѣлѣ самой войны обращаются въ настоящее время къ добровольному соглашенію; чтобы подкрѣпить наше утвержденіе, да будетъ намъ позволено упомянуть о трехъ стахъ тысячахъ англійскихъ волонтеровъ, англійской національной артиллерійской ассоціаціи и обществѣ, въ настоящее время организующемся для защиты береговъ Англіи, которое, если осуществится, будетъ несомнѣнно гораздо дѣятельнѣе морского министерства съ его взрывающимися броненосцами и съ его штыками, гнущимися, какъ свинцовые.

Вездѣ государство отрекается, предоставляетъ свои священнѣйшія функціи частнымъ лицамъ. Вездѣ свободная организація производитъ захваты изъ его владѣній. Но всѣ факты, на которые мы только что указали, едва позволяютъ предвидѣть, какое значеніе получитъ добровольное соглашеніе въ будущемъ, когда не будетъ болѣе государства.

Возраженія.

I.

Разсмотримъ теперь главныя возраженія противъ коммунизма. Большая часть ихъ происходитъ, очевидно, отъ простого недоразумѣнія, но нѣкоторыя касаются важныхъ вопросовъ и заслуживаютъ всего нашего вниманія.

Намъ вовсе нѣтъ надобности опровергать возраженія, дѣлаемыя авторитарному коммунизму; мы съ ними согласны. Цивилизованныя націи слишкомъ много страдали въ борьбѣ, приведшей къ освобожденію личности, чтобы отрицать свое прошлое и терпѣть правительство, которое станетъ вмѣшиваться до мельчайшихъ подробностей въ жизнь гражданина, если даже это правительство не будетъ имѣть никакой иной цѣли, кромѣ блага общества. Если когда нибудь устроится авторитарно-коммунистическое общество, то оно недолго просуществуетъ и вскорѣ вынуждено будетъ вслѣдствіе всеобщаго недовольства или распасться, или же перестроиться на принципахъ свободы.

Мы займемся анархисто-коммунистическимъ обществомъ, обществомъ, признающимъ за индивидуумомъ полную, ничѣмъ не ограниченную свободу, обществомъ, не допускающимъ никакого правительства, не употребляющимъ никакого принужденія, чтобы заставить человѣка работать. Ограничиваясь въ настоящихъ очеркахъ экономической стороной вопроса, посмотримъ, можетъ ли это общество, состоящее изъ людей такихъ, каковы они въ настоящее время,—ни лучшихъ, ни худшихъ, ни болѣе, ни менѣе трудолюбивыхъ,—питать надежду на благополучное развитіе.

Возраженіе извѣстно: «Если существованіе каждаго обезпе-

чено, и если необходимость зарабатывать деньги не заставляетъ человѣка работать, никто и не станетъ работать. Всякій будетъ сваливать на другихъ работу, которую онъ самъ дѣлать не обязанъ». Укажемъ сначала на то невѣроятное легкомысліе, съ какимъ выставляютъ это возраженіе, не подозрѣвая, что вопросъ сводится, въ дѣйствительности, съ одной стороны, къ тому, получаются ли дѣйствительно отъ наемнаго труда тѣ результаты, которые будто бы получаются, а съ другой—не болѣе ли производителенъ, даже теперь, добровольный трудъ, чѣмъ трудъ, вызываемый надеждою получить заработную плату. Это—вопросъ, требующій глубокаго изученія. Но тогда какъ въ точныхъ наукахъ о предметахъ гораздо менѣе важныхъ и сложныхъ высказываются только послѣ серьезныхъ изслѣдованій, тщательно собираютъ факты и разсматриваютъ ихъ соотношенія,—въ этомъ случаѣ довольствуются однимъ какимъ нибудь фактомъ, неуспѣхомъ, напримѣръ, ассоціаціи коммунистовъ въ Америкѣ, чтобы рѣшить вопросъ окончательно. Тутъ поступаютъ, какъ тотъ адвокатъ, который не видитъ въ адвокатѣ противной стороны представителя интересовъ или мнѣнія, противныхъ его мнѣнію, а простого спорщика на ораторскомъ турнирѣ, и которому, разъ онъ достаточно удачно находитъ возраженіе, ничего больше и ненужно, чтобы считать себя правымъ. Вотъ почему изученіе этого главнаго основанія всякой политической экономіи, изученіе наиболѣе благопріятныхъ условій, при которыхъ общество получило бы наибольшее количество полезныхъ продуктовъ съ наименьшей затратой человѣческихъ силъ, остается безъ движенія. Ограничиваются тѣмъ, что повторяютъ общія мѣста или же молчатъ.

Это легкомысліе особенно поразительно потому, что даже въ капиталистической политической экономіи находятся уже нѣсколько писателей, приведенныхъ силою вещей къ сомнѣнію относительно этой аксіомы основателей ихъ науки,—аксіомы, по которой страхъ голода—лучшій стимулъ человѣка для производительнаго труда. Они начинаютъ замѣчать, что въ производство входитъ нѣкій коллективный элементъ, на который слишкомъ мало до нашихъ дней обращали вниманія и который, очень можетъ быть, болѣе важенъ, чѣмъ надежда на личный заработокъ. Низшее качество наемнаго труда, страшная потеря человѣческой силы въ сельскохозяйственныхъ и фабрично-заводскихъ работахъ, все возрастающее количество виве-

ровъ, стремящихся свалить съ себя тяжесть на плечи другихъ, отсутствіе всякой увлекательности въ производствѣ,—что становится все болѣе и болѣе замѣтнымъ, — все это начинаетъ занимать людей, даже экономистовъ «классической» школы. Нѣкоторые изъ нихъ спрашиваютъ, не шли ли они по ложному пути, разсуждая о воображаемомъ существѣ, идеализированномъ въ дурную сторону, о которомъ предполагали, что оно руководствуется исключительно приманкой наживы или заработка. Эта ересь проникаетъ даже въ университеты: ее пропускаютъ даже въ книгахъ экономическаго правовѣрія. И это не мѣшаетъ огромному числу соціалистическихъ реформаторовъ оставаться сторонниками индивидуальнаго вознагражденія и защищать старую крѣпость наемнаго труда даже тогда, когда прежніе защитники уступаютъ ее камень за камнемъ осаждающему.

Итакъ, опасаются, что безъ принужденія народная масса не захочетъ работать.

Но развѣ не слышали уже мы, на нашемъ вѣку, какъ тѣ же опасенія два раза высказывались, разъ рабовладѣльцами Соединенныхъ Штатовъ передъ освобожденіемъ негровъ, а другой разъ русскими помѣщиками передъ освобожденіемъ крѣпостныхъ? «Безъ кнута негръ не станетъ работать», говорили рабовладѣльцы.—«Безъ помѣщичьяго надзора мужикъ не будетъ пахать», говорили русскіе помѣщики. Этотъ припѣвъ французскихъ помѣщиковъ 1789 года, припѣвъ среднихъ вѣковъ, припѣвъ старый, какъ міръ, мы его слышимъ каждый разъ, какъ идетъ дѣло объ исправленіи какой нибудь несправедливости среди человѣчества.

И каждый разъ дѣйствительность опровергала его формально. Освобожденный въ 1792 году крестьянинъ пахалъ съ ярой энергіей, неизвѣстной его предкамъ; освобожденный негръ работаетъ болѣе, чѣмъ его отцы, а русскій крестьянинъ, почтивъ медовый мѣсяцъ своего освобожденія празднованьемъ страстной пятницы, на равнѣ съ воскресеньемъ, принялся за работу съ тѣмъ большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ освобожденіе его было полнѣе. Тамъ, гдѣ у него земли достаточно, онъ работаетъ съ остервенѣніемъ, и это вѣрно сказано.

Рабовладѣльческій припѣвъ можетъ имѣть значеніе для собственниковъ рабовъ. Что же касается до самихъ рабовъ, то они знаютъ, чего онъ стоитъ; они знаютъ его мотивы.

Кромѣ того, кто же, какъ не экономисты, насъ учили, что

если работающіе изъ-за платы исполняютъ, какъ попало, свою работу, то интенсивный и производительный трудъ получится отъ человѣка, который увидитъ, что его благосостояніе возрастаетъ пропорціонально его трудамъ? Всѣ гимны, пѣтые въ честь собственности, сводятся именно къ этой аксіомѣ.

Замѣчательная вещь, когда экономисты, желая прославить благодѣянія собственности, показываютъ намъ, какъ цѣлина, болото или каменистый грунтъ покрываются, вслѣдствіе упорнаго труда крестьянина-собственника, роскошнымъ хлѣбомъ, то они вовсе этимъ не доказываютъ своего тезиса въ пользу собственности. Допуская, что единственную гарантію, что у человѣка не будутъ отобраны плоды его трудовъ, составляетъ владѣніе орудіями труда,—и это правда,—они только доказываютъ, что человѣкъ лишь тогда производитъ какъ слѣдуетъ, когда онъ работаетъ на вольной волѣ, когда у него есть нѣкоторый выборъ въ занятіяхъ, и нѣтъ надзирателя, который бы его стѣснялъ, и наконецъ, когда онъ видитъ, что трудъ приноситъ пользу—ему, а равно и другимъ, дѣйствующимъ, какъ онъ, а не какому нибудь бездѣльнику. Вотъ все, что можно вывести изъ ихъ аргументаціи; это же утверждаемъ и мы.

О формѣ владѣнія орудіями труда они говорятъ лишь косвенно, приводя свои доказательства въ пользу обезпеченія за хлѣбопашцемъ такого положенія, чтобы никто не могъ отнять у него доходъ отъ продуктовъ и улучшеній. И, чтобъ подкрѣпить свой тезисъ въ пользу *собственности* противъ всякой другой формы *владѣнія*, не должны ли были бы экономисты доказать, что земля при общинномъ владѣніи никогда не даетъ такихъ хорошихъ урожаевъ, какъ при владѣніи личномъ? А этого нѣтъ. Существуетъ противное.

Возьмите, въ самомъ дѣлѣ, какъ примѣръ, общину Ваадтскаго кантона въ то время, когда всѣ мужчины деревни уходятъ рубить деревья въ лѣсъ, принадлежащій имъ всѣмъ. И что-жъ, именно во время такихъ рабочихъ праздниковъ проявляется наиболѣе пыла къ работѣ и наибольшее напряженіе силъ. Никакой наемный трудъ, никакое усиліе собственника не выдержатъ сравненія.

Или еще, возьмите русскую деревню, жители которой уходятъ косить лугъ, принадлежащій общинѣ или арендованный ею: тутъ вы поймете, что *можетъ* произвести человѣкъ, когда онъ работаетъ сообща для общаго дѣла. Товарищи соперничаютъ

между собою, кто сдѣлаетъ косой большій размахъ, женщины спѣшатъ за ними, чтобы не дать косцамъ далеко уйти впередъ. Это еще примѣръ рабочаго праздника, во время котораго сто человѣкъ дѣлаютъ въ нѣсколько часовъ то, что порознь, они не исполнили бы и въ нѣсколько дней. Какой печальный контрастъ представляетъ рядомъ съ этимъ трудъ изолированнаго собственника!

Можно, наконецъ, привести тысячи примѣровъ изъ жизни американскихъ піонеровъ, швейцарскихъ, нѣмецкихъ, русскихъ и отчасти французскихъ деревень, работы, производимыя въ Россіи артелями каменщиковъ, плотниковъ, перевозчиковъ, рыбаковъ и пр., берущихся за какое нибудь дѣло, чтобъ подѣлить непосредственно между собою добытые продукту или же вознагражденіе, безъ посредничества рядчиковъ. Можно еще упомянуть общинныя охоты кочевыхъ племенъ и, наконецъ, множество хорошо организованныхъ коллективныхъ предпріятій. И вездѣ выступаетъ ясно неоспоримое превосходство общиннаго труда, по сравненію съ трудомъ рабочаго, работающаго за плату, или просто собственника.

Благосостояніе, то есть удовлетвореніе физическихъ, художественныхъ и моральныхъ потребностей и обезпеченіе этого удовлетворенія, было всегда самымъ сильнымъ стимуломъ къ труду. Въ то время, какъ наемнику едва удается произвести только необходимое, свободный труженикъ, понимающій, что довольство и роскошь возрастаютъ какъ для него, такъ и для другихъ, пропорціонально его усиліямъ, развиваетъ гораздо больше энергіи и ума и получаетъ значительно большее количество продуктовъ лучшаго сорта. Первый чувствуетъ себя прикованнымъ къ нищетѣ, а второй можетъ надѣяться въ будущемъ на досугъ и наслажденія.

Въ этомъ весь секретъ. Вотъ почему въ такомъ обществѣ, которое добивается благосостоянія всѣхъ и возможности для всѣхъ наслаждаться жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ, трудъ добровольный будетъ гораздо высшаго качества и болѣе производителенъ, чѣмъ трудъ, находившійся подъ давленіемъ рабства, крѣпостного состоянія и находящійся до нашихъ дней подъ давленіемъ наемничества.

II.

Кто только можетъ въ настоящее время свалить на другихъ необходимый для существованія трудъ, тотъ не замедлитъ это сдѣлать, и думаютъ, что и всегда будетъ такъ.

А необходимый для существованія трудъ есть трудъ главнымъ образомъ ручной. Будь мы художники, ученые, никто изъ насъ не можетъ обойтись безъ продуктовъ, добытыхъ ручнымъ трудомъ,—безъ хлѣба, одежды, дорогъ, пароходовъ, освѣщенія, отопленія и пр. Болѣе того: какъ бы ни были высоко-художественны или тонко-отвлеченны наши наслажденія, нѣтъ ни одного, которое не основывалось бы на ручномъ трудѣ. И отъ такого-то именно труда,—основанія жизни,—каждый стремится освободиться.

Мы это очень хорошо понимаемъ. Въ настоящее время такъ и должно быть, и вотъ почему.

Заниматься въ настоящее время ручнымъ трудомъ, это значитъ—быть запертымъ на десять или двѣнадцать часовъ ежедневно въ нездоровую мастерскую и оставаться десять, тридцать лѣтъ, всю жизнь прикованнымъ къ одному и тому же дѣлу.

Это значитъ—приговорить себя къ ничтожному жалованью, быть обреченнымъ на необезпеченность завтрашняго дня, на безработицу, очень часто на нищету, еще чаще на смерть въ больницѣ, проработавъ сорокъ лѣтъ надъ прокормленіемъ, одѣваніемъ, увеселеніемъ и образованіемъ не себя и своихъ дѣтей, а другихъ.

Это значитъ—носить всю свою жизнь въ глазахъ другихъ печать приниженности и самому сознавать эту приниженность, такъ какъ, что бы ни говорили хорошіе господа,—человѣкъ, занимающійся ручнымъ трудомъ, всегда считается существомъ низшимъ, чѣмъ человѣкъ, занимающійся умственнымъ трудомъ, и тотъ, кто проработалъ десять часовъ въ мастерской, не имѣетъ времени, и тѣмъ болѣе средствъ, для высокихъ научныхъ и художественныхъ наслажденій, а въ особенности для приготовленія себя къ оцѣнкѣ ихъ; онъ долженъ довольствоваться крохами со стола привилегированныхъ.

Мы поэтому понимаемъ, что при такихъ условіяхъ ручной трудъ считается проклятіемъ судьбы.

Мы понимаемъ, что всѣ объ одномъ только и мечтаютъ, а

именно о томъ, чтобъ выйти или вывести своихъ дѣтей изъ этого низкаго состоянія,—о томъ, чтобы создать себѣ «независимое» положеніе,—то-есть что?—возможность жить трудомъ другихъ!

Пока есть классъ, «работающій руками», и другой классъ, «работающій головой», бѣлыя руки и черныя руки,—всегда будетъ такъ.

Какой, въ самомъ дѣлѣ, интересъ можетъ имѣть этотъ одуряющій трудъ для рабочаго, который впередъ знаетъ свою судьбу, который отъ колыбели до могилы не выходитъ изъ состоянія необезпеченности, живетъ въ нищетѣ, при неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ? А потому, когда видишь, какъ огромное большинство людей принимается каждое утро за скучную работу, то удивляешься ихъ настойчивости, ихъ привязанности къ труду, привычкѣ, которая позволяетъ имъ, какъ машинѣ, слѣпо повинующейся данному толчку, вести эту нищенскую жизнь, безъ надежды на будущее, не предвидя даже въ туманѣ, что настанетъ день, когда они, или по крайней мѣрѣ ихъ дѣти, присоединятся, наконецъ, къ человѣчеству, располагающему всѣми сокровищами ничѣмъ не стѣсняемой природы, всѣми наслажденіями, доставляемыми знаніемъ, научнымъ, и художественнымъ творчествомъ, доступнымъ въ настоящее время лишь не многимъ привилегированнымъ.

Для прекращенія именно этого раздѣленія труда умственнаго и труда ручного, мы хотимъ уничтоженія наемнаго труда, мы хотимъ соціальной революціи. Тогда трудъ не будетъ представляться проклятіемъ судьбы; онъ станетъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть,—свободнымъ пользованіемъ *всѣми* человѣческими способностями.

Пора, впрочемъ, подвергнуть болѣе серьезному разсмотрѣнію эту легенду, что подъ кнутомъ заработной платы получается трудъ лучшаго качества. Достаточно посѣтить не образцовую мануфактуру или фабрику, существующія какъ исключенія, то тамъ, то сямъ, а обыкновенную фабрику, какія онѣ почти всѣ, чтобы понять, какое громадное расхищеніе человѣческихъ силъ совершается при современной организаціи промышленности. На каждую фабрику, устроенную болѣе или менѣе раціонально, найдется сто или больше такихъ, которыя расточаютъ человѣческій трудъ, эту драгоцѣнную силу, безъ всякаго иного повода, какъ доставленіе хозяину, можетъ быть, на два су барыша больше въ день. Здѣсь вы видите двадцати и двад-

пятипятилѣтнихъ парней цѣлый день на скамьѣ, съ вогнутой грудью, лихорадочно трясущихъ головой и тѣломъ, чтобы связать со скоростью фокусника два конца шаловливыхъ остатковъ бумажной нитки, выбрасываемыхъ кружевными станками. Какое поколѣніе оставятъ на землѣ эти трясущіяся, рахитическія тѣла? Но... «они такъ мало занимаютъ мѣста на фабрикѣ, а мнѣ они приносятъ каждый пятьдесятъ сантимовъ въ день», скажетъ хозяинъ!

Вонъ вы видите — громадная лондонская фабрика, тамъ дѣвушки становятся въ семнадцать лѣтъ лысыми отъ того, что таскаютъ на головѣ изъ одной залы въ другую подносы со спичками, тогда какъ самая простая машина могла бы подвозить спички къ ихъ столамъ. Но... онъ стоитъ такъ дешево, трудъ женщинъ, не имѣющихъ никакой спеціальности! Зачѣмъ машина! Когда этимъ будетъ не вмоготу, то, вѣдь, ихъ такъ легко замѣнить... ихъ столько на улицѣ!

На подъѣздѣ богатаго дома, въ холодную ночь, встрѣчаешь заснувшаго босого мальчика съ пачкой газетъ въ рукахъ. Онъ стòитъ такъ дешево, дѣтскій трудъ, что его можно каждый вечеръ употреблять для продажи на одинъ франкъ газетъ, съ которыхъ бѣдняжка получитъ отъ двухъ до трехъ су. Видите, наконецъ, коренастаго мужчину, гуляющаго безъ дѣла; онъ уже цѣлые мѣсяцà безъ работы, тогда какъ его дочь чахнетъ въ перегрѣтыхъ парахъ аппретурной мастерской, а сынъ его наполняетъ руками коробки ваксой или часами ожидаетъ на углу улицы, чтобы какой нибудь прохожій далъ ему заработать два су.

И такъ вездѣ, отъ Санъ-Франциска до Москвы и отъ Неаполя до Стокгольма. Расхищеніе человѣческихъ силъ есть преобладающая, отличительная черта промышленности, — не говоря уже о торговлѣ, гдѣ оно достигаетъ еще болѣе колоссальныхъ размѣровъ.

Какая жалкая насмѣшка въ этомъ названіи политической *экономіи,* которое даютъ наукѣ о растратѣ силъ, при строѣ, основанномъ на наемномъ трудѣ!

Это еще не все. Если вы заведете разговоръ съ директоромъ хорошо устроенной фабрики, то онъ вамъ наивно объяснитъ, что въ настоящее время очень трудно найти способнаго, сильнаго, энергичнаго рабочаго, который бы отдавался работѣ съ увлеченіемъ! «Если такой появится, скажетъ онъ вамъ, между

двадцатью или тридцатью приходящими каждый понедѣльникъ просить работы, то онъ можетъ быть увѣренъ, что будетъ принятъ, даже въ томъ случаѣ, когда мы стараемся уменьшить количество рукъ. Такого узнаешь съ перваго взгляда, и его всегда принимаютъ, а на другой день разсчитываютъ одного по старѣе или болѣе лѣниваго рабочаго». А тотъ, кто уволенъ, и всѣ тѣ, кто будутъ уволены, въ будущемъ увеличатъ ту громадную резервную армію капитала, армію безработныхъ рабочихъ, которую призываютъ къ станкамъ или верстакамъ только въ спѣшныя времена или чтобы побѣдить сопротивленіе стачечниковъ. Или же этотъ бракъ лучшихъ фабрикъ, этотъ средній рабочій, присоединится къ арміи, столь же громадной, рабочихъ среднихъ лѣтъ или посредственныхъ, которые безпрерывно двигаются между второстепенными фабриками, — между тѣми, которыя едва покрываютъ свои расходы и сводятъ концы съ концами посредствомъ особыхъ хитрыхъ пріемовъ производства и ловушекъ, разставленныхъ покупателю, а въ особенности потребителю дальнихъ странъ.

А если вы заведете разговоръ съ самимъ рабочимъ, то вы узнаете, что въ мастерскихъ существуетъ правило, чтобы рабочій не дѣлалъ никогда всего того, на что онъ способенъ. Горе тому, кто на англійской фабрикѣ не послѣдуетъ совѣту, который онъ получаетъ при поступленіи отъ своихъ товарищей!

Вѣдь, рабочіе знаютъ, что если, въ моментъ великодушія, они уступятъ настоянію хозяина и согласятся интенсивнѣе работать, чтобы окончить спѣшные заказы, то этотъ напряженный трудъ будетъ впредь требоваться за нормальное жалованье. А потому на девяти фабрикахъ изъ десяти они предпочитаютъ никогда не производить столько, сколько могутъ. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности ограничиваютъ производство для того, чтобы удержать высокія цѣны, а иногда между рабочими передается лозунгъ Co canny, что̀ значитъ: за плохую плату—плохой трудъ!

Наемный трудъ—это трудъ подневольный; онъ не можетъ, онъ не долженъ давать всего того, что трудъ могъ бы дать. И давно уже пора покончить съ этой легендой, которая считаетъ заработную плату лучшимъ стимуломъ производительнаго труда. Если промышленность приноситъ въ настоящее время во сто разъ больше, чѣмъ во времена нашихъ дѣдовъ, то этимъ мы обязаны внезапному пробужденію физическихъ и химическихъ

наукъ въ концѣ XVIII столѣтія; это случилось не благодаря капиталистической организаціи наемнаго труда, а *вопреки* ей.

III.

Серьезно изучавшіе вопросъ не станутъ отрицать ни одного изъ преимуществъ коммунизма, при условіи, конечно, что онъ совершенно свободный, то есть анархистическій. Они признаютъ, что трудъ, оплачиваемый деньгами, даже замаскированными подъ именемъ «чековъ», въ рабочихъ ассоціаціяхъ, управляемыхъ государствомъ, сохранитъ отпечатокъ наемнаго труда и его неудобства. Они свидѣтельствуютъ, что вся система неизбѣжно отъ этого пострадаетъ даже въ томъ случаѣ, когда общество вступитъ во владѣніе орудіями производства. И они допускаютъ, что, благодаря полному образованію, даваемому всѣмъ дѣтямъ, благодаря привычкѣ къ трудолюбію цивилизованныхъ обществъ, при свободѣ выбирать и разнообразить свои занятія и привлекательности труда совершаемаго равноправными на благо всѣхъ, коммунистическое общество не будетъ страдать отъ недостатка въ производителяхъ, которые вскорѣ утроятъ, удесятерятъ плодородіе земли и дадутъ новый толчекъ промышленности.

Съ этимъ соглашаются наши противники, «но опасность», говорятъ они, «придетъ отъ меньшинства лѣнивыхъ, не желающихъ работать, несмотря на прекрасныя условія, которыя сдѣлаютъ трудъ пріятнымъ, или отъ тѣхъ, кто не станетъ считаться съ необходимостью правильной и послѣдовательной работы. Въ настоящее время перспектива голода принуждаетъ самыхъ строптивыхъ итти вмѣстѣ съ другими. Кто не приходитъ въ назначенный часъ, тотъ увольняется. Но достаточно одной паршивой овцы, чтобъ заразить стадо, и трехъ или четырехъ нерадивыхъ или упрямыхъ рабочихъ, чтобъ совратить всѣхъ другихъ и внести въ мастерскую духъ безпорядка и возмущенія, который дѣлаетъ работу невозможною, такъ что въ концѣ концовъ нужно будетъ возвратиться къ системѣ принужденія, заставить зачинщиковъ подчиниться общему распорядку. Итакъ, единственная система, при которой можно осуществлять это принужденіе, не оскорбляя чувства собственнаго достоинства рабочаго, не будетъ развѣ вознагражденіе соотвѣтственно исполненному труду? Вѣдь, всякій другой способъ вызвалъ бы

постоянное вмѣшательство власти, которая свободному человѣку скоро бы надоѣла».

Вотъ, думаемъ мы, возраженіе во всей его силѣ.

Оно принадлежитъ, какъ видите, къ той категоріи разсужденій, которыми стремятся оправдать государство, уголовное уложеніе, судью и тюремщика.

«Такъ какъ есть люди,—слабое меньшинство,—которые не подчиняются общественнымъ обычаямъ», говорятъ государственники, «то необходимо сохранить государство, какъ бы дорого оно ни стоило, власть, судъ и тюрьму, хотя эти самыя учрежденія становятся источникомъ новыхъ бѣдъ всякаго рода».

А потому намъ достаточно на это возразить то, что мы не разъ повторяли по поводу власти вообще: «чтобы избѣжать возможнаго зла, вы прибѣгаете къ тому средству, которое само есть большее зло и которое становится источникомъ тѣхъ самыхъ злоупотребленій, противъ которыхъ вы хотите обществу помочь. И въ самомъ дѣлѣ, не забудьте, что, вѣдь, наемный трудъ, — невозможность жить иначе, какъ продавая свою рабочую силу,—создалъ теперешнюю капиталистическую систему, недостатки которой вы начинаете признавать».

Мы можемъ, кромѣ того, замѣтить, что это разсужденіе есть запоздалая рѣчь адвоката въ защиту существующаго. Теперешній наемный трудъ былъ установленъ не для того, чтобы отвратить неудобства коммунизма. Его происхожденіе, какъ и государства и собственности, совсѣмъ иное. Онъ возникъ изъ рабства и крѣпостного состоянія, установленныхъ силою, и онъ является только приспособленнымъ къ настоящему времени видоизмѣненіемъ этихъ состояній. Поэтому, такого рода доказательство не имѣетъ большаго значенія, чѣмъ тѣ, которыми стараются оправдать собственность и государство.

Мы, однако, изслѣдуемъ это возраженіе и посмотримъ, что въ немъ есть вѣрнаго.

Не очевидно ли, во-первыхъ, что если бы общество, основанное на принципѣ свободнаго труда, было дѣйствительно угрожаемо бездѣльниками, развѣ оно не могло бы охранить себя отъ нихъ, не заводя авторитарной организаціи и не прибѣгая къ наемному труду?

Я предполагаю группу изъ нѣсколькихъ добровольцевъ, соединяющихся въ какомъ нибудь предпріятіи; всѣ соперничаютъ въ усердіи, кромѣ одного изъ участниковъ, который часто не вы-

ляется на свое мѣсто; слѣдуетъ ли по этому случаю распустить группу, назначить председателя, который будетъ штрафовать или же раздавать, какъ въ Академіи, жетоны, удостовѣряющіе присутствіе? Очевидно, что не сдѣлаютъ ни того, ни другого, но скажутъ товарищу, угрожающему подвергнуть опасности предпріятіе: «мой другъ, намъ бы очень хотѣлось работать съ тобою, но такъ какъ тебя часто не бываетъ на мѣстѣ, или ты небрежно дѣлаешь свое дѣло, то мы должны разстаться. Иди искать другихъ товарищей, которые приспособятся къ твоему нерадѣнію!»

Это средство такъ естественно, что оно практикуется въ настоящее время вездѣ, во всѣхъ отрасляхъ промышленности, совмѣстно со всевозможными способами штрафовъ, сбавокъ жалованья, надзора и пр.; рабочій можетъ приходить на фабрику во-время, но если онъ худо дѣлаетъ свою работу, если онъ стѣсняетъ своихъ товарищей своей нерадивостью или другими недостатками, если онъ съ ними ссорится,—конецъ дѣлу. Онъ вынужденъ уйти изъ мастерской.

Обыкновенно утверждаютъ, что всевѣдущій патронъ и его наблюдатели поддерживаютъ правильность и доброкачественность труда на фабрикѣ. Въ дѣйствительности же, въ предпріятіи, сколько нибудь сложномъ, продукты котораго переходятъ черезъ нѣсколько рукъ, прежде чѣмъ получать окончательную отдѣлку, сама фабрика, совокупность рабочихъ, наблюдаетъ за хорошимъ исполненіемъ труда. Вотъ почему на лучшихъ англійскихъ частныхъ фабрикахъ такъ мало подмастерьевъ, гораздо меньше, въ среднемъ, чѣмъ на французскихъ, и не сравненно меньше, чѣмъ на казенныхъ англійскихъ фабрикахъ.

Тутъ все такъ же обстоитъ, какъ и въ дѣлѣ поддержанія извѣстнаго нравственнаго уровня въ обществѣ. Утверждаютъ, что имъ мы обязаны полевому стражнику, судьѣ, городовому, когда въ дѣйствительности онъ поддерживается *вопреки* судьѣ, городовому и стражнику. «Много законовъ—много преступленій!»—сказано это гораздо раньше насъ.

Не только въ промышленныхъ мастерскихъ дѣло происходитъ такъ, это практикуется вездѣ, каждый день и въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ одни только буквоѣды могутъ еще сомнѣваться.

Когда желѣзнодорожное общество, вошедшее въ союзъ съ другими обществами, не исполняетъ своихъ обязательствъ,

когда оно опаздываетъ со своими поѣздами и не радѣетъ о лежащихъ у него на станціяхъ товарахъ, то другія общества угрожаютъ уничтоженіемъ договоровъ, и обыкновенно этого бываетъ достаточно.

Вообще думаютъ или, по крайней мѣрѣ, преподаютъ въ школахъ, что въ торговомъ дѣлѣ сила обязательствъ поддерживается только страхомъ попасть подъ судъ. Ничуть. Девять разъ изъ десяти, торговецъ, не сдержавшій своего слова, не предстанетъ передъ судьей. Тамъ, гдѣ торговля очень оживленная, какъ въ Лондонѣ, одно только доведеніе должника до тяжбы достаточно для огромнаго большинства купцовъ, чтобы они стали съ тѣхъ поръ отказываться отъ дѣловыхъ сношеній съ тѣмъ, кто заставилъ ихъ обращаться къ адвокату.

Но почему же то, что даже въ настоящее время дѣлается между товарищами въ мастерской, коммерсантами и желѣзнодорожными обществами, не можетъ дѣлаться въ обществѣ, основанномъ на добровольномъ трудѣ?

Предположимъ, напримѣръ, общество, заключившее съ каждымъ изъ своихъ членовъ слѣдующій договоръ: «Мы готовы обезпечить за вами пользованіе нашими домами, магазинами, улицами, путями сообщенія, школами, музеями и пр., съ условіемъ, что съ двадцати до сорока пяти или пятидесятилѣтняго возраста вы будете посвящать четыре или пять часовъ въ день одной изъ работъ, признанныхъ необходимыми для жизни. Выбирайте сами, если хотите, тѣ группы, въ составъ которыхъ вы желаете войти, или учреждайте новую, только чтобъ она занялась производствомъ необходимаго. Что же касается до остального вашего времени, то соединяйтесь, съ кѣмъ хотите, все равно для какого бы то ни было, художественнаго или научнаго, развлеченія, по своему вкусу.

«Тысячу двѣсти или тысячу пятьсотъ часовъ труда въ годъ въ одной изъ группъ, производящихъ пищу, одежду и жилище, или же работы въ дѣлѣ общественной гигіены, при перевозкахъ и пр.,—это все, что мы отъ васъ требуемъ за то, чтобы вамъ обезпечить все, что эти группы производятъ или произвели. Но если ни одна изъ многихъ тысячъ группъ нашей федераціи не хочетъ васъ принять,—какова бы ни была причина,—если вы совершенно не способны производить что либо полезное или если вы отказываетесь это дѣлать, то живите, какъ отшельникъ или какъ живутъ больные. Если мы достаточно

богаты, чтобъ не отказывать вамъ въ необходимомъ, то мы будемъ очень рады это сдѣлать. Вы—человѣкъ и вы имѣете право жить. Но такъ какъ вы хотите устроиться особо и выйти изъ ряда, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что это отзовется на вашихъ ежедневныхъ отношеніяхъ съ другими гражданами. На васъ будутъ смотрѣть, какъ на привидѣніе, пришедшее изъ буржуазнаго общества, если только друзья ваши, признавъ въ васъ геній, не позаботятся освободить васъ отъ всякаго нравственнаго обязательства передъ обществомъ, исполняя за васъ необходимую для жизни работу.

«И наконецъ, если это вамъ не нравится, идите поищите другихъ условій. Или же найдите себѣ сторонниковъ и устройте съ ними другія группы на новыхъ началахъ. А мы предпочитаемъ свои».

Вотъ что могло бы случиться въ коммунистическомъ обществѣ, если бы бездѣльники стали довольно многочисленны, и необходимо было бы ихъ остерегаться.

IV.

Но мы сильно сомнѣваемся, чтобы было основаніе опасаться такой случайности въ обществѣ, дѣйствительно основанномъ на полной свободѣ личности.

И въ самомъ дѣлѣ, несмотря на премію, получаемую тунеядствомъ, благодаря индивидуальному владѣнію капиталомъ, человѣкъ дѣйствительно-лѣнивый, если только это не больной, встрѣчается относительно рѣдко.

Очень часто среди рабочихъ слышишь, что буржуа—тунеядцы. Есть, въ самомъ дѣлѣ, такихъ достаточно, но они все-таки составляютъ исключеніе. Во всякомъ промышленномъ предпріятіи, напротивъ, можно навѣрно найти одного или нѣсколькихъ буржуа, которые много работаютъ. Правда, что многіе буржуа, пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ, берутъ себѣ наименѣе тяжелыя работы, и что они работаютъ въ гигіеническихъ условіяхъ относительно пищи, воздуха и пр., которыя позволяютъ имъ выполнять свою работу безъ большой усталости. Но такихъ именно условій мы и требуемъ для всѣхъ безъ исключенія рабочихъ. Надо также сказать, что, благодаря своему привилегированному положенію, богатые часто дѣлаютъ совершенно безполезную и даже вредную для общества работу.

Короли, министры, директора департаментовъ, директора фабрикъ, коммерсанты, банкиры и пр. заставляютъ себя дѣлать впродолженіи нѣсколькихъ часовъ въ день работу, которую они находятъ болѣе или менѣе скучною,—хотя всѣ они предпочитаютъ часы своего досуга этой обязательной работѣ. И если въ девяти случаяхъ изъ десяти эта работа пагубна, они не находятъ ее оттого менѣе утомительною. Но буржуа потому и побѣдили земельное дворянство, потому и продолжаютъ господствовать надъ народной массой, что они проявляютъ огромную энергію, когда имъ предстоитъ дѣлать зло (умышленно или нѣтъ) и защищать свое привилегированное положеніе. Если бы они были тунеядцы, то ихъ давно бы не было, они исчезли бы, какъ придворные.

Въ обществѣ, которое потребовало бы отъ нихъ только четырехъ или пяти часовъ въ день полезнаго, пріятнаго и гигіеническаго труда, они прекрасно справлялись бы со своимъ дѣломъ; но они не выдержали бы, конечно, не усовершенствовавъ тѣхъ ужасныхъ условій, въ какихъ они содержатъ въ настоящее время рабочихъ. Если бы какой нибудь Пастёръ провелъ только пять часовъ въ парижскихъ стокахъ, то, повѣрьте, онъ скоро нашелъ бы средство сдѣлать ихъ такими же безвредными для здоровья, какъ его бактеріологическая лабораторія.

Что же касается до лѣни огромнаго большинства рабочихъ, то только одни экономисты и филантропы могутъ объ этомъ толковать.

Поговорите объ этомъ съ какимъ нибудь интеллигентнымъ промышленникомъ; онъ вамъ скажетъ, что если бы рабочіе вздумали лѣниться, то осталось бы только закрыть всѣ фабрики, потому что никакая мѣра строгости, никакая система шпіонства ничего не помогли бы. Надо было видѣть прошлую зиму тотъ ужасъ, который вызвали среди англійскихъ промышленниковъ нѣсколько агитаторовъ, проповѣдывавшихъ теорію с о с о n n у, «за плохую плату плохая работа, не торопитесь, не надрывайтесь, работайте, какъ попало».—«Рабочаго деморализуютъ, хотятъ убить промышленность!» кричатъ именно тѣ, которые прежде кричали противъ безнравственности рабочихъ и дурного качества ихъ произведеній. Но если рабочій такой, какимъ его представляютъ экономисты—лѣнтяй, которому нужно постоянно угрожать увольненіемъ, то что же значитъ слово «деморализація»?

Такимъ образомъ, когда говорятъ о возможности бездѣль-

ничанья, то нужно имѣть въ виду меньшинство, ничтожное меньшинство общества. И прежде чѣмъ законодательствовать противъ этого меньшинства, не слѣдуетъ ли узнать причины, порождающія его существованіе?

Всякій интеллигентный наблюдатель отлично знаетъ, что въ школѣ очень часто считаютъ лѣнивымъ такого ребенка, который плохо понимаетъ то, что ему плохо объясняютъ. Очень часто также причиной бываетъ мозговое малокровіе, происходящее отъ бѣдности и антигигіеническаго воспитанія.

Вотъ мальчикъ, лѣниво занимающійся латинскимъ и греческимъ языками, онъ сталъ бы работать какъ негръ, если бы его ознакомляли съ науками, въ особенности въ перемежку съ ручнымъ трудомъ. Вотъ дѣвочка, считающаяся ничего не понимающей въ математикѣ, она становится первой математичкой своего класса, когда случайно попадаетъ къ такому учителю, который сумѣлъ понять и объяснить ей то, чего она не понимала въ основаніяхъ ариѳметики. А вотъ робочій, нерадивый на фабрикѣ, онъ копается въ своемъ саду, начиная съ утренней зари, наблюдая восходъ солнца, и до поздняго вечера, когда вся природа отходитъ на покой.

Кто-то сказалъ, что пыль есть такое вещество, которое находится не на своемъ мѣстѣ. То же опредѣленіе можно примѣнить къ девяти десятымъ, такъ называемыхъ, лѣнивыхъ. Это люди, ошибочно пошедшіе по пути, не соотвѣтствующему ни ихъ темпераменту, ни ихъ способностямъ. Читая біографіи великихъ людей, поражаешься числомъ лѣнивыхъ между ними. Лѣнтяи, пока не нашли своего истиннаго пути, и чрезмѣрно трудолюбивые послѣ. Дарвинъ, Стефенсонъ и многіе другіе были такими лѣнтяями.

Очень часто лѣнтяй есть не что иное, какъ человѣкъ, которому противно всю жизнь дѣлать одну восемнадцатую часть булавки или сотую часть часовъ, тогда какъ онъ чувствуетъ массу энергіи и хотѣлъ бы расходовать ее иначе. Часто также бываетъ, что это человѣкъ, недовольный существующимъ порядкомъ, не могущій примириться съ мыслью, что онъ всю жизнь будетъ прикованъ къ какому нибудь верстаку, работая для доставленія всевозможныхъ удовольствій своему хозяину, тогда какъ онъ считаетъ себя нисколько не глупѣе его, и что онъ только въ томъ виноватъ, что родился въ

избушкѣ, вмѣсто того, чтобы явиться на свѣтъ въ какомъ нибудь дворцѣ.

Наконецъ, много «лѣнтяевъ» не знаютъ ремесла, которымъ они вынуждены добывать себѣ хлѣбъ. Видя, какія неудовлетворительныя издѣлія выходятъ изъ ихъ рукъ, тщетно стараясь сдѣлать лучше и понимая, что они никогда не усовершенствуются по причинѣ усвоенныхъ ими дурныхъ въ работѣ привычекъ, они начинаютъ ненавидѣть свое ремесло, а не зная никакого другого, и трудъ вообще. Множество неудавшихся рабочихъ и художниковъ находятся именно въ такомъ положеніи.

Напротивъ того, кто съ юныхъ лѣтъ выучился *хорошо* играть на фортепіано, *хорошо* владѣть рубанкомъ, рѣзцомъ, кистью или напилкомъ и чувствуетъ, что то, что онъ дѣлаетъ, *прекрасно*, тотъ никогда не оставитъ ни фортепіано, ни рѣзца, ни напилка. Онъ будетъ находить удовольствіе въ своемъ трудѣ и не устанетъ отъ работы, пока не переутомится дѣйствительно.

Подъ однимъ словомъ *лѣнь* понимается такимъ образомъ цѣлый рядъ явленій, происходящихъ отъ различныхъ причинъ, каждое изъ которыхъ могло бы породить благодѣтельныя послѣдствія вмѣсто того, чтобъ быть зломъ для общества. Здѣсь, какъ и по отношенію къ преступности, какъ и по отношенію всѣхъ вопросовъ, касающихся до человѣческихъ способностей, собирали въ одну кучу факты, не имѣющіе между собою ничего общаго. Говорятъ, лѣнь или преступленіе, даже не потрудившись надъ изслѣдованіемъ причинъ. Спѣшатъ ихъ покарать, не подумавъ, не заключаетъ ли въ себѣ самая кара награды за *лѣнь* или *преступленіе* [1]).

Вотъ почему свободное общество, видя, что количество тунеядцевъ возрастаетъ въ его средѣ, позаботится несомнѣнно изслѣдовать причины ихъ лѣности, чтобы попытаться ихъ уничтожить, прежде чѣмъ прибѣгать къ наказаніямъ. Когда дѣло идетъ, какъ въ вышеупомянутомъ случаѣ, о малокровіи, то «прежде чѣмъ пичкать наукой голову ребенка, дайте ему сначала крови, укрѣпите его, чтобы онъ не терялъ даромъ времени, свезите его въ деревню или на берегъ моря. Тамъ обучите его на открытомъ воздухѣ, а не по книгамъ, геометріи,

---

[1]) См. нашу брошюру «Les Prisons». Paris. 1889.

измѣряя вмѣстѣ съ нимъ разстоянія до ближайшихъ скалъ; онъ изучитъ естественныя науки, срывая цвѣты, и въ морѣ, ловя рыбу; изучитъ физику, сооружая лодку, на которой онъ поѣдетъ ловить рыбу.—Но, пожалуйста, не наполняйте его головы фразами и мертвыми языками. Не дѣлайте изъ него лѣнтяя!»

Вотъ ребенокъ, не привыкшій къ порядку и правильности. Предоставьте дѣтямъ учиться одинъ у другого порядку и правильности. Впослѣдствіи лабораторія и фабрика, трудъ на ограниченномъ пространствѣ при помощи многихъ инструментовъ сдѣлаютъ ихъ людьми аккуратными. Сами не дѣлайте изъ нихъ безпорядочныхъ субъектовъ при помощи вашей школы, въ которой порядокъ только въ симметріи скамеекъ, но которая представляя истинное воплощеніе хаоса въ преподаваніи, никогда не внушитъ никому любви къ гармоніи, послѣдовательности и методичности въ трудѣ.

Развѣ вы не видите, что при вашихъ методахъ преподаванія, выработанныхъ министерствомъ для восьми милліоновъ учениковъ, представляющихъ восемь милліоновъ различныхъ способностей, вы только навязываете систему, годную для посредственностей? Ваша школа становится университетомъ лѣности, подобно тому, какъ ваша тюрьма—университетъ преступленія. Сдѣлайте же школу вольною, уничтожьте ваши университетскія степени, призовите добровольцевъ-преподавателей,—начинайте съ этого, вмѣсто того, чтобы издавать законы противъ лѣности, которые только ее создаютъ.

Дайте рабочему, который не можетъ заставить себя фабриковать крошечную часть какого нибудь предмета, который задыхается возлѣ опротивѣвшей ему машинки для нарѣзки винтовъ,—дайте ему возможность обрабатывать землю, рубить деревья въ лѣсу, плавать въ бурю по морю, мчаться на паровозѣ; но не дѣлайте изъ него лѣнтяя, заставляя его проводить всю жизнь за машинкой, клеймящей головку винта, или прокалывать дырочку въ иголкѣ!

Упраздните только причины, дѣлающія лѣнтяевъ, и повѣрьте, что не останется никого, кто бы дѣйствительно ненавидѣлъ трудъ, и въ особенности трудъ добровольный, и что тогда не понадобится цѣлаго арсенала законовъ, для лѣнтяевъ издаваемыхъ.

---

*

Коллективистическій наемный трудъ.

I.

Въ своихъ проектахъ перестройки общества, коллективисты дѣлаютъ, по нашему мнѣнію, двойную ошибку. Они хотятъ уничтожить капиталистическій строй, и вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняютъ два учрежденія, которыя составляютъ основаніе этого строя: представительное правленіе и наемный трудъ.

Что касается до такъ называемаго представительнаго правленія, то мы о немъ не разъ уже говорили. Намъ остается совершенно непонятнымъ, какъ умные люди,—а въ коллективистической партіи недостатка въ нихъ нѣтъ,—могутъ оставаться сторонниками національныхъ и муниципальныхъ парламентовъ, послѣ всѣхъ уроковъ, данныхъ намъ исторіей по этому предмету во Франціи, Англіи, Швейцаріи и Соединенныхъ Штатахъ.

Въ то время какъ мы видимъ повсюду, какъ рушится парламентскій строй и какъ со всѣхъ сторонъ возникаетъ критика *самихъ принциповъ* системы,—не только однихъ ея примѣненій,—какъ же возможно, что соціалисты-революціонеры защищаютъ эту систему, приговоренную къ смерти?

Выработанная буржуазіей, съ цѣлью взять верхъ надъ королевской властью, освятить и въ то же время увеличить свое господство надъ рабочими, парламентская система представляетъ форму, по преимуществу, буржуазнаго строя. Корифеи этой системы никогда серьезно не говорили, что парламентъ или муниципальный совѣтъ представляютъ націю или городъ: наиболѣе умные между ними знаютъ, что это невозможно. При помощи парламентскаго строя буржуазія просто на просто

воздвигаетъ плотину противъ королевской власти, не давая свободы народу. Но по мѣрѣ того, какъ народъ начинаетъ лучше сознавать свои интересы, а интересы становятся разнообразнѣе, система не можетъ болѣе дѣйствовать. А потому демократы всѣхъ странъ тщетно придумываютъ разные палліативы. Испытываютъ referendum и находятъ, что онъ ничего не стоитъ; говорятъ о пропорціональномъ представительствѣ, о представительствѣ меньшинства,—все парламентскія утопіи.—Однимъ словомъ, стараются найти невозможное, но принуждены сознаться, что идутъ по ложному пути, и довѣріе къ представительному правленію исчезаетъ.

То же слѣдуетъ сказать и о наемномъ трудѣ. Провозгласивъ уничтоженіе частной собственности и владѣніе сообща орудіями труда, какъ можно требовать, въ той или иной формѣ, сохраненія наемнаго труда? А это именно дѣлаютъ коллективисты, превознося трудовые *чеки*.

Можно понять, что англійскіе соціалисты начала XIX вѣка придумали трудовые чеки. Они просто старались привести въ согласіе капиталъ и трудъ. Имъ противна была всякая идея о насильственномъ завладѣніи собственностью капиталистовъ.

Если позже Прудонъ снова заговорилъ объ этой выдумкѣ, то и это понятно. Въ своей мутуалистической системѣ онъ старался обезвредить капиталъ, несмотря на сохраненіе индивидуальной собственности, которую онъ отъ всей души ненавидѣлъ, но которую считалъ необходимою, какъ охрану личности отъ государства. Что экономисты болѣе или менѣе буржуазные также предлагали трудовые чеки, то въ этомъ тоже нѣтъ ничего удивительнаго. Имъ все равно, будетъ ли рабочій оплачиваться трудовыми чеками или монетами съ изображеніями республики или имперіи. Имъ важно спасти въ предстоящемъ крахѣ индивидуальную собственность на жилыя дома, земли, фабрики,—во всякомъ случаѣ на жилыя дома и капиталы, необходимые для фабричнаго производства. И для того чтобы сохранить эту собственность, трудовые чеки вполнѣ подходящее средство.

Только бы трудовой чекъ могъ быть обмѣненъ на золотыя вещи съ драгоцѣнными камнями и на кареты, домохозяинъ охотно приметъ его въ уплату за квартиру. И пока жилой домъ, поле и фабрика будутъ принадлежать отдѣльнымъ собственникамъ, нужно будетъ имъ платить какимъ бы то ни было способомъ за работу на ихъ поляхъ или на ихъ фабрикахъ

и за житье въ ихъ домахъ. Равнымъ образомъ нужно будетъ оплачивать рабочаго золотомъ, бумажными деньгами и чеками, обмѣниваемыми на всевозможнаго рода товары.

Но какъ возможно защищать эту новую форму расплаты за трудъ,—трудовой чекъ,—если допустить, что домъ, поле и фабрика уже не частная собственность, что они принадлежатъ общинѣ или націи?

II.

Разсмотримъ поближе эту систему вознагражденія труда, восхваляемую французскими, нѣмецкими, англійскими и итальянскими коллективистами[1]).

Она сводится приблизительно къ слѣдующему. Всѣ работаютъ на поляхъ, на фабрикахъ, въ школахъ, въ больницахъ и проч. Рабочій день регулируется государствомъ, которому принадлежатъ земля, фабрики, пути сообщенія и проч. Каждый рабочій день обмѣнивается на *трудовой чекъ*, на которомъ, положимъ, напечатано: *восемь часовъ труда*. При помощи этихъ чековъ рабочій можетъ пріобрѣтать въ магазинахъ государства или разныхъ корпорацій всевозможные товары. *Чекъ* можетъ быть дѣлимъ на части, такъ что можно купить на одинъ часъ труда мяса, на десять минутъ спичекъ или же на полъ-часа табаку. Вмѣсто того, чтобы сказать «на четыре су мыла», послѣ коллективистической революціи скажутъ: «на пять минутъ мыла».

Большая часть коллективистовъ, вѣрные установленному буржуазными экономистами (и Марксомъ) различенію между *квалифицированнымъ* трудомъ и трудомъ *простымъ*, кромѣ того, говорятъ намъ, что *квалифицированный* или профессіональный трудъ долженъ быть оплачиваемъ въ нѣсколько разъ дороже, чѣмъ трудъ *простой*. Такимъ образомъ, часъ труда врача долженъ будетъ считаться равнымъ двумъ или тремъ часамъ труда сидѣлки или же тремъ часамъ труда землекопа. «Профессіональный или квалифицированный трудъ будетъ

---

[1]) Испанскіе анархисты, которые позволяютъ еще называть себя коллективистами, понимаютъ подъ этимъ словомъ владѣніе сообща орудіями труда и “свободу“ для каждой группы распредѣлять по своему усмотрѣнію продукты труда.—то есть согласно съ коммунистическими принципами или как нибудь иначе.

равенъ многократному простому труду», говоритъ намъ коллективистъ Грёнлундъ, потому что этотъ родъ труда требуетъ болѣе или менѣе продолжительнаго ученія.

Другіе коллективисты, напримѣръ, французскіе марксисты, не дѣлаютъ этого различія. Они провозглашаютъ «равенство заработныхъ платъ». Врачъ, учитель, профессоръ будутъ оплачиваться (трудовыми чеками) въ томъ же размѣрѣ, какъ и землекопъ. Восемь часовъ, проведенныхъ за обходомъ больницы, будутъ стоить столько же, сколько восемь часовъ, проведенныхъ на земляныхъ работахъ, или же въ рудникѣ, или на фабрикѣ.

Нѣкоторые дѣлаютъ еще одну уступку: они допускаютъ, что непріятный или нездоровый трудъ,—какъ, напримѣръ, на городскихъ стокахъ,—можетъ быть оплачиваемъ въ высшемъ размѣрѣ, чѣмъ пріятный трудъ. Часъ службы на стокахъ будетъ считаться, говорятъ они, за два часа труда профессора.

Прибавимъ, что нѣкоторые коллективисты допускаютъ оптовое вознагражденіе, по корпораціямъ. Скажетъ, положимъ, корпорація: «вотъ сто тоннъ стали. При ея производствѣ насъ было сто человѣкъ, и мы потратили десять дней. Такъ какъ нашъ рабочій день былъ восьмичасовой, то за сто тоннъ стали слѣдуетъ получить восемь тысячъ часовъ стали, то есть восемьдесятъ часовъ за тонну. Государство заплатитъ имъ такимъ образомъ восемь тысячъ трудовыхъ чековъ, въ одинъ часъ каждый, и эти восемь тысячъ чековъ распредѣляются между соучастника завода, какъ имъ заблагоразсудится.

Съ другой стороны, если сто углекоповъ употребили двадцать дней, чтобъ извлечь восемь тысячъ тоннъ каменнаго угля, то уголь будетъ стоить два часа за тонну, и шестнадцать тысячъ чековъ по одному часу каждый, полученные корпораціей углекоповъ, будутъ распредѣлены между ними согласно ихъ расцѣнкѣ.

Если бы углекопы стали протестовать и говорить, что тонна стали должна стоить только шестьдесятъ часовъ труда, а не восемьдесятъ, если бы профессоръ захотѣлъ, чтобъ его день оплачивался вдвое, чѣмъ день сидѣлки, тогда вмѣшивается государство и улаживаетъ споръ.

Такова, въ нѣсколькихъ словахъ, организація, какую коллективисты хотятъ устроить послѣ соціальной революціи. Ихъ

принципы, какъ видно, таковы: коллективная собственность орудій труда и вознагражденіе каждаго согласно употребленному имъ на дѣло времени и принимая во вниманіе производительность его труда. Что же касается до политическаго строя, то это будетъ парламентаризмъ, преобразуемый благодаря точно-опредѣленнымъ полномочіямъ (mandat impératif) и референдуму, то есть плебисциту, выражаемому чрезъ *да* и *нѣтъ*.

Скажемъ съ самаго начала, что эта система намъ кажется совершенно неосуществимою. Коллективисты начинаютъ съ провозглашенія революціоннаго принципа,—уничтоженія частной собственности,—и тотчасъ по провозглашеніи сами же отрицаютъ этотъ принципъ, сохраняя организацію производства и потребленія, происшедшую изъ частной собственности.

Они провозглашаютъ революціонный принципъ и не хотятъ знать тѣхъ послѣдствій, которыя изъ этого принципа должны неизбѣжнымъ образомъ получиться. Они забываютъ, что самый фактъ упраздненія индивидуальной собственности орудій труда (земли, фабрикъ, путей сообщенія и пр.) толкнетъ общество на совершенно новые пути, что оно должно потрясти до основанія производство, какъ по отношенію къ предметамъ, такъ и по отношенію къ способамъ производства, что всѣ ежедневныя отношенія между людьми должны измѣниться, какъ только земля, машина и прочее будутъ считаться общей собственностью.

«Долой частную собственность», говорятъ они и тотчасъ же спѣшатъ сохранить частную собственность въ ея ежедневныхъ проявленіяхъ. «Въ дѣлѣ производства вы будете общиной; поля, инструменты, машины, мануфактуры, желѣзныя дороги, порты, рудники и пр., все это—ваше. Не будетъ дѣлаться никакого различія относительно доли каждаго въ этой коллективной собственности».

Но на другой уже день, вы заведете мелочной споръ объ участіи, которое вы собираетесь принять въ созданіи новыхъ машинъ, въ разработкѣ новыхъ рудниковъ. Вы будете стараться точно взвѣсить долю, какая выпадетъ каждому въ новомъ производствѣ. Вы будете считать минуты вашего труда и наблюдать, чтобы минута вашего сосѣда не могла купить больше продуктовъ, чѣмъ ваша.

«А такъ какъ часъ ничего не измѣряетъ, потому что въ такой-то мануфактурѣ одинъ рабочій можетъ наблюдать за

шестью ткацкими станками сразу, тогда какъ въ другой онъ слѣдитъ только за двумя, то вы будете оцѣнивать мускульную силу, умственную энергію и энергію нервную, которую вы истратили. Вы точно вычислите годы ученья, чтобы опредѣлить долю каждаго въ будущемъ производствѣ. И все это, послѣ того какъ вы объявили, что вы не принимаете вовсе въ соображеніе того участія, которое каждый изъ васъ принялъ въ предшествовавшемъ періодѣ производства».

Ну, а для насъ очевидно, что общество не можетъ устроиться на двухъ абсолютно противоположныхъ принципахъ,—на двухъ принципахъ, постоянно одинъ другому противорѣчащихъ. И нація или община, которыя заведутъ подобную организацію, будутъ вынуждены или возвратиться къ частной собственности, или же немедленно преобразоваться въ коммунистическое общество.

III.

Мы сказали, что нѣкоторые коллективистическіе писатели требуютъ, чтобы было установлено различіе между *квалифицированнымъ* или профессіональнымъ трудомъ и трудомъ *простымъ*. Они утверждаютъ, что часъ труда инженера, архитектора или врача долженъ считаться за два или за три часа труда кузнеца, каменщика или сидѣлки. И такое же различіе должно быть сдѣлано, говорятъ они, между всякаго рода ремесломъ, требующимъ болѣе или менѣе продолжительнаго ученья, и простой поденщиной.

Но установить подобное различіе,—это значитъ удержать всѣ неравенства, существующія въ настоящемъ обществѣ. Это значитъ—впередъ провести демаркаціонную линію между рабочими и тѣми, которые претендуютъ на управленіе ими. Это значитъ—раздѣлить общество на два различныхъ класса: на аристократію знанія и на чернь съ мозолистыми руками подъ нею;—на одинъ классъ, находящійся въ услуженіи у другого;—на одинъ классъ, работающій руками, чтобы питать и одѣвать представителей другого класса, именно тѣхъ, которые пользуются своимъ досугомъ, чтобъ выучиться господствовать надъ своими кормильцами.

Сдѣлать это значитъ болѣе, чѣмъ взять одну изъ отличитель-

ныхъ чертъ настоящаго общества и придать ей санкцію соціальной революціи, это значитъ возвести въ принципъ злоупотребленіе, которое осуждаютъ въ настоящее время въ старомъ разрушающемся обществѣ.

Мы знаемъ, что намъ отвѣтятъ. Заведутъ разговоръ о «научномъ соціализмѣ». Укажутъ на буржуазныхъ экономистовъ, а также на Маркса, чтобы доказать, что градація заработныхъ платъ имѣетъ свой смыслъ, потому что «сила труда» инженера болѣе стоила обществу, чѣмъ «сила труда» землекопа. Дѣйствительно, не старались ли экономисты доказать намъ, что если инженеру и платятъ въ двадцать разъ больше землекопа, то это потому, что расходы «необходимые», чтобы сдѣлать инженера, значительнѣе, чѣмъ тѣ, которые необходимы, чтобы сдѣлать землекопа? И не утверждалъ ли Марксъ, что подобное различіе имѣетъ такую же логическую силу и для различныхъ отраслей ручного труда? Онъ долженъ былъ придти къ этому заключенію, потому что онъ усвоилъ теорію Рикардо о цѣнности и утверждалъ, что продукты обмѣниваются пропорціально количеству труда, общественно необходимаго для ихъ производства.

Но мы также знаемъ, какого взгляда намъ слѣдуетъ придерживаться относительно этого предмета. Мы знаемъ, что если инженеръ, ученый и врачъ оплачиваются въ настоящее время въ десять или во сто разъ больше, чѣмъ рабочій, а ткачъ зарабатываетъ въ три раза больше, чѣмъ земледѣлецъ, и въ десять разъ больше, чѣмъ работница на спичечной фабрикѣ, то это не пропорціонально ихъ «издержкамъ производства», а соразмѣрно образовательной или же промышленной монополіи. Инженеръ, ученый и врачъ просто эксплоатируютъ капиталъ,— свой дипломъ,—какъ буржуа эксплоатируетъ какую нибудь фабрику, или какъ дворянинъ эксплоатировалъ свои дворянскія права.

Что же касается до хозяина, который платитъ инженеру въ двадцать разъ больше, чѣмъ рабочему, то это согласно очень простому разсчету: если инженеръ можетъ ему съэкономить сто тысячъ франковъ на производствѣ, то онъ ему и платитъ двадцать тысячъ. И если онъ встрѣтитъ мастера, который заставитъ потѣть рабочихъ такъ, что съэкономитъ ему десять тысячъ франковъ на задѣльной платѣ, то онъ поспѣшитъ ему дать двѣ или три тысячи франковъ въ годъ. Онъ израсходуетъ на одну тысячу франковъ больше тамъ, гдѣ онъ раз-

считываетъ выиграть десять, и въ этомъ сущность капиталистическаго строя. То же можно сказать и о различіи между разными ручными ремеслами.

Пусть же не говорятъ намъ объ «издержкахъ производства», которыхъ стоитъ сила труда, и о томъ, что студентъ, весело проведшій молодость въ университетѣ, имѣетъ *право* на заработную плату въ десять разъ большую, чѣмъ сынъ углекопа, чахнущій въ шахтѣ, начиная съ одиннадцати-лѣтняго возраста, или что ткачъ имѣетъ *право* на заработную плату, въ три или четыре раза большую, чѣмъ земледѣлецъ. Издержки, необходимыя, чтобъ произвести ткача, не въ четыре раза болѣе значительны, чѣмъ издержки, необходимыя для производства крестьянина. Ткачъ просто пользуется тѣмъ выгоднымъ положеніемъ, въ которомъ промышленность находится въ Европѣ относительно непромышленныхъ странъ.

Никто никогда не исчислялъ этихъ *издержекъ производства*. И если какой нибудь тунеядецъ стоитъ гораздо больше обществу, чѣмъ рабочій, то еще слѣдуетъ узнать, сосчитавъ все,—смертность дѣтей рабочихъ, малокровіе, отъ котораго они страдаютъ, и нерѣдкую преждевременную смерть,—не стоитъ ли коренастый поденщикъ обществу больше, чѣмъ мастеровой.

Быть можетъ, насъ захотятъ заставить повѣрить, что, напримѣръ, жалованье въ тридцать су, которое платятъ парижской работницѣ, и въ шесть су — оверньской крестьянкѣ, слѣпнущей надъ кружевами, или сорокъ су въ день, получаемые крестьяниномъ, представляютъ ихъ «издержки производства». Мы отлично знаемъ, что часто работаютъ даже за меньшую плату, но мы также знаемъ, что это дѣлается исключительно потому, что, благодаря нашей прекрасной общественной организаціи, безъ этого смѣхотворнаго жалованья придется умирать съ голоду.

По нашему мнѣнію, лѣстница жалованій есть очень сложное произведеніе налоговъ, правительственной опеки, капиталистическаго накопленія, монополіи,—государства и капитала, однимъ словомъ. А потому мы скажемъ, что всѣ теоріи о лѣстницѣ заработныхъ платъ были выдуманы позднѣе, чтобы оправдать существующія въ настоящее время несправедливости, на которыя намъ нечего обращать вниманія.

Намъ непремѣнно замѣтятъ, что коллективистическая лѣстница заработныхъ платъ будетъ, тѣмъ не менѣе, прогрессомъ.

Если нѣкоторые работники, скажутъ намъ, будутъ получать въ два или три раза больше, чѣмъ обыкновенные рядовые, то все же это будетъ лучше, чѣмъ прикарманиваніе министромъ въ одинъ день того, чего рабочій не заработаетъ и въ цѣлый годъ. Все же это будетъ шагъ къ равенству.

По нашему мнѣнію, это будетъ прогрессъ навыворотъ. Ввести въ новомъ обществѣ различіе между простымъ трудомъ и квалифицированнымъ, это значитъ, какъ мы уже говорили, заставить санкціонировать революціей и возвести въ принципъ голый фактъ, который мы въ настоящее время терпимъ, но который мы, тѣмъ не менѣе, находимъ несправедливымъ. Это значило бы подражать тѣмъ господамъ 4 августа 1789 года, которые эффектно провозглашали уничтоженіе феодальныхъ правъ, но которые 8 августа санкціонировали эти самыя права, налагая на крестьянъ повинности для выкупа ихъ отъ помѣщиковъ, взятыхъ такимъ образомъ подъ охрану революціи. Это значило бы подражать русскому правительству, провозгласившему, во время освобожденія крѣпостныхъ, что отнынѣ земля будетъ принадлежать помѣщикамъ, тогда какъ прежде распоряженіе землями, принадлежавшими крѣпостнымъ, составляло злоупотребленіе.

Или же, возьмемъ болѣе извѣстный примѣръ: когда коммуна 1871 года постановила платить членамъ Совѣта Коммуны по пятнадцати франковъ въ день, тогда какъ федераты на валахъ получали тридцать су, то это постановленіе было провозглашено, какъ уравнительно-демократическій актъ. Въ дѣйствительности коммуна утвердила только старое неравенство между чиновникомъ и солдатомъ, между правительствомъ и управляемымъ. Со стороны опортюнистской палаты подобное постановленіе могло бы показаться удивительнымъ, но коммуна грѣшила такимъ образомъ передъ своимъ революціоннымъ принципомъ и тѣмъ самымъ осуждала его.

Въ настоящемъ обществѣ, когда мы видимъ, что министръ получаетъ сто тысячъ франковъ въ годъ, тогда какъ рабочій долженъ довольствоваться тысячью или даже меньшимъ; когда мы видимъ, что мастеръ получаетъ въ два или три раза больше, чѣмъ работникъ, и что даже между самими рабочими имѣются всевозможныя градаціи отъ десяти франковъ въ день до шести су крестьянки, то мы не одобряемъ высокаго жалованья министра, и не одобряемъ также разницу между десятью франками

рабочаго и шестью су бѣдной женщины. Мы говоримъ: «долой привилегіи образованія такъ же, какъ и привилегіи происхожденія!» Мы—анархисты именно потому, что эти привилегіи насъ возмущаютъ.

Онѣ насъ возмущаютъ уже въ нашемъ авторитарномъ обществѣ. Будемъ ли мы въ состояніи ихъ переносить въ обществѣ, которое начнется съ провозглашенія равенства?

Вотъ почему нѣкоторые коллективисты, понимая невозможность лѣстницы заработныхъ платъ въ обществѣ, вдохновленномъ дыханіемъ революціи, торопятся провозгласить, что заработныя платы будутъ одинаковы. Но они наталкиваются на новыя затрудненія, и ихъ равенство заработныхъ платъ становится такой же неосуществимой утопіей, какъ и лѣстница другихъ коллективистовъ.

Общество, которое завладѣетъ всѣмъ общественнымъ богатствомъ и которое громко провозгласитъ, что *всѣ* имѣютъ право на это богатство,—каково бы ни было ихъ участіе въ его созданіи,—будетъ вынуждено оставить всякую мысль о заработной платѣ, въ деньгахъ ли, въ трудовыхъ ли чекахъ, подъ какой бы формой она ни представлялась.

IV.

«Каждому по его дѣламъ», говорятъ коллективисты, или, другими словами, пропорціонально оказаннымъ обществу услугамъ. И этотъ принципъ, по ихъ мнѣнію, долженъ быть примѣненъ на практикѣ, какъ только революція сдѣлаетъ общимъ достояніемъ орудія труда и все то, что необходимо для производства!

А мы говоримъ, что если соціальная революція будетъ имѣть несчастіе провозгласить этотъ принципъ, то это будетъ значить—затормазить развитіе человѣчества, это будетъ значить—оставить, не разрѣшивъ, громадную соціальную задачу, которую прошедшіе вѣка намъ взвалили на руки.

Въ самомъ дѣлѣ, въ такомъ обществѣ, какъ наше, гдѣ чѣмъ больше человѣкъ работаетъ, тѣмъ меньше онъ получаетъ жалованья, подобный принципъ можетъ съ перваго раза показаться стремленіемъ къ справедливости. Но, въ сущности, онъ составляетъ не что иное, какъ освященіе несправедливостей прошлаго. Съ этого, вѣдь, принципа и начался наемный трудъ,

чтобы придти къ вопіющимъ несправедливостямъ, ко всѣмъ мерзостямъ настоящаго общества, потому что съ того дня, когда начали расцѣнивать на деньги или на какое бы то ни было жалованье оказанныя услуги, съ того дня, какъ сказано было, что каждый получитъ только то, что ему удастся заставить заплатить себѣ за его дѣла, вся исторія капиталистическаго общества (созданнаго съ помощью государства) была написана впередъ; она была заключена, какъ въ зародышѣ, въ этомъ принципѣ.

Должны ли мы возвратиться къ точкѣ отправленія и снова продѣлать ту же эволюцію? Наши теоріи къ тому стремятся, но, къ счастью, это невозможно: революція, сказали мы, будетъ коммунистическая, а иначе, потопленная въ крови, она должна быть начата снова.

Оказанныя обществу услуги, будетъ ли это трудъ на фабрикахъ или на полѣ, или нравственныя услуги,—не могутъ быть измѣрены денежной единицей. Не можетъ быть точной мѣры цѣнности того, что неправильно назвали мѣновой цѣнностью, а также полезной цѣнностью по отношенію къ производству. Если мы видимъ двухъ индивидуумовъ, занятыхъ, и тотъ и другой, втеченіе многихъ лѣтъ по пяти часовъ въ день для общества разными работами, которыя имъ одинаково пріятны, то мы можемъ сказать, что, вообще говоря, ихъ труды почти равноцѣнны. Но нельзя дробить ихъ трудъ и сказать, что продуктъ каждаго дня, каждаго часа, каждой минуты труда одного стоитъ продукта каждаго дня, часа, минуты другого.

Можно grosso modo сказать, что человѣкъ, который всю жизнь отказывался отъ досуга втеченіе десяти часовъ ежедневно, далъ обществу гораздо больше, чѣмъ тотъ, кто отказывался отъ досуга только пять часовъ въ день, или того, кто вовсе не отказывался отъ досуга. Но нельзя брать того, что онъ сдѣлалъ впродолженіи двухъ часовъ, и сказать, что этотъ продуктъ стоитъ вдвое больше, чѣмъ продуктъ одного часа труда другого индивидуума, и соотвѣтственно этому его вознаградить. Это значитъ—не понимать всей сложности промышленности, земледѣлія,—не понимать всей жизни теперешняго общества, это значитъ—не знать, въ какой мѣрѣ всякій трудъ индивидуума есть результатъ прошедшихъ и настоящихъ

работъ всего общества. Это значитъ—думать, что мы живемъ въ каменномъ вѣкѣ, тогда какъ мы живемъ въ стальномъ вѣкѣ.

Войдите въ угольную копь и посмотрите на этого человѣка, находящагося возлѣ громадной машины, поднимающей и опускающей клѣть. Онъ держитъ въ рукѣ рычагъ, который останавливаетъ и даетъ обратный ходъ машинѣ; онъ его опускаетъ, и клѣть въ мгновеніе ока возвращается обратно; онъ ее пускаетъ вверхъ, внизъ съ головокружительной быстротой. Весь обратившись во вниманіе, онъ слѣдитъ глазами на стѣнѣ за указателемъ, который ему показываетъ на маленькой шкалѣ, въ какомъ мѣстѣ шахты находится клѣть въ каждый моментъ ея хода, и, какъ только указатель дойдетъ до извѣстнаго уровня, онъ мгновенно останавливаетъ несущуюся клѣть ни на метръ выше, ни на метръ ниже желаемаго уровня. И едва только разгрузили корзины, наполненныя углемъ, и оттолкнули ихъ пустыя, какъ онъ переворачиваетъ рычагъ и снова отправляетъ клѣть въ пространство.

Втеченіе восьми, десяти дней подъ-рядъ онъ работаетъ съ такимъ страшнымъ напряженіемъ вниманія. Пусть его вниманіе ослабнетъ на полминуты, и клѣть стукнется и разобьетъ колёса, разорветъ канатъ, раздавитъ людей, остановитъ всю работу въ копи. Пусть онъ потеряетъ три секунды при каждомъ ударѣ рычага, и, въ современныхъ усовершенствованныхъ копяхъ, добыча уменьшится на двадцать и даже на пятьдесятъ тоннъ въ день.

Не онъ ли оказываетъ въ копи самую большую услугу? А можетъ быть, это тотъ мальчикъ, который подаетъ ему снизу сигналъ звонкомъ о поднятіи клѣти? Или это углекопъ, рискующій каждую минуту своею жизнью на днѣ шахты и который будетъ когда-нибудь убитъ рудничнымъ газомъ? Или же инженеръ, который упустилъ бы пластъ угля и заставилъ бы выламывать камень вслѣдствіе ошибки въ сложеніе во время вычисленій? Или же, наконецъ, углепромышленникъ, который заложилъ свое родовое имѣніе и, можетъ быть, сказалъ, въ противность всякимъ предвидѣніямъ: «ломайте здѣсь, вы найдете отличный уголь»?

Всѣ рабочіе, занятые въ копи, содѣйствуютъ, по мѣрѣ своихъ силъ, энергіи, знанія, умственнаго развитія и ловкости, выломкѣ угля. И мы можемъ сказать, что всѣ имѣютъ право *жить,* удовлетворять своимъ потребностямъ и даже своимъ

прихотямъ, послѣ того какъ необходимое за всѣми будетъ обезпечено. Но какъ можемъ мы оцѣнить ихъ *труды?*

Затѣмъ, уголь, который они выломаютъ, развѣ это *ихъ* дѣло? Развѣ онъ не дѣло также тѣхъ людей, которые построили желѣзную дорогу къ руднику и дороги, расходящіяся отъ всѣхъ ея станцій? Развѣ онъ не дѣло тѣхъ, которые пахали и засѣвали поля, добывали желѣзо, рубили лѣсъ, строили машины, которыя будутъ сожигать уголь, и такъ далѣе?

Никакого различія не можетъ быть сдѣлано между дѣлами каждаго изъ нихъ. Если мы станемъ измѣрять трудъ по результатамъ, то это приведетъ насъ къ нелѣпости. Дробить трудъ и измѣрять его часами труда тоже приводитъ къ нелѣпости. Остается одно: поставить *потребности* выше *работы* и признать сначала право на жизнь, а затѣмъ на довольство для всѣхъ, которые примутъ извѣстное участіе въ производствѣ.

Но возьмите совершенно иную отрасль человѣческой дѣятельности, возьмите совокупность всѣхъ проявленій существованія. Кто изъ насъ можетъ требовать бо̀льшаго вознагражденія за свои дѣла? Врачъ ли, угадавшій болѣзнь, или сидѣлка, которая обезпечила выздоровленіе своимъ гигіеническимъ уходомъ?

Изобрѣтатель ли первой паровой машины, или мальчикъ, который, уставши дергать за снурокъ, служившій прежде для открытія клапана при впусканіи пара подъ поршень, привязалъ этотъ снурокъ къ рычагу машины и пошелъ играть со своими товарищами, нисколько не подозрѣвая, что онъ изобрѣлъ необходимый механизмъ во всякой машинѣ нашего времени— автоматическій клапанъ?

Изобрѣтатель ли паровоза, или ньюкэстльскій рабочій, надоумившій замѣнить деревянными шпалами тѣ камни, которые прежде клали подъ рельсы и которые, по недостатку упругости, причиняли сходы поѣздовъ съ рельсовъ? Не машинистъ ли на паровозѣ? Человѣкъ ли, который своими сигналами останавливаетъ поѣздъ? стрѣлочникъ ли, который открываетъ имъ пути?

Кому мы обязаны трансатлантическимъ кабелемъ? Инженеру ли, настаивавшему на своемъ мнѣніи, что кабель будетъ передавать депеши, тогда какъ ученые электрики объявляли дѣло невозможнымъ? Ученому Мори, посовѣтовавшему оставить толстые кабели и замѣнить ихъ тонкими, какъ трость, или же тѣмъ добровольцамъ, приходившимъ неизвѣстно откуда, про-

водившимъ и дни, и ночи на мосту, тщательно осматривавшимъ каждый метръ кабеля и выдергивавшимъ гвозди, которые акціонеры морскихъ компаній приказывали забивать въ изолирующій слой кабеля, чтобы сдѣлать его негоднымъ?

А въ области еще болѣе обширной, въ истинной области человѣческой жизни съ ея радостями, печалями и несчастіями, не назоветъ ли каждый изъ насъ кого нибудь, кто оказалъ ему въ жизни такую услугу, что тотъ обидился бы, если бы заговорили объ оцѣнкѣ ея на деньги? Эта услуга могла заключаться въ словѣ, только во время сказанномъ словѣ, или же то были мѣсяцы и годы преданности. Будете ли вы также оцѣнивать эти «неоцѣнимыя» услуги трудовыми чеками?

«Дѣла каждаго!» Но человѣческія общества не прожили бы и двухъ поколѣній, они исчезли бы черезъ пятьдесятъ лѣтъ, если бы каждый не давалъ гораздо больше, чѣмъ то, что онъ получитъ въ видѣ вознагражденія деньгами или чеками, или въ видѣ почетной для гражданина награды. Человѣческая раса исчезла бы, если бы мать не тратила своей жизни на сохраненіе жизни своихъ дѣтей, если бы каждый человѣкъ не давалъ чего нибудь, не разсчитывая ни на что, еслибъ человѣкъ не давалъ въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не ждетъ никакого вознагражденія.

И ежели буржуазное общество угасаетъ, если мы въ настоящее время находимся въ глухомъ тупикѣ, откуда не можемъ выйти, не неся огня и меча противъ старыхъ учрежденій, то это именно потому, что мы слишкомъ много считали. Это потому, что мы стремились *давать* только для того, чтобы *получать*. Это потому, что мы хотѣли сдѣлать изъ общества коммерческую компанію, основанную на *кредитѣ* и *дебетѣ*. Впрочемъ, коллективисты это знаютъ. Они смутно понимаютъ, что общество не могло бы существовать, если бы оно доводило до конца принципъ: «каждому по его дѣламъ». Они догадываются, что потребности,—мы не говоримъ о прихотяхъ,—что потребности индивидуума не всегда соотвѣтствуютъ его *дѣламъ*. Поэтому-то Де-Папъ и говоритъ: «этотъ принципъ, вполнѣ индивидуалистическій, будетъ, впрочемъ, *смягченъ* общественнымъ вмѣшательствомъ въ дѣло образованія дѣтей и молодыхъ людей (считая тутъ квартиру, одежду и столъ) и общественной организаціей вспомоществованія дряхлымъ и больнымъ, приста ница для престарѣлыхъ рабочихъ и т. д....»

Они догадываются, что у человѣка сорока лѣтъ, отца троихъ дѣтей, другія потребности, чѣмъ у молодого человѣка двадцати лѣтъ. Они догадываются, что женщина, кормящая грудью своего младенца и проводящая у его изголовья безсонныя ночи, не можетъ *работать* столько, сколько работаетъ человѣкъ, спокойно выспавшійся. Они какъ будто понимаютъ, что мужчина и женщина, истощенные, можетъ быть, слишкомъ тяжелой работой на общество, могутъ оказаться неспособными передѣлать столько *работы*, сколько тѣ, которые провели свой день спокойно и получали «чеки», состоя въ привилегированномъ положеніи государственныхъ статистиковъ.

И они спѣшатъ смягчить свой принципъ. «Да, конечно, говорятъ они, общество будетъ кормить и воспитывать своихъ дѣтей! Да, конечно, оно будетъ помогать старикамъ и дряхлымъ! Да, конечно, *потребности* будутъ мѣриломъ расходовъ, которое приметъ общество для смягченія принципа *работы*.

Милосердіе,— какъ! Опять христіанское милосердіе, устроенное на этотъ разъ государствомъ.

Улучшить домъ для покинутыхъ дѣтей, устроить страхованіе отъ старости и болѣзни,—и принципъ будетъ смягченъ! «Ранить, чтобы затѣмъ лечить»,—они изъ этого положенія не выходятъ!

Такимъ-то образомъ, послѣ отрицанія коммунизма, послѣ насмѣшекъ надъ формулой: «каждому по его потребностямъ», не замѣчаютъ ли они тоже,—великіе экономисты,—что они кое-что забыли, а именно потребности производителей? И они спѣшатъ признать ихъ. Однако государство будетъ ихъ оцѣнивать, будетъ провѣрять, не слишкомъ ли велики потребности по сравненію съ работой.

Государство будетъ подавать милостыню. Отсюда до закона о бѣдныхъ и до англійскихъ рабочихъ домовъ—одинъ шагъ.

Одинъ только шагъ, потому что даже наше злонамѣренное общество, противъ котораго возстаютъ, оказалось вынужденнымъ *смягчить* свой индивидуализмъ, оно должно было также сдѣлать нѣсколько уступокъ въ смыслѣ коммунизма и тоже подъ видомъ милосердія.

Оно также раздаетъ обѣды въ одно су (5 сантимовъ), чтобъ предотвратить нападеніе на свои лавки. Оно тоже понастроило больницъ,—очень часто прескверныхъ, а иногда восхитительныхъ,—чтобы предохранить себя отъ опустошеній, про-

изводимыхъ заразными болѣзнями. Оно также, оплачивая лишь рабочіе часы, подбираетъ дѣтей тѣхъ, которыхъ довело до крайней нищеты. Оно тоже принимаетъ въ расчетъ потребности... посредствомъ милосердія...

Нищета, сказали мы въ другомъ мѣстѣ, была главной причиной богатства. Она создала перваго капиталиста; потому что раньше, чѣмъ накоплять прибавочную стоимость, о которой такъ любятъ разговаривать, нужно было, чтобы были бѣдняки, которые согласились бы продать свою рабочую силу, чтобы не умереть съ голоду. Нищета произвела богатыхъ. И если этотъ процессъ развивался быстро во время среднихъ вѣковъ, то это произошло потому, что нашествія народовъ и войны, послѣдовавшія вслѣдъ за образованіемъ государствъ, а также обогащеніе благодаря эксплоатированію Востока порвали узы, прежде связывавшія сельскія и городскія общины, и привели ихъ къ провозглашенію принципа наемнаго труда, столь дорогого эксплоататорамъ, вмѣсто солидарности, которой онѣ въ прежнее время придерживались.

И развѣ этотъ же самый принципъ будетъ порожденіемъ революціи, которую осмѣливаются называть именемъ «соціальной», именемъ, столь дорогимъ голодающимъ, страдающимъ и угнетеннымъ?

Такъ однако не будетъ; потому что въ тотъ день, когда подъ мечемъ пролетаріевъ старыя учрежденія рухнутъ, мы услышимъ голоса, кричащіе: «Хлѣбъ, пріютъ и достатокъ для всѣхъ!»

И эти голоса будутъ услышаны. Народъ скажетъ: «Начнемъ съ удовлетворенія жажды жизни, веселья, свободы,—жажды, которой мы никогда не утоляли. А когда всѣ вкусятъ этого счастья, мы примемся за дѣло,—за уничтоженіе послѣднихъ остатковъ буржуазнаго строя, буржуазной морали, почерпнутой изъ бухгалтерскихъ книгъ, буржуазной философіи, кредита и дебета, и буржуазныхъ учрежденій, основанныхъ на твоемъ и моемъ. «Разрушая, мы будемъ созидать», какъ говорилъ Прудонъ, мы будемъ созидать во имя коммунизма и анархіи».

Потребленіе и производство.

I.

Разсматривая общество и его политическую организацію съ совершенно другой точки зрѣнія, чѣмъ авторитарныя школы,—потому что мы отправляемся отъ свободнаго индивидуума, чтобы придти къ свободному обществу, вмѣсто того, чтобъ начинать съ государства, чтобъ спуститься до индивидуума,—мы будемъ слѣдовать тому же методу и въ вопросахъ экономическихъ. Мы изучимъ потребности индивидуума и способы, къ которымъ онъ прибѣгаетъ, чтобъ ихъ удовлетворить, раньше, чѣмъ разсуждать о производствѣ, обмѣнѣ, налогѣ, правительствѣ и проч.

Съ перваго взгляда разница можетъ показаться ничтожной. Но на самомъ дѣлѣ она опрокидываетъ всѣ понятія официальной политической экономіи.

Раскройте какое угодно сочиненіе любого экономиста.

Онъ начинаетъ съ *производства*, съ анализа способовъ, употребляемыхъ въ настоящее время при созданіи богатства (раздѣленіе труда, мануфактура, машинное производство, накопленіе капитала). Начиная съ Адама Смита и до Маркса, всѣ поступали такимъ образомъ. Только во второй или третьей части своего труда онъ заговоритъ о *потребленіи*, то есть объ удовлотвореніи потребностей индивидуума, и то онъ ограничится лишь разъясненіемъ, какъ распредѣлятся богатства между тѣми, которые пререкаются изъ-за владѣнія ими.

Можетъ быть, скажутъ, что это логично, что раньше, чѣмъ удовлетворить потребности, надо создать то, что можетъ ихъ удовлетворить, что надо *производить*, чтобы *потреблять*. Но ранѣе, чѣмъ производить что бы то ни было, не слѣдуетъ ли почувствовать въ томъ *потребность?* Не нужда ли побудила съ самаго начала человѣка охотиться, откармливать скотъ,

воздѣлывать землю, дѣлать орудія и позднѣе еще изобрѣтать и дѣлать машины? Не изученіе ли потребностей должно управлять производствомъ? Будетъ, слѣдовательно, по меньшей мѣрѣ совершенно логично начать также съ этого факта и затѣмъ посмотрѣть, какъ нужно браться за дѣло, чтобъ удовлетворить этимъ потребностямъ посредствомъ производства.

Это именно мы и дѣлаемъ.

Но какъ только мы начинаемъ разсматривать политическую экономію съ этой точки зрѣнія, она совершенно измѣняетъ свой видъ. Она перестаетъ быть простымъ описаніемъ фактовъ и становится *наукою*, на тѣхъ же правахъ, какъ и физіологія. Ее можно опредѣлить такъ: *изученіе потребностей человѣчества и способовъ удовлетворенія ихъ съ наивозможно меньшей затратой человѣческихъ силъ.* Она представляетъ науку параллельную физіологіи растеній и животныхъ, которая также есть изученіе потребностей растенія и животнаго и самыхъ выгодныхъ способовъ ихъ удовлетворенія. Въ ряду соціологическихъ наукъ, экономія человѣческихъ обществъ стремится занять мѣсто, занятое въ ряду біологическихъ наукъ физіологіей органическихъ существъ.

Мы говоримъ: вотъ люди, соединенные въ общество. Всѣ чувствуютъ потребность жить въ здоровыхъ домахъ. Шалашъ дикаря ихъ болѣе не удовлетворяетъ. Они требуютъ прочное убѣжище, болѣе или менѣе приличное. Вопросъ въ томъ, могутъ ли они, при существующей производительности человѣческаго труда, каждый имѣть свой домъ и что мѣшаетъ имъ таковой имѣть?

И мы тотчасъ же видимъ, что каждая семья въ Европѣ могла бы имѣть приличный домъ, вродѣ тѣхъ, какіе строятъ въ Англіи и Бельгіи или въ Пульмановскомъ городкѣ, или же подобное помѣщеніе. Не многихъ дней труда было бы достаточно, чтобы семья въ семь или восемь лицъ могла обзавестись хорошенькимъ домикомъ, стоящимъ на открытомъ воздухѣ, содержимымъ въ порядкѣ и освѣщеннымъ газомъ.

Но девять десятыхъ европейцевъ никогда не пользовались здоровымъ домомъ, потому что съ давнихъ поръ простолюдинъ долженъ былъ работать изо дня въ день почти безпрерывно, чтобы удовлетворить потребности своихъ правителей, и никогда онъ не имѣлъ ни времени свободнаго, ни денегъ, чтобы построить или кого-либо нанять построить желанный домъ. И у

него не будетъ дома, онъ будетъ жить въ конурѣ, пока не измѣнятся настоящія условія.

Мы поступаемъ, какъ видите, совершенно обратно экономистамъ: они увѣковѣчиваютъ мнимые *законы* производства и, ведя счетъ домовъ, которые строятся каждый годъ, доказываютъ, при помощи статистики, что вновь построенныхъ домовъ не достаточно, чтобъ удовлетворить всѣ требованія, и девять десятыхъ европейцевъ *должны* жить въ конурахъ.

Перейдемъ къ пищѣ. Перечисливъ благодѣянія, проистекающія отъ раздѣленія труда, экономисты утверждаютъ, что это раздѣленіе требуетъ, чтобы одни занимались земледѣліемъ, а другіе—мануфактурной промышленностью. Земледѣльцы производятъ столько-то, мануфактуры столько-то, обмѣнъ совершается такъ, и они анализируютъ продажу, барышъ, чистый доходъ или прибавочную стоимость, заработную плату, налогъ, банкъ и такъ далѣе.

Но, слѣдуя за ними даже такъ далеко, мы нисколько не подвинемся впередъ, и если мы ихъ спросимъ: «какъ же случается, что столькимъ милліонамъ людей не хватаетъ хлѣба, тогда какъ каждая семья могла бы произвести хлѣба достаточно, чтобы прокормить десять, двадцать и даже сто человѣкъ въ годъ?»—на это они намъ отвѣчаютъ, возобновляя все ту же пѣсню: раздѣленіе труда, заработная плата, прибавочная стоимость, капиталъ и проч., и кончаютъ тѣмъ, что производство, молъ, недостаточно, чтобъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ,—заключеніе, которое, еслибъ даже оно было правильно, никоимъ образомъ не отвѣчаетъ на вопросъ: можетъ ли человѣкъ, или не можетъ произвести, трудясь, нужный ему хлѣбъ? А если онъ не можетъ, то что ему мѣшаетъ?»

Вотъ 350 милліоновъ европейцевъ. Имъ нужно каждый годъ столько-то хлѣба, столько-то мяса, вина, молока, яицъ и масла: Имъ нужно столько-то домовъ, столько-то одежды. Это минимумъ ихъ потребностей. Могутъ ли они произвести все это? Если могутъ, то останется ли у нихъ досугъ, чтобы произвести предметы роскоши, искусства, науки, забавы,—однимъ словомъ все то, что не входитъ въ категорію крайне необходимаго? Если да, то что имъ мѣшаетъ итти впередъ? Что надо сдѣлать, чтобъ устранить препятствія? Нужно ли на это время? пусть въ этомъ отношеніи не стѣсняются! Но не будемъ те-

рять изъ виду цѣли всякаго производства—удовлетвореніе потребностей.

Если самыя настоятельныя потребности человѣка остаются безъ удовлетворенія, то что слѣдуетъ сдѣлать для увеличенія производительности труда? Но не дѣйствуютъ ли тутъ другія причины? Между прочимъ, не зависитъ ли это отъ того, что производство, потерявъ изъ виду *потребности* человѣка, приняло совершенно ложное направленіе, и что организація его неправильна? И такъ какъ мы утверждаемъ именно это, то поищемъ средство для переустройства производства такъ, чтобъ оно дѣйствительно отвѣчало всѣмъ потребностямъ.

Вотъ единственный способъ разсмотрѣнія дѣла, который намъ кажется правильнымъ, единственный, который позволилъ бы политической экономіи сдѣлаться наукою, общественной физіологіею.

Очевидно, что если эта наука заговоритъ о производствѣ, какъ оно организовано въ настоящее время у цивилизованныхъ націй, въ индусской общинѣ или у дикарей, она не въ состояніи будетъ изложить факты иначе, чѣмъ теперешніе экономисты, то есть, какъ простую *описательную* главу, аналогичную описательнымъ главамъ зоологіи или ботаники. Но замѣтимъ, что если бы эта глава была написана съ точки зрѣнія экономіи силъ для удовлетворенія потребностей, то она выиграла бы въ ясности, а также въ научномъ значеніи. Она до очевидности доказала бы страшное расхищеніе человѣческихъ силъ при настоящей системѣ и признала бы вмѣстѣ съ нами, что, пока существуетъ эта система, потребности человѣчества никогда не будутъ удовлетворены.

Точка зрѣнія, какъ видите, совершенно измѣнилась бы. Позади ткацкаго станка, производящаго столько-то метровъ полотна, позади сверлильной машины, производящей столько-то стальныхъ пластинъ, позади денежнаго сундука, поглощающаго дивиденды, увидѣли бы человѣка, виновника производства,—человѣка, по большей части исключеннаго съ пира, приготовленнаго имъ для другихъ. Понятно также будетъ, что такъ называемые законы цѣнности, обмѣна и проч. представляютъ только изложеніе фактовъ, часто совершенно ложное,—при ложной точкѣ отправленія, — фактовъ, какъ они происходятъ въ настоящій моментъ, но которые могли бы происходить и будутъ происходить иначе, когда производство будетъ организовано такъ, что оно станетъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ общества.

II.

Нѣтъ ни одного принципа политической экономіи, который не измѣнилъ бы совершенно своего вида, если встать на нашу точку зрѣнія.

Займемся, напримѣръ, перепроизводствомъ. Вотъ слово, раздающееся каждый день у насъ въ ушахъ.

Есть ли, въ самомъ дѣлѣ, хоть одинъ экономистъ, академикъ или еще только кандидатъ въ академики, который не поддерживалъ бы тезисовъ, доказывающихъ, что экономическіе кризисы происходятъ отъ перепроизводства, когда, напримѣръ, въ извѣстный моментъ произведено больше бумажныхъ тканей, суконъ, часовъ, чѣмъ нужно! Не обвиняли ли въ «жадности» капиталистовъ, упорствующихъ въ производствѣ свыше возможнаго потребленія!

И однако подобное разсужденіе оказывается ложнымъ, какъ только начнешь изучать вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, назовите намъ какой-нибудь товаръ, изъ числа находящихся во всеобщемъ употребленіи, котораго производи бы больше, чѣмъ требуется. Переберите одинъ за другимъ всѣ товары, отправляемые странами съ большимъ вывозомъ, и вы увидите, что почти всѣ производятся въ *недостаточныхъ* количествахъ даже для жителей той страны, которая ихъ вывозитъ.

Вѣдь, не избытокъ же хлѣба русскій крестьянинъ отправляетъ въ Европу. Самые обильные урожаи пшеницы и ржи въ Европейской Россіи даютъ *именно столько*, сколько нужно для населенія. И обыкновенно крестьянинъ самъ лишаетъ себя необходимаго, когда продаетъ свою рожь и пшеницу, чтобъ заплатить налогъ и аренду.

Вѣдь, не излишекъ каменнаго угля отправляетъ Англія во всѣ концы свѣта, потому что для ея собственнаго потребленія остается только по 750 килограммовъ на человѣка въ годъ, и милліоны англичанъ лишены огня зимою или поддерживаютъ его не долѣе, чѣмъ сколько нужно, чтобъ сварить нѣсколько овощей. Впрочемъ (мы тутъ не говоримъ о дорогихъ бездѣлушкахъ), въ странѣ съ самымъ большимъ вывозомъ, въ Англіи, есть только одинъ товаръ всеобщаго употребленія,—это бумажныя ткани,—товаръ, производство котораго достаточно велико,

чтобы превзойти, можетъ быть, потребности. Когда подумаешь о тѣхъ отрепьяхъ, въ которыхъ ходитъ добрая треть жителей Великобританіи, то невольно спросишь, развѣ вывозимыя бумажныя ткани не пошли бы почти всѣ цѣликомъ на удовлетвореніе *дѣйствительныхъ* потребностей населенія.

Обыкновенно вывозится вовсе не излишекъ, если даже первыя отправки и имѣли такое происхожденіе. Сказаніе о босомъ сапожникѣ вѣрно для цѣлой націи, какъ оно прежде было вѣрно для самого ремесленника. Что вывозится необходимое, то это дѣйствительно такъ, потому что рабочіе на свое жалованье не могутъ покупать то, что они произвели, уплачивая ренту, доходъ, процентъ капиталисту и банкиру.

Не только все возрастающая потребность въ благосостояніи остается безъ удовлетворенія, но очень часто не хватаетъ самаго необходимаго. Перепроизводства, слѣдовательно, не существуетъ, въ этомъ по крайней мѣрѣ смыслѣ; но есть только слово, выдуманное теоретиками политической экономіи.

Всѣ экономисты утверждаютъ, что если существуетъ хорошо установленный экономическій законъ, то это слѣдующій: «человѣкъ производитъ больше, чѣмъ потребляетъ». Потративши на собственное существованіе продукты своего труда, онъ все-таки получаетъ нѣкоторый излишекъ. Семья земледѣльцевъ производитъ столько, что прокормитъ нѣсколько семей, и такъ далѣе.

По нашему мнѣнію, эта фраза, столь часто повторяемая, не имѣетъ смысла. Если она должна значить, что каждое поколѣніе оставляетъ кое-что будущимъ поколѣніямъ, то это вѣрно. Въ самомъ дѣлѣ, сельскій хозяинъ сажаетъ дерево, которое проживетъ тридцать, сорокъ лѣтъ, столѣтіе и съ котораго внуки его еще будутъ срывать плоды. Если онъ распахалъ гектаръ цѣлины, то наслѣдіе будущихъ поколѣній настолько же увеличилось. Дорога, мостъ, каналъ, домъ и меблировка его, это все—богатства, передаваемыя слѣдующимъ поколѣніямъ.

Но не въ этомъ дѣло. Намъ говорятъ, что земледѣлецъ производитъ больше хлѣба, чѣмъ потребляетъ. Можно скорѣе сказать, что такъ какъ государство отъ него всегда отбирало добрую часть его продуктовъ подъ видомъ налога, патеръ подъ видомъ десятины и землевладѣлецъ подъ видомъ ренты, то образовался цѣлый классъ людей, которые прежде потребляли то, что производили, за исключеніемъ части, оставляемой на

всякій случай, или на расходы по посадкѣ деревьевъ, проведенію дорогъ и проч.,—но которые въ настоящее время вынуждены питаться каштанами или кукурузой и пить плохое вино, такъ какъ все остальное взяли государство, землевладѣлецъ, патеръ и ростовщикъ.

Мы предпочитаемъ сказать: *Хлѣбопашецъ потребляетъ меньше, чѣмъ производитъ*, потому что его заставляютъ спать на соломѣ и продавать перья, довольствоваться плохимъ виномъ и продавать хорошее, ѣсть рожь и продавать пшеницу.

Замѣтимъ также, что, принявъ за точку отправленія *потребности* индивидуума, неизбѣжнымъ образомъ приходишь къ коммунизму, какъ къ такой организаціи, которая позволяетъ удовлетворить всѣ эти потребности самымъ полнымъ и самымъ экономнымъ образомъ; тогда какъ, отправляясь отъ теперешняго производства и имѣя передъ собой исключительно прибыль или прибавочную цѣнность, но не спрашивая себя, отвѣчаетъ ли производство удовлетворенію потребностей, мы неизбѣжнымъ образомъ приходимъ къ капитализму или въ лучшемъ случаѣ къ коллективизму, представляющимъ, тотъ и другой, лишь различные виды наемнаго труда.

Дѣйствительно, когда разсматриваешь потребности индивидуума и общества и тѣ способы, къ которымъ человѣкъ прибѣгалъ для ихъ удовлетворенія, въ различные моменты своего развитія, то приходишь къ убѣжденію въ необходимости объединить усилія, вмѣсто того чтобы ихъ отдавать во власть случайностей современнаго производства. Понятно, что присвоеніе нѣсколькими лицами всѣхъ богатствъ, непотребленныхъ и передаваемыхъ отъ одного поколѣнія къ другому,—не въ интересахъ общества. Установлено, что при такомъ ходѣ дѣлъ потребности трехъ четвертей общества рискуютъ быть не удовлетворенными и что чрезвычайный расходъ человѣческой силы является расходомъ тѣмъ болѣе безполезнымъ и тѣмъ болѣе преступнымъ.

Понятно, наконецъ, что то потребленіе продуктовъ—самое выгодное, которое удовлетворяетъ самыя настоятельныя потребности, и что полезная цѣнность зависитъ не отъ какого-нибудь каприза, какъ часто утверждали, но отъ удовлетворенія, какое она доставляетъ дѣйствительнымъ потребностямъ.

Коммунизмъ,—то есть синтетическій взглядъ на потребленіе, производство и обмѣнъ и отвѣчающая такому синтетическому взгляду организація,—становится, такимъ образомъ, логическимъ слѣдствіемъ этого пониманія вещей, единственнаго, по нашему мнѣнію, дѣйствительно научнаго.

Общество, которое удовлетворитъ потребности всѣхъ и сумѣетъ организовать производство, должно будетъ, кромѣ того, покончить съ нѣкоторыми предразсудками относительно промышленности и, первымъ дѣломъ, съ столь прославляемою экономистами, подъ именемъ *раздѣленія труда*, теоріею, которою мы займемся въ слѣдующей главѣ.

Раздѣленіе труда.

Политическая экономія всегда ограничивалась тѣмъ, что устанавливала факты, которые она видѣла въ обществѣ, и оправдывала ихъ въ интересахъ господствующаго класса. Такимъ точно образомъ она поступала по отношенію къ раздѣленію труда созданному промышленностью; найдя его выгоднымъ для капиталистовъ, она его возвела въ принципъ.

Посмотрите на этого деревенскаго кузнеца, говоритъ Адамъ Смитъ, отецъ новѣйшей политической экономіи; если онъ не привыкъ дѣлать гвозди, то онъ съ трудомъ сможетъ выдѣлать двѣ или три сотни въ день, да и то они будутъ плохіе. Но если тотъ же самый кузнецъ только и дѣлалъ что одни гвозди, то онъ легко втеченіе одного дня сдѣлаетъ до двухъ тысячъ трехъ сотъ штукъ. И Смитъ спѣшитъ сдѣлать заключеніе: «раздѣлимъ трудъ, специализируемъ, специализируемъ его безъ конца; пусть выработаются кузнецы, которые будутъ умѣть дѣлать только головки или острія гвоздей,—и такимъ образомъ мы произведемъ гораздо больше. Мы разбогатѣемъ».

Что же касается до вопросовъ, не потеряетъ ли кузнецъ, приговоренный всю свою жизнь дѣлать гвоздяныя головки, всякій интересъ къ труду, не окажется ли онъ совершенно въ рукахъ хозяина при такомъ ограниченномъ ремеслѣ, не будетъ ли онъ безъ работы четыре мѣсяца изъ двѣнадцати, не понизится ли его жалованье, когда его легко можно будетъ замѣнить ученикомъ,—то объ этомъ Смитъ вовсе и не думалъ, когда восклицалъ: «да здравствуетъ раздѣленіе труда! Вотъ настоящая золотая розсыпь для обогащенія націи!» И ну, всѣ кричать то же вслѣдъ за нимъ.

И даже тогда, когда какой-нибудь Сисмонди или Ж.-Б. Сэй впослѣдствіи замѣчали, что раздѣленіе труда, вмѣсто того чтобы обогащать націю, обогащало только богатыхъ, и что

рабочій, доведенный до того, что долженъ дѣлать всю свою жизнь одну восемнадцатую часть булавки, тупѣетъ и впадаетъ въ нищету,—что тогда предлагали офиціальные экономисты?— Ничего.—Они не ю думали, что, занимаясь такимъ образомъ всю жизнь одной механической работой, рабочій утратитъ свои умственныя способности и свою изобрѣтательность, и что, напротивъ, разнообразіе занятій имѣло бы своимъ послѣдствіемъ значительное увеличеніе производительности націи. Этотъ именно вопросъ предстоитъ рѣшить въ настоящее время.

Впрочемъ, если бы одни только экономисты проповѣдывали постоянное, а часто и наслѣдственное раздѣленіе труда, то имъ бы предоставили разглагольствовать сколько имъ угодно. Но идеи, исповѣдуемыя учеными мужами, проникаютъ въ умы, развращая ихъ, и, слыша, какъ постоянно говорятъ о раздѣленіи труда, о прибыли, о рентѣ, кредитѣ и пр., какъ о вопросахъ, давно рѣшенныхъ, всѣ (и самъ рабочій) начинаютъ разсуждать, какъ экономисты, и поклоняться тѣмъ же фетишамъ.

Такъ, мы видимъ, что многіе соціалисты, даже изъ тѣхъ, которые не побоялись нападать на заблужденія науки, уважаютъ принципъ раздѣленія труда. Поговорите съ ними объ организаціи труда во время революціи, и они вамъ скажутъ, что раздѣленіе труда должно быть сохранено, что если вы дѣлали острія булавокъ до революціи, вы будете дѣлать ихъ и послѣ. Вы будете выдѣлывать острія булавокъ только пять часовъ,— прекрасно. Но вы всю жизнь будете дѣлать только острія булавокъ, тогда какъ другіе будутъ дѣлать машины или составлять проекты машинъ, при помощи которыхъ вы въ состояніи будете заострить, втеченіе вашей жизни, нѣсколько милліардовъ булавокъ, а еще другіе будутъ спеціалистами въ высшихъ отдѣлахъ труда—литераторами, учеными, художниками и пр. Вы родились дѣлателемъ остріевъ булавокъ, Пастеръ родился прививателемъ бѣшенства, и революція васъ оставитъ одного и другого при вашихъ занятіяхъ.

Ну, вотъ этотъ-то ужасный, вредный для общества и притупляющій личность принципъ—источникъ цѣлаго ряда золъ, этотъ-то принципъ, мы и думаемъ въ настоящее время разсмотрѣть въ различныхъ его проявленіяхъ.

Извѣстны послѣдствія раздѣленія труда. Очевидно, мы раздѣлены на два класса: съ одной стороны, производители, потребляющіе очень мало и освобожденые отъ необходимости ду-

мать, потому что надо работать, и работающіе дурно, потому что ихъ мозгъ дремлетъ; а съ другой стороны—потребители, производящіе мало или почти ничего, имѣющіе привилегію думать за другихъ и думающіе плохо, потому что цѣлый особый міръ, міръ работающихъ руками, имъ неизвѣстенъ. Земледѣльческіе рабочіе ничего не знаютъ о машинѣ, а тѣ, которые работаютъ на машинахъ, совершенно не знакомы съ полевыми работами. Идеалъ современной промышленности, это—мальчикъ, прислуживающій при машинѣ, которой онъ не можетъ и не долженъ понимать, и надзиратели, его штрафующіе, если только его вниманіе ослабѣваетъ на мгновеніе. Существуетъ стремленіе совершенно упразднить сельскаго рабочаго. Идеалъ промышленнаго земледѣлія, это—*своего рода спеціалистъ* (bricoleur), нанятый на три мѣсяца, съ паровымъ плугомъ или молотилкой. Раздѣленіе труда, это человѣкъ отмѣченный, заклейменный на всю жизнь, какъ связывающей вѣчно концы оборвавшейся нитки на какой-нибудь мануфактурѣ, какъ надзиратель въ какой-нибудь промышленности, какъ толкатель корзинъ въ такомъ-то мѣстѣ рудника, не имѣющій никакого общаго понятія о машинѣ, о промышленности, о рудникѣ и теряющій по этому самому влеченіе къ работѣ и изобрѣтательныя способности, создавшія въ первое время современной промышленности тѣ механическія приспособленія, которыми мы такъ любимъ гордиться.

То, что сдѣлали по отношенію къ рабочему, хотятъ сдѣлать также и по отношенію къ націи.

Человѣчество должно быть раздѣлено на національныя фабрики, имѣющія каждая свою спеціальность. Россія, объясняютъ намъ, природой предназначена воздѣлывать хлѣбъ, Англія—выдѣлывать бумажныя ткани, Бельгія—выдѣлывать сукна, тогда какъ Швейцарія производитъ боннъ и воспитательницъ. Внутри каждой націи намѣчены дальнѣйшія подраздѣленія на спеціальности. Ліонъ будетъ выдѣлывать шелковыя матеріи, Овернь—кружева, Парижъ—предметы моды. Это—безграничная арена, открытая для производства и въ то же время для потребленія, утверждаютъ экономисты; эра труда и великаго счастья открывается для человѣчества.

Но эти обширныя надежды исчезаютъ по мѣрѣ того, какъ техническія познанія распространяются по вселенной. Пока Англія одна выдѣлывала бумажныя ткани и обрабатывала массу

металловъ, пока Парижъ одинъ дѣлалъ художественныя безделушки и пр., все шло хорошо. Можно было проповѣдывать то, что называется раздѣленіемъ труда, не боясь быть опровергнутымъ.

Но вотъ новое теченіе увлекаетъ цивилизованныя націи испробовать у себя всевозможныя отрасли промышленности,— націи находятъ выгоднымъ выдѣлывать то, что прежде получали изъ чужихъ странъ, и даже колоніи стремятся освободиться отъ своихъ метрополій. Такъ какъ способы производства, будучи дѣломъ науки, становятся всеобщимъ достояніемъ, то отнынѣ нѣтъ надобности покупать за границей по чудовищной цѣнѣ то, что легко можно произвести у себя дома. Да эта революція въ промышленности не наноситъ ли прямого удара раздѣленію труда, которое, какъ казалось, такъ прочно установлено?

Децентрализація промышленности.

I.

По окончаніи наполеоновскихъ войнъ, Англіи почти удалось разорить крупную промышленность, зарождавшуюся во Франціи въ концѣ XVIII столѣтія. Она осталась владычицей морей и безъ серьезныхъ конкурентовъ. Она этимъ воспользовалась для того, чтобы присвоить себѣ промышленную монополію, и, устанавливая для сосѣднихъ націй цѣны на товары, которые она одна могла выдѣлывать, нагромоздила кучу богатствъ и сумѣла извлечь пользу изъ такого привилегированнаго положенія и всѣхъ своихъ преимуществъ.

Но когда буржуазная революція XVIII вѣка уничтожила крѣпостное состояніе и создала во Франціи пролетаріатъ, крупная промышленность, остановленная на время въ своемъ прогрессивномъ движеніи, возродилась съ новой силой, и, начиная со второй половины XIX столѣтія, Франція перестала быть данницей Англіи при пріобрѣтеніи мануфактурныхъ продуктовъ. Въ настоящее время она тоже стала вывозящей страной. Она продаетъ за границу болѣе, чѣмъ на полтора милліарда франковъ мануфактурныхъ продуктовъ, и двѣ трети этихъ товаровъ—матеріи. Считаютъ, что около трехъ милліоновъ французовъ работаютъ для вывоза или живутъ внѣшней торговлей.

Такимъ образомъ, Франція уже болѣе не данница Англіи. Она, въ свою очередь, старалась монополизировать нѣкоторыя отрасли внѣшней торговли, какъ, напримѣръ, шелковыя матеріи и готовыя платья; она извлекла изъ этого громадные барыши, но она можетъ навсегда потерять эту монополію, подобно Англіи, которой угрожаетъ потеря навсегда монополіи бумажныхъ тканей и даже бумажной пряди.

Развиваясь по направленію къ востоку, промышленность оста-

новилась въ Германіи. Тридцать лѣтъ тому назадъ Германія была данницей Англіи и Франціи, покупая у нихъ большую часть продуктовъ крупной промышленности. Теперь уже не то. Втеченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ, и въ особенности послѣ войны, Германія совершенно преобразовала всю свою промышленность. Новыя фабрики снабжены новыми машинами; новѣйшія произведенія промышленнаго искусства въ Манчестерѣ по части бумажныхъ тканей или въ Ліонѣ по части шелковыхъ матерій и пр. воспроизводятся на новыхъ нѣмецкихъ фабрикахъ. Если нужно было два или три поколѣнія рабочихъ, чтобы изобрѣсти въ Ліонѣ или Манчестерѣ новѣйшую машину, то Германія получаетъ ее уже совсѣмъ усовершенствованною. Техническія школы, приспособленныя для потребностей промышленности, доставляютъ мануфактурамъ интеллигентныхъ рабочихъ, практическихъ инженеровъ, умѣющихъ работать руками и головой. Нѣмецкая промышленность начинается именно съ того пункта, къ которому пришли Манчестеръ и Ліонъ послѣ пятидесяти лѣтъ усилій, опытовъ, пробныхъ шаговъ.

Отсюда слѣдуетъ, что Германія, производя такъ же хорошо у себя, уменьшаетъ изъ года въ годъ свой ввозъ изъ Франціи и Англіи. Она уже стала ихъ соперницей по части вывоза въ Азію и Африку,—болѣе того, соперницей на рынкахъ Лондона и Парижа. Близорукіе люди могутъ, конечно, кричать противъ франкфуртскаго трактата; они могутъ объяснять нѣмецкую конкуренцію маленькими различіями въ желѣзнодорожныхъ тарифахъ. Они могутъ сказать, что нѣмецъ работаетъ *даромъ*, задерживаясь на мелочахъ каждаго вопроса и пренебрегая великими историческими фактами. Но тѣмъ не менѣе вѣрно, что крупная промышленность, бывшая прежде привилегіей Англіи и Франціи, сдѣлала шагъ по направленію къ востоку. Она нашла въ Германіи молодую страну, полную силъ, и интеллигентную буржуазію, стремящуюся обогатиться, въ свою очередь, иностранной торговлей.

Въ то время, когда Германія освобождалась отъ англійской и французской опеки и сама выдѣлывала бумажныя ткани, матеріи, машины,—словомъ, всѣ мануфактурныя произведенія,—крупная промышленность насаждалась также и въ Россіи, гдѣ развитіе мануфактуръ тѣмъ болѣе поразительно, что онѣ появились со вчерашняго дня.

Во время уничтоженія крѣпостного состоянія, въ 1861 году,

въ Россіи почти не было промышленности. Все, что ей было нужно по части машинъ, рельсовъ, паровозовъ, дорогихъ матерій, приходило къ ней съ Запада. Двадцать лѣтъ спустя у нея уже было до 85000 мануфактуръ, а товары, выходившіе изъ этихъ мануфактуръ, учетверились въ цѣнности.

Старые механизмы были вездѣ замѣнены новыми. Почти вся сталь, употребляемая въ настоящее время, три четверти желѣза, двѣ трети угля, всѣ паровозы, всѣ вагоны, всѣ рельсы, почти всѣ пароходы дѣлаются въ Россіи.

Изъ страны, предназначенной, по сказаніямъ экономистовъ, оставаться земледѣльческой, Россія сдѣлалась страной мануфактурной. Она почти ничего не требуетъ отъ Англіи и очень мало отъ Германіи.

По мнѣнію экономистовъ, все это сдѣлали таможни, но мануфактурныя произведенія, дѣлаемыя въ Россіи, продаются по той же цѣнѣ, что въ Лондонѣ. Капиталъ не знаетъ отечества, нѣмецкіе и англійскіе капиталисты въ сопровожденіи инженеровъ и мастеровъ своихъ національностей насадили въ Россіи и Польшѣ мануфактуры, соперничающія качествомъ своихъ произведеній съ лучшими англійскими мануфактурами. Пусть завтра уничтожатъ таможни, и мануфактуры отъ этого только выиграютъ. Въ настоящій моментъ британскіе инженеры подготовляютъ смертельный ударъ ввозу суконъ и бумажныхъ матерій съ Запада: они возводятъ на югѣ Россіи громадныя хлопчатобумажныя мануфактуры, снабженныя самыми усовершенствованными брэдфорскими машинами, и черезъ десять лѣтъ Россія будетъ ввозить только нѣсколько кусковъ англійскаго сукна и французскихъ шерстяныхъ матерій для образчиковъ.

Крупная промышленность шествуетъ не только по направленію къ востоку; она распространяется также и на южныхъ полуостровахъ. Туринская выставка показала уже въ 1884 году успѣхи итальянской промышленности, и—не будемъ вводить себя въ заблужденіе—ненависть между двумя буржуазіями, французской и итальянской, не имѣетъ иного происхожденія, какъ ихъ промышленное соперничество. Италія освобождается отъ французской опеки; она конкурируетъ съ французскими купцами въ средиземноморскомъ бассейнѣ и на востокѣ. За это, а не за что другое потечетъ кровь когда-нибудь на итальян-

ской границѣ,—если только революція не сбережетъ эту драгоцѣнную кровь.

Мы можемъ также упомянуть о быстрыхъ успѣхахъ Испаніи на пути развитія крупной промышленности. Но возьмемъ лучше Бразилію. Не приговорили ли ее экономисты всегда воздѣлывать хлопокъ, вывозить его въ сыромъ видѣ и получать взамѣнъ бумажныя ткани изъ Европы? Въ самомъ дѣлѣ, двадцать лѣтъ тому назадъ въ Бразиліи было только девять жалкихъ хлопчатобумажныхъ мануфактуръ съ 385 веретенами. Въ настоящее же время имѣется ихъ сорокъ шесть; пять изъ нихъ имѣютъ 40,000 веретенъ и выбрасываютъ на рынокъ тридцать милліоновъ метровъ бумажныхъ тканей ежегодно.

Всѣ страны, не исключая Мексики, принялись за выдѣлку бумажныхъ тканей, вмѣсто того чтобы ввозить ихъ изъ Европы. Что же касается до Соединенныхъ Штатовъ, то они освободились отъ европейской опеки. Крупная промышленность въ нихъ съ тріумфомъ развилась.

А Индія,—та должна представить самое блестящее опроверженіе сторонниковъ спеціализаціи промышленности по національностямъ.

Извѣстна эта теорія:—колоніи нужны великимъ европейскимъ націямъ. Эти колоніи будутъ отправлять въ метрополію сырые продукты: хлопокъ, непромытую шерсть, пряности и пр. А метрополія имъ будетъ посылать свои мануфактурныя произведенія, испорченныя матеріи, старое желѣзо подъ видомъ негодныхъ машинъ, словомъ,—все, что ей не нужно, что ей стоитъ мало или ничего и что, тѣмъ не менѣе, она продастъ по чрезмѣрно высокимъ цѣнамъ.

Такова была теорія, такова была долго и практика. Составлялись состоянія въ Лондонѣ и Манчестерѣ въ то время, какъ Индія разорялась. Сходите-ка въ Индійскій Лондонскій музей, и вы увидите тамъ богатства неслыханныя, безсмысленныя, накопленныя въ Калькуттѣ и Бомбеѣ англійскими негоціантами.

Но другимъ негоціантамъ и другимъ капиталистамъ, тоже англійскимъ, пришла очень естественная идея, что было бы гораздо лучше эксплоатировать жителей Индіи непосредственно и дѣлать эти бумажныя ткани въ самой Индіи, вмѣсто того, чтобы ввозить ихъ ежегодно изъ Англіи на пять-шести милліоновъ франковъ.

*

Сначала эту затѣю постигъ рядъ неудачъ. Индійскіе ткачи,—художники своего дѣла,—не могли приспособиться къ фабричнымъ порядкамъ. Машины, отправленныя изъ Ливерпуля, оказались плохими; нужно было также имѣть въ виду климатъ, приспособиться къ новымъ условіямъ; все это въ настоящее время сдѣлано, и англійская Индія становится все болѣе и болѣе грозной соперницей для мануфактуръ метрополіи.

Въ настоящее время она имѣетъ 80 хлопчатобумажныхъ мануфактуръ, на которыхъ занято около 60,000 рабочихъ, и въ 1885 году они выдѣлали болѣе 1,450,000 метрическихъ тоннъ хлопчатобумажныхъ тканей. Мануфактуры эти вывозятъ каждый годъ въ Китай, въ голландскую Индію, въ Африку на 100 почти милліоновъ франковъ этой самой бѣлой хлопчатой бумаги, которую считали за спеціальность Англіи. И въ то время, какъ англійскіе рабочіе гуляютъ безъ дѣла и впадаютъ въ нищету, индійскія женщины, получая по 60 сантимовъ въ день, изготовляютъ на машинахъ бумажныя ткани, продаваемыя въ портахъ Дальняго Востока.

Однимъ словомъ, не далекъ день,—и интеллигентные фабриканты это знаютъ,—когда не будутъ знать, что дѣлать съ «руками», которыя занимались въ Англіи ткачествомъ бумажныхъ матерій для вывоза. Это еще не все. Очень серьезныя изслѣдованія показываютъ, что черезъ десять лѣтъ Индія не будетъ покупать у Англіи ни одной тонны желѣза. Первыя затрудненія при употребленіи индійскаго угля и индійскаго желѣза были преодолѣны, и фабрики, соперницы англійскихъ фабрикъ, воздвигаются уже на берегахъ Индійскаго океана.

Колонія, конкурирующая съ метрополіей *своими мануфактурными произведеніями,* вотъ рѣшающее явленіе экономіи девятнадцатаго вѣка.

И почему бы колоніи не конкурировать? Чего ей не хватаетъ? Капитала? Но капиталъ стремится всюду туда, гдѣ имѣются бѣдняки, которыхъ можно эксплоатировать.—Знанія? Но знаніе не знаетъ національныхъ границъ. Техническихъ познаній у рабочихъ?—Но развѣ индійскій рабочій глупѣе тѣхъ 92,000 мальчиковъ и дѣвочекъ,—моложе пятнадцати лѣтъ,—которые въ настоящую минуту работаютъ на англійскихъ прядильно-ткацкихъ мануфактурахъ?

II.

Бросивъ бѣглый взглядъ на національныя промышленности, очень любопытно сдѣлать такой же обзоръ по спеціальнымъ промышленностямъ.

Возьмемъ, напримѣръ, шелкъ, бывшій въ началѣ XIX столѣтія произведеніемъ исключительно французскимъ. Извѣстно, какъ Ліонъ сдѣлался центромъ шелковой промышленности, причемъ шелкъ сначала собирали на югѣ Франціи, но мало по малу стали его требовать изъ Италіи, Испаніи, Австріи, Кавказа, Японіи, для выдѣлки изъ него тканей. На пять милліоновъ килограммовъ сырца, превращенныхъ въ ткани въ ліонскомъ округѣ въ 1875 году, было только 400,000 килограммовъ французскаго шелка.

Но такъ какъ Ліонъ работалъ съ ввозимымъ шелкомъ, то отчего бы Швейцаріи, Германіи, Россіи не подражать ему? Тканье шелка развилось мало по малу въ деревняхъ цюрихскаго кантона. Базель дѣлается крупнымъ центромъ шелковаго производства. Кавказская администрація пригласила женщинъ изъ Марселя и рабочихъ изъ Ліона пріѣхать обучать грузинъ усовершенствованной культурѣ шелковичнаго червя и кавказскихъ крестьянъ искусству превращать шелкъ въ матерію. Австрія стала имъ подражать. Германія, при помощи ліонскихъ рабочихъ, воздвигла огромныя мастерскія шелковыхъ издѣлій. Соединенные Штаты устроили то же въ Патерсонѣ...

И въ настоящее время шелковая промышленность—не французская уже болѣе промышленность. Шелковыя издѣлія дѣлаются въ Германіи, Австріи, Соединенныхъ Штатахъ, Англіи. Кавказскіе крестьяне работаютъ по зимамъ фуляры при такой платѣ, при которой ліонскіе ткачи умерли бы съ голоду. Италія посылаетъ свои шелковыя издѣлія во Францію, и Ліонъ, вывозившій въ 1870—1874 годахъ на 460 милліоновъ франковъ, отправляетъ теперь только на 233 милліона. Скоро онъ будетъ посылать за границу только матеріи высшаго качества или какія-нибудь новости, чтобъ служить моделями англичанамъ, русскимъ, японцамъ.

То же можно сказать и о всякой промышленности другого рода. Бельгія уже лишилась своей суконной монополіи. Сукно

выдѣлываютъ уже въ Германіи, Россіи, Австріи, Соединенныхъ Штатахъ. Швейцарія и французская Юра не имѣютъ уже болѣе часовой монополіи; теперь часы дѣлаютъ вездѣ. Шотландія не рафинируетъ болѣе сахара для Россіи; русскій сахаръ вывозятъ въ Англію. Италія, хотя и не имѣетъ ни желѣза, ни каменнаго угля, сама строитъ свои броненосцы и машины для своихъ пароходовъ. Химическая промышленность уже болѣе не монополія Англіи; сѣрную кислоту и соду дѣлаютъ вездѣ. Разнаго рода машины, изготовляемыя въ окрестностяхъ Цюриха, обратили на себя вниманіе на послѣдней всемірной выставкѣ; Швейцарія, гдѣ нѣтъ ни каменнаго угля, ни желѣза, а есть только прекрасныя техническія школы, дѣлаетъ машины лучше и дешевле Англіи,—вотъ что осталось отъ теоріи обмѣна.

Такимъ образомъ, тенденція промышленности, какъ и всего другого, это—децентрализація.

Всякая нація находитъ выгоднымъ соединять у себя земледѣліе съ наивозможно большимъ разнообразіемъ фабрикъ и мануфактуръ. Спеціализація, о которой намъ говорили экономисты, годилась, чтобъ обогатить нѣсколькихъ капиталистовъ, но она не имѣетъ никакого смысла для существованія: напротивъ, выгодно, чтобы всякая страна, всякій географическій бассейнъ могъ воздѣлывать для себя хлѣбъ и овощи и выдѣлывать у себя всѣ потребляемыя ею мануфактурныя произведенія. Это разнообразіе есть лучшій залогъ полнаго развитія производства посредствомъ взаимнаго содѣйствія и содѣйствія каждаго изъ элементовъ прогресса, тогда какъ спеціализація— это остановка прогресса.

Земледѣліе можетъ процвѣтать только рядомъ съ фабриками. Какъ только появляется одна какая нибудь фабрика, то безчисленное множество всякаго рода фабрикъ *должны* около нея возникнуть, чтобы, взаимно поддерживаясь и возбуждая одна другую своими изобрѣтеніями,—процвѣтать вмѣстѣ.

III.

Безумно, въ самомъ дѣлѣ, вывозить зерновой хлѣбъ и ввозить муку, вывозить шерсть и ввозить сукно, вывозить желѣзо и ввозить машины, не только потому, что эти перевозки сопряжены съ безполезными тратами, но въ особенности

потому, что страна, не имѣющая развитой промышленности, будетъ неизбѣжно отсталой въ земледѣліи, потому, что страна, не имѣющая большихъ заводовъ для выдѣлки стали, будетъ позади и во всѣхъ прочихъ отрасляхъ промышленности, потому, что, наконецъ, множество промышленныхъ и техническихъ способностей остаются безъ употребленія.

Въ мірѣ производства теперь все взаимно связано. Воздѣлываніе земли невозможно болѣе безъ машинъ, безъ искусственнаго орошенія, безъ желѣзныхъ дорогъ, безъ заводовъ, выдѣлывающихъ искусственныя удобренія. И для того, чтобы имѣть эти машины, приспособленныя къ мѣстнымъ условіямъ, эти желѣзныя дороги, эти оросительныя сооруженія и проч. и проч., надо, чтобы развился извѣстный изобрѣтательный духъ, извѣстная техническая ловкость, которые не могутъ даже показаться на свѣтъ, пока заступъ и лемехъ остаются единственными земледѣльческими инструментами.

Чтобы поле было хорошо обработано, чтобы оно давало чудесные урожаи, которые человѣкъ имѣетъ право отъ него требовать, нужно, чтобы фабрика и мануфактура,—много фабрикъ и мануфактуръ,—дымились по близости.

Разнообразіе занятій, разнообразіе способностей, отсюда возникающее, все это,—сведенное къ одному цѣлому въ виду общей цѣли,—вотъ истинная сила прогресса.

Теперь, представимъ себѣ городъ, территорію,—обширную или нѣтъ, все равно,—дѣлающую свои первые шаги по пути соціальной революціи.

«Ничего не измѣнится», не разъ намъ говорили.—«Будутъ экспропріированы мастерскія, фабрики, ихъ провозгласятъ національной или общинной собственностью, и каждый возвратится къ своему обычному труду. И революція будетъ сдѣлана».

Ну, нѣтъ, соціальная революція не сдѣлается такъ просто.

Мы уже говорили: пусть завтра разразится революція въ Парижѣ, Ліонѣ или въ какомъ нибудь другомъ городѣ, пусть завтра наложатъ руку въ Парижѣ или гдѣ бы то ни было на фабрики, дома или банкъ,—все современное производство должно будетъ измѣнить свой видъ отъ этого простого факта.

Международная торговля остановится, а равно иностранный подвозъ хлѣба; обращеніе товаровъ, жизненныхъ припасовъ будетъ парализовано. И возставшіе городъ или терри-

торія должны будутъ, чтобы быть въ состояніи удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ, преобразовать сверху до низу все производство. Если имъ это не удастся—смерть. Если же удастся, то это—революція во *всей* экономической жизни страны.

Съ уменьшеніемъ подвоза жизненныхъ припасовъ и увеличеніемъ потребленія, три милліона французовъ, работающихъ на вывозъ, должны будутъ остаться безъ дѣла; множество предметовъ, которые въ настоящее время получаются изъ дальнихъ или сосѣднихъ странъ, не будутъ получаться; производство предметовъ роскоши временно остановится,—что станутъ тогда дѣлать обыватели, чтобы обезпечить себѣ пропитаніе въ теченіе шести мѣсяцевъ?

Очевидно, что, когда хлѣбные магазины опустѣютъ, огромное большинство обратится къ землѣ, стараясь обезпечить себѣ пропитаніе. Надо будетъ воздѣлывать землю, надо будетъ сочетать въ самомъ Парижѣ и его окрестностяхъ земледѣліе съ промышленностью, оставить множество мелкихъ ремеслъ по изготовленію предметовъ роскоши, и подумать о самомъ безотлагательномъ, о хлѣбѣ.

Граждане вынуждены будутъ сдѣлаться земледѣльцами, не на манеръ крестьянина, надрывающагося надъ плугомъ, чтобы едва собрать себѣ пищу на годъ, но слѣдуя принципамъ интенсивной культуры, огородной, примѣненной въ большихъ размѣрахъ при посредствѣ лучшихъ машинъ, изобрѣтенныхъ человѣкомъ, и тѣхъ, которыя онъ еще можетъ изобрѣсти. Будутъ воздѣлывать землю, но не какъ Кантальское [1]) вьючное животное,—ювелиръ изъ Тампля [2]) къ тому же отказался бы отъ этого,—преобразуютъ культуру, не черезъ десять лѣтъ, а тотчасъ, среди революціонной борьбы, подъ опасеніемъ пасть передъ непріятелемъ.

Нужно будетъ сдѣлать это, какъ существамъ разумнымъ, при помощи науки, организуясь въ веселыя компаніи для пріятнаго труда, подобно тѣмъ, которыя сто лѣтъ тому назадъ, устраивали на Марсовомъ полѣ праздникъ Федераціи,—для труда, полнаго удовольствій, когда онъ не продолжается чрез-

[1]) Канталь—гористый массивъ въ Оверни.

А. Т.

[2]) Тампль—часть Парижа.

А. Т.

мѣрно, когда онъ научнымъ образомъ организованъ, когда человѣкъ улучшаетъ и изобрѣтаетъ инструменты и когда онъ сознаетъ себя полезнымъ членомъ сообщества.

Займутся земледѣліемъ, но будутъ вынуждены также заняться производствомъ множества предметовъ, которые мы получаемъ обыкновенно изъ-за границы. Но не забудемъ, что для жителей возставшей территоріи «за границей» будетъ все то, что не послѣдовало за ея революціей. Въ 1793 и въ 1871 году для возставшаго Парижа «за границей» была уже провинція, у самыхъ воротъ столицы. Тройскій [1]) скупщикъ морилъ голодомъ парижскихъ санкюлотовъ такъ-же и даже больше, чѣмъ нѣмецкая орда, приведенная на французскую землю версальскими заговорщиками. Надо будетъ обойтись безъ этого иностранца. И обойдутся. Франція изобрѣла свекловичный сахаръ, когда сталъ ощущаться недостатокъ въ тростниковомъ сахарѣ, по случаю блокады континента. Парижъ нашелъ селитру въ своихъ погребахъ, когда ее нельзя было ни откуда подвести. Неужели мы будемъ ниже нашихъ дѣдовъ, едва лепетавшихъ первыя слова науки?

Дѣло въ томъ, что революція есть болѣе, чѣмъ разрушеніе какого нибудь строя, это—пробужденіе человѣческаго ума, удесятереніе, увеличеніе во сто кратъ изобрѣтательныхъ способностей; это—заря новой науки, науки Лапласа, Ламарка, Лавуазье! Это—революція въ умахъ еще болѣе, чѣмъ въ учрежденіяхъ. И намъ говорятъ о возвращеніи въ мастерскую, какъ будто дѣло идетъ о возвращеніи домой, послѣ прогулки въ фонтэньблоскій лѣсъ!

Стоитъ только коснуться до буржуазной собственности, и уже является необходимость преобразовать сверху до низу всю экономическую жизнь, въ мастерской, во дворѣ для строительныхъ работъ, на фабрикѣ.

И революція это сдѣлаетъ. Пусть Парижъ, находящійся въ состояніи соціальной революціи, будетъ изолированъ только одинъ или два года, отъ всего міра сообщниками буржуазнаго строя! И эти милліоны умовъ, не притупленныхъ еще къ счастью большею фабрикою, этотъ городъ мелкихъ ремеслъ, возбуждающихъ изобрѣтательный духъ, покажутъ міру, на что

[1]) Трой, прежняя столица Шампани.

А. Т.

способенъ умъ человѣческій, не требуя отъ вселенной ничего, кромѣ двигательной силы солнца, которое ее освѣщаетъ, вѣтра, который выметаетъ наши нечистоты, и силъ, дѣйствующихъ въ землѣ, которую мы попираемъ ногами.

Тогда увидятъ, что̀ могутъ сдѣлать скопленіе на одномъ пунктѣ земного шара такого большого разнообразія взаимно дополняющихъ ремеслъ и живительный духъ революціи для того, чтобы прокормить, одѣть, пріютить и снабдить всевозможными предметами роскоши два милліона интеллигентныхъ людей.

И для этого вовсе нѣтъ надобности фантазировать. Того, что уже извѣстно, того, что было уже испробовано и признано практичнымъ, достаточно, чтобы все это выполнить; необходимо лишь условіе, чтобы смѣлое дуновеніе революціи, самопроизвольный взрывъ народныхъ массъ, оплодотворялъ бы, оживлялъ собою все.

Земледѣліе.

I.

Часто упрекали политическую экономію въ томъ, что она всѣ свои выводы дѣлаетъ изъ того, несомнѣнно ложнаго, принципа, будто-бы единственная побудительная сила, способная понудить человѣка увеличить свою производительность, есть узко понятый личный интересъ.

Упрекъ вполнѣ справедливый, настолько справедливый, что эпохами великихъ промышленныхъ открытій и истинныхъ успѣховъ въ промышленности были именно тѣ, когда мечтали объ общемъ благѣ, когда менѣе всего заботились о личномъ обогащеніи. Великіе изслѣдователи и великіе изобрѣтатели думали въ особенности объ освобожденіи человѣчества, и еслибы Уатты, Стефенсоны, Жаккары и пр. могли только предвидѣть, къ какой нищетѣ приведутъ рабочаго ихъ безсонныя ночи, то они, вѣроятно, сожгли бы свои проекты, разбили бы свои модели.

Другой принципъ, также проникающій политическую экономію, тоже совершенно ложенъ; это—подразумѣваемое допущеніе, общее почти всѣмъ экономистамъ, что хотя перепроизводство и нерѣдко случается въ извѣстныхъ отрасляхъ промышленности, однако общество никогда не будетъ располагать достаточнымъ количествомъ продуктовъ для удовлетворенія потребностей всѣхъ, и что поэтому никогда не настанетъ такой моментъ, когда никто не былъ бы вынужденъ продавать свою рабочую силу въ обмѣнъ на заработную плату. Это подразумѣваемое допущеніе лежитъ въ основаніи всѣхъ теорій, всѣхъ якобы «законовъ», возвѣщаемыхъ экономистами.

И однакоже безспорно, разъ какая нибудь группа цивилизованныхъ людей спроситъ себя, каковы потребности всѣхъ и

каковы средства для удовлетворенія ихъ, она убѣдится, что настоящая промышленность и земледѣліе располагаютъ уже достаточными средствами, чтобы широко удовлетворить всѣ потребности, при условіи сумѣть употребить эти средства на удовлетвореніе дѣйствительныхъ потребностей.

Что это вѣрно для промышленности, этого никто не станетъ оспаривать. Достаточно, въ самомъ дѣлѣ, изучить въ большихъ промышленныхъ заведеніяхъ существующіе уже процессы при добыванія каменнаго угля и рудъ, добычи и выдѣлки стали, фабрикаціи того, что служитъ для одежды, и пр., чтобъ увидѣть, что относительно продуктовъ нашихъ мануфактуръ, фабрикъ, рудниковъ въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Мы могли бы уже теперь учетверить наше производство и еще съэкономить на трудѣ.

Но мы идемъ далѣе. Мы утверждаемъ, что и о земледѣліи можно сказать то же самое, что и о промышленности: хлѣбопашецъ, какъ и мануфактуристъ, *обладаетъ уже* средствами учетверить, если не удесятерить, свое производство, и онъ будетъ въ состояніи это сдѣлать, какъ только онъ почувствуетъ въ томъ надобность и займется общественной организаціей труда, вмѣсто существующей капиталистической организаціи.

Каждый разъ, какъ говорятъ о земледѣліи, всегда представляютъ себѣ крестьянина, согнувшагося надъ плугомъ, разбрасывающаго на удачу по землѣ дурно сортированный хлѣбъ и ожидающаго въ томленіи, какой принесетъ ему лѣто урожай— хорошій или плохой. Представляютъ семью, работающую съ утра до вечера, получающую въ вознагражденіе плохую постель, сухой хлѣбъ и кислое питье. Словомъ, представляютъ дикаго звѣря Лабрюйера.

И для этого человѣка, принужденнаго жить въ нищетѣ, нужно, говорятъ, самое большее, облегченіе податей и уменьшеніе арендной платы. Но никто даже не можетъ себѣ представить хлѣбопашца, выпрямившагося наконецъ, имѣющаго досугъ и производящаго втеченіе небольшого количества часовъ въ день достаточно, чтобы накормить не только свою семью, но и еще, по меньшей мѣрѣ, сто человѣкъ. Въ самыхъ радужныхъ своихъ мечтаніяхъ о будущемъ, соціалисты не смѣютъ итти дальше крупной американской культуры, которая, въ сущности, представляетъ лишь младенческое состояніе земледѣлія.

Современный земледѣлецъ питаетъ идеи болѣе широкія, по-

пятія гораздо болѣе грандіозныя. Ему нужна только часть гектара, чтобы выростить всю растительную пищу для семьи; чтобы прокормить двадцать пять штукъ рогатаго скота, ему нужно мѣста не болѣе, чѣмъ сколько нужно было прежде, чтобъ прокормить одну скотину. Онъ хочетъ выучиться *дѣлать* почву, не признавать временъ года и климата, нагрѣвать воздухъ и землю около молодого растенія,—словомъ, производить на на одномъ гектарѣ то, что прежде не удавалось собрать съ пятидесяти гектаровъ, производить безъ чрезмѣрной усталости и значительно сокративъ количество требуемаго труда. Онъ утверждаетъ, что въ состояніи будетъ съ избыткомъ производить продукты, необходимые для прокормленія всѣхъ, и пользоваться при этомъ только тѣмъ трудомъ, который будетъ предоставленъ съ удовольствіемъ и съ радостью.

Вотъ *современная* тенденція сельскаго хозяйства.

Въ то время, какъ ученые, руководимые Либихомъ, творцомъ химической теоріи сельскаго хозяйства, очень часто шли ложнымъ путемъ въ своихъ теоретическихъ увлеченіяхъ, безграмотные земледѣльцы открыли новый путь человѣчеству къ благоденствію. Парижскіе, тройскіе, руанскіе огородники, англійскіе садовники, фламандскіе фермеры, хлѣбопашцы, на Джерсеѣ, Гернсеѣ и островахъ Сцилли открыли намъ такіе широкіе горизонты, что глазъ не рѣшается ихъ обнять.

Въ то время, какъ крестьянская семья должна имѣть, по крайней мѣрѣ, семь или восемь гектаровъ, чтобы жить произведеніями земли (а извѣстно, какъ живутъ крестьяне),—нельзя уже болѣе сказать, какая минимальная площадь земли необходима, чтобъ дать одной семьѣ все, что можно извлечь изъ земли,—необходимаго и не необходимаго,—воздѣлывая ее согласно пріемамъ интенсивной культуры. Каждый день съуживаетъ эти границы. И если бы насъ спросили, сколько лицъ можетъ безбѣдно жить на одномъ квадратномъ льё, не пользуясь совсѣмъ привозными со стороны земледѣльческими продуктами, намъ было бы затруднительно отвѣчать на этотъ вопросъ. Число это быстро растетъ, пропорціонально успѣхамъ сельскаго хозяйства.

Десять лѣтъ тому назадъ, можно уже было сказать, что населеніе въ сто милліоновъ человѣкъ могло бы прекрасно жить произведеніями французской территоріи, ничего не ввозя. Но въ настоящее время, видя только что достигнутые успѣхи, какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, и любуясь новыми откры-

вающимися предъ нами горизонтами, мы скажемъ, что, воздѣлывая землю, *какъ ее воздѣлываютъ уже во многихъ мѣстахъ и даже на тощихъ почвахъ*, сто милліоновъ жителей на пятьдесятъ милліоновъ гектаровъ французской земли будетъ еще очень слабой пропорціей того количества, какое эта земля можетъ прокормить. Населеніе будетъ возрастать тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе человѣкъ будетъ дерзать требовать отъ земли.

Во всякомъ случаѣ, можно считать,—мы сейчасъ это увидимъ,—*вполнѣ доказаннымъ*, что если Парижъ и два департамента Сены и Сены-и-Уазы, съорганизуются завтра въ анархистическую общину, въ которой всѣ будутъ работать руками, и если весь міръ откажется послать имъ хотя одну четверть пшеницы, хотя одну голову скота, одну корзину плодовъ, предоставивъ имъ лишь только территорію двухъ департаментовъ,— то они будутъ въ состояніи произвести сами не только необходимые имъ хлѣбъ, мясо и овощи, но также всѣ дорогіе плоды въ количествѣ достаточномъ для городского и сельскаго населенія.

И мы утверждаемъ, кромѣ того, что весь расходъ человѣческаго труда будетъ гораздо *меньше* того количества, которое затрачивается въ настоящее время на производство хлѣба, нужнаго для прокормленія этого населенія хлѣбомъ, въ Оверни и въ Россіи, интенсивными культурами вездѣ понемножку на производство овощей и, труда затрачиваемаго на югѣ Франціи на производство плодовъ.

Очевидно, впрочемъ, что мы никоимъ образомъ не требуемъ, чтобы былъ упраздненъ *всякій* обмѣнъ и чтобы каждый округъ производилъ все то, что растетъ въ его климатѣ только при болѣе или менѣе искусственной культурѣ. Мы только желаемъ выяснить, что теорія обмѣна, какъ излагаютъ ее профессора въ настоящее время, чрезвычайно преувеличена; что многіе изъ обмѣновъ безполезны и даже вредны. Мы утверждаемъ, кромѣ того, что никогда не отдавали себѣ отчета о трудѣ, затраченномъ виноградарями юга Франціи на воздѣлываніе винограда, или русскими, или венгерскими крестьянами на воздѣлываніе хлѣба при всемъ плодородіи ихъ луговъ и полей. При современныхъ пріемахъ экстенсивной культуры, они задаютъ себѣ гораздо болѣе мучительную работу, чѣмъ это необходимо, чтобы добыть тѣ же самые продукты при помощи интенсивной культуры, даже въ климатахъ гораздо менѣе благопріятныхъ и на почвѣ менѣе богатой отъ природы.

II.

Намъ невозможно привести здѣсь той массы фактовъ, на которыхъ мы основываемъ свои положенія, а потому мы вынуждены отослать читателей за болѣе полными свѣдѣніями къ статьямъ, которыя мы напечатали на англійскомъ языкѣ [1]). Но мы предлагаемъ, и очень серьезно, тѣмъ, которые интересуются этимъ вопросомъ, прочесть нѣсколько превосходныхъ сочиненій, напечатанныхъ во Франціи и указанныхъ въ примѣчаніи. [2]).

Что же касается до жителей большихъ городовъ, которые еще не имѣютъ никакого понятія о томъ, чѣмъ можетъ быть сельское хозяйство, то мы имъ совѣтуемъ пройтись по окрестнымъ селамъ и поприсмотрѣться къ культурѣ.

Пусть они понаблюдаютъ, поговорятъ съ огородниками, и цѣлый новый міръ предстанетъ передъ ними. Они въ состояніи будутъ тогда представить себѣ, чѣмъ станетъ европейская культура въ XX столѣтіи, они поймутъ, какой силой будетъ вооружена соціальная революція, когда узнаютъ секретъ, какъ получить отъ земли все то, что отъ нея будутъ требовать.

Нѣсколькихъ фактовъ будетъ достаточно, чтобъ показать, что наши положенія нисколько не преувеличены. Мы хотимъ только предпослать имъ одно общее замѣчаніе.

Извѣстно, въ какихъ жалкихъ условіяхъ находится сельское хозяйство въ Европѣ. Если хлѣбопашца не успѣлъ обобрать землевладѣлецъ, то его обираетъ государство. Если же государство беретъ умѣренно, то заимодавецъ, порабощающій его

---

1) Замѣтимъ, что когда наши положенія были напечатаны въ Англіи, то они не встрѣтили ни малѣйшаго возраженія. Они были подтверждены и даже развиты далѣе однимъ садоводомъ-практикомъ, редакторомъ *Журнала Садоводства*. Мы увѣрены, что и французскіе огородники удостовѣрятъ, что мы правы.

2) См. „Répartition métrique des impôts“ par A. Toubeau. 2 vol., publiés par quillaumin, en 1880. Мы совсѣмъ не раздѣляемъ заключеній Тубо, но это настоящая энциклопедія, съ указаніемъ источниковъ по вопросу о томъ, что земля можетъ дать.—„La culture maraichère“, par M. Pome. Paris. 1869.—„Le potager gressent“. Paris. 1885, превосходное практическое руководство.—„Physiologie et culture du blé“, par Risler. Paris. 1886.—„Le blé, sa culture intensive et extensive“, par Leconteux. Paris. 1883.—„La cité chinoise“ par Eugène Simon. „Le dictionaire d'agriculture“.—„The Rothamstead experiments“, by Wm Fream. London 1888 (культура безъ унаваживанія, и пр.).—„Nineteenth Century“, іюнь 1888 года и „Forum“, августъ за 1890 г.

посредствомъ безсрочныхъ векселей, вскорѣ превращаетъ его въ простаго арендатора земли, принадлежащей въ дѣйствительности финансовой компаніи.

Землевладѣлецъ, государство и банкиръ обираютъ, слѣдовательно, хлѣбопашца при помощи арендной платы, налога и процентовъ. Сумма этихъ платежей не одинакова во всѣхъ странахъ, но никогда она не падаетъ ниже четверти, очень часто ниже половины валового дохода. Во Франціи земледѣліе платитъ государству 44 процента валового дохода.

Болѣе того. Доли землевладѣльца и государства все возрастаютъ. Какъ только, благодаря чудесамъ труда, изобрѣтательности, инниціативы, земледѣлецъ начинаетъ получать болѣе обильные урожаи, такъ подать, которую онъ долженъ вносить собственнику, государству и банкиру, пропорціонально возрастаетъ. Если онъ удвоитъ число гектолитровъ, собираемыхъ на гектарѣ, арендная плата удваивается, а *слѣдовательно* и налоги, которые государство не замедлитъ поднять еще, если цѣны будутъ подниматься. И такъ далѣе. Короче говоря, вездѣ хлѣбопашецъ работаетъ отъ 12 до 16 часовъ въ день, вездѣ эти три ястреба отнимаютъ у него все, что онъ можетъ отложить въ сторону, вездѣ они лишаютъ его всего того, что могло бы улучшить его хозяйство. Вотъ почему сельское хозяйство не двигается впередъ.

Только при совершенно исключительныхъ условіяхъ,—вслѣдствіе ссоры между тремя вампирами, благодаря умственному напряженію или чрезмѣрной работѣ,—онъ можетъ сдѣлать шагъ впередъ. Но мы еще ничего не сказали о подати, которую каждый хлѣбопашецъ платитъ промышленнику. Каждая машина, каждый заступъ, каждая бочка химическаго удобренія продаются ему втрое или вчетверо дороже, чѣмъ стоятъ. Не забудемъ также посредника, взимающаго львиную долю съ произведеній земли.

Вотъ почему втеченіе всего этого вѣка изобрѣтеній и прогресса сельское хозяйство совершенствовалось только въ очень ограниченныхъ предѣлахъ, случайно и скачками.

По счастью, всегда были небольшія полоски, пренебрегаемыя втеченіе нѣкотораго времени ястребами, и тутъ мы видимъ, что интенсивное сельское хозяйство можетъ дать человѣчеству. Приведемъ тому нѣсколько примѣровъ.

Въ американскихъ степяхъ (которыя, впрочемъ, даютъ только небольшіе урожаи въ 7 и до 12 гектолитровъ съ гек-

тара и притомъ періодическія засухи тамъ часто вредятъ урожаямъ) пятьсотъ человѣкъ, работающіе только втеченіе 8 мѣсяцевъ въ годъ, производятъ годовое пропитаніе на 50.000 человѣкъ. Такой результатъ получается здѣсь благодаря чрезвычайной экономіи труда. Въ этихъ обширныхъ степяхъ, которыхъ взоръ не можетъ окинуть, пахаціе, жатва, молотьба устроены почти по военному, безъ ненужныхъ шатаній взадъ и впередъ, безъ потери времени. Все дѣлается какъ на парадѣ.

Это—обширная культура, культура экстенсивная, такая, которая беретъ землю, какъ она выходитъ изъ рукъ природы, не стараясь ее улучшить. Послѣ того, какъ она дастъ, что можетъ, ее бросаютъ и отправляются искать въ другое мѣсто цѣлину, чтобы и ее истощить въ свою очередь.

Но есть еще культура интенсивная, къ которой на помощь приходятъ машины и будутъ все больше и больше приходить: она имѣетъ цѣлью *хорошо* воздѣлывать ограниченное пространство, унаваживать и улучшать его, сосредоточивать трудъ и получать наивозможно большій сборъ. Этотъ родъ культуры распространяется съ каждымъ годомъ и въ то время, какъ хозяева довольствуются среднимъ урожаемъ въ 10—12 гектолитровъ при обычной культурѣ на югѣ Франціи и на плодородныхъ земляхъ американскаго запада, на сѣверѣ Франціи ежегодно собираютъ 36 и даже до 50, а иногда и до 56 гектолитровъ. Годовое прокормленіе одного человѣка получается такимъ образомъ на пространствѣ въ одну двѣнадцатую части гектара.

И чѣмъ большую интенсивность придаютъ культурѣ, тѣмъ *менѣе* расходуютъ труда, чтобъ получить гектолитръ пшеницы. Машина замѣняетъ человѣка въ подготовительныхъ работахъ и производитъ разъ навсегда такія улучшенія почвы, какъ дренажъ или очистка земли отъ камней,—что позволяетъ удвоить урожаи на будущее время. Иногда одно только глубокое паханіе позволяетъ получать съ посредственной почвы превосходные урожаи изъ года въ годъ, никогда ея не унаваживая. Такъ поступали въ продолженіе двадцати лѣтъ въ Ротамстэдѣ, близъ Лондона.

Не будемъ фантазировать на сельско-хозяйственную тему. Остановимся на урожаѣ въ 40 гектолитровъ, который не требуетъ исключительной земли, но только раціональной культуры, и посмотримъ, что онъ означаетъ.

3.600.000 человѣкъ, которые населяютъ два департа-

мента,—Сены и Сены-и-Уазы,—потребляютъ въ годъ на пропитаніе немного менѣе 8 милліоновъ гектолитровъ зерноваго хлѣба, главнымъ образомъ пшеницы и ржи. По нашей гипотезѣ имъ, чтобы получить такой сборъ, нужно будетъ, слѣдовательно, воздѣлать 200.000 гектаровъ изъ 600.000, которыми они владѣютъ.

Очевидно, что они не станутъ обрабатывать ихъ заступомъ: на это потребовалось бы слишкомъ много времени (240 дней по 5 часовъ на гектаръ). Они улучшатъ землю разъ навсегда; они дренируютъ то, что должно быть дренировано; они сравняютъ то, что должно быть сравнено; они очистятъ землю отъ камней, еслибъ даже имъ пришлось затратить на эту подготовительную работу пять милліоновъ дней по 5 часовъ, то есть въ среднемъ по 25 дней на гектаръ.

Затѣмъ, они будутъ пахать паровымъ почво-углубителемъ, что составитъ 4 дня на гектаръ, и еще затратятъ 4 дня на паханіе двойнымъ плугомъ. Сѣмена они не станутъ брать на удачу, а очистятъ ихъ на паровой сортировкѣ. Они не станутъ разбрасывать сѣмена на всѣ четыре стороны, а произведутъ линейный посѣвъ машиной. И, со всѣмъ тѣмъ не потратятъ даже 25 дней по 5 часовъ на гектаръ, если трудъ будетъ совершаться при хорошихъ условіяхъ. Но пусть они втеченіе трехъ или четырехъ лѣтъ затратятъ 10 милліоновъ дней на хорошее хозяйство, а впослѣдствіи будутъ получать урожаи въ 40 и 50 гектолитровъ, затрачивая не болѣе половины этого времени.

Затратятъ, слѣдовательно, только пятнадцать милліоновъ дней, чтобы накормить все это населеніе въ 3.600.000 человѣкъ. И по свойству самыхъ работъ каждый человѣкъ могъ бы принять въ нихъ участіе; для этого не нужно имѣть стальныхъ мускуловъ и даже какой либо опытности въ занятіи земледѣліемъ. Инпціатива и общее распредѣленіе работъ будутъ исходить отъ тѣхъ, которые знаютъ, чего требуетъ земля. Что же касается самой работы, то не найдется настолько разслабленныхъ парижанина и парижанки, чтобы они не были способны, послѣ нѣсколькихъ часовъ ученья, наблюдать за машинами или содѣйствовать, каждый по силамъ своимъ, сельскому труду.

Да, какъ подумаешь, что въ настоящемъ хаосѣ есть, не считая неработающей шайки высокопоставленныхъ воровъ, около ста тысячъ людей разныхъ профессій, гуляющихъ безъ

работы, то убѣдишься, что *потерянной* силы при нашей настоящей организаціи было бы достаточно для добычи, при помощи раціональной культуры, хлѣба для 3 или 4 милліоновъ жителей двухъ департаментовъ.

Мы повторяемъ, это не беллетристика, мы не говорили еще о культурѣ по истинѣ интенсивной, которая даетъ еще болѣе удивительные результаты. Мы не основывали свои заключенія на результатахъ, полученныхъ въ три года г. Галлеттомъ, когда одно посаженное зерно произвело пучекъ съ болѣе чѣмъ 10.000 зернами, что позволяло бы, при надобности, добывать весь хлѣбъ для семьи въ 5 человѣкъ на пространствѣ въ сто квадратныхъ метровъ. Мы приняли, напротивъ, лишь то, что дѣлается многими фермерами во Франціи, Англіи, Бельгіи, во Фландріяхъ и пр.,—и то, что могло бы дѣлаться съ завтрашняго дня въ большомъ размѣрѣ съ опытностью и знаніемъ, уже пріобрѣтенными на практикѣ.

Но безъ революціи это не случится ни завтра, ни послѣ завтра, потому что владѣльцы земли и капитала не находятъ въ этомъ никакого интереса, а крестьяне, которымъ это было бы выгодно, не имѣютъ ни знанія, ни денегъ, ни времени, чтобы осуществить предварительныя необходимыя условія.

Современное общество не дозрѣло еще до этого. Но пусть парижане провозгласятъ анархистическую коммуну, и они къ этому неизбѣжно придутъ, потому что они не будутъ настолько глупы, чтобы продолжать дѣлать дорогія бездѣлушки (которыя Вѣна, Варшава и Берлинъ дѣлаютъ уже такъ-же хорошо) и подвергать себя опасности остаться безъ хлѣба.

Къ тому же земледѣльческій трудъ, при помощи машинъ, сдѣлается скоро самымъ привлекательнымъ и самымъ веселымъ изо всѣхъ занятій.

Довольно драгоцѣнныхъ бездѣлушекъ! Довольно кукольныхъ нарядовъ! Люди отправятся на поля, чтобы снова окрѣпнуть въ земледѣльческомъ трудѣ, чтобы набраться силы, впечатлѣній отъ природы, радостей жизни, которыя позабыты ими въ наемныхъ мастерскихъ парижскихъ окраинъ.

Въ средніе вѣка альпійскія пастбища болѣе, чѣмъ мушкеты, позволили швейцарцамъ освободиться отъ помѣщиковъ и королей. Новѣйшая агрономія позволитъ возставшему городу освободиться отъ объединившихся буржуазій.

III.

Мы видѣли, какъ три съ половиною милліона жителей двухъ департаментовъ (Сены и Сены-и-Уазы) получатъ вдоволь необходимаго имъ хлѣба, воздѣлывая только одну треть своей территоріи. Перейдемъ теперь къ скоту.

Англичане, которые ѣдятъ много мяса, потребляютъ въ среднемъ нѣсколько менѣе 100 килограммовъ на взрослаго человѣка въ годъ; предположимъ, что всѣ сорта потребляемаго мяса—говядина, это составитъ не много менѣе трети быка. Одинъ быкъ въ годъ на пять человѣкъ будетъ уже достаточной порціей. Для 3 съ половиною милліоновъ это составитъ годовое потребленіе въ 700.000 головъ скота.

А въ настоящее время при пастбищномъ скотоводствѣ нужно имѣть, по меньшей мѣрѣ, 2 милліона гектаровъ для прокормленія 660.000 головъ скота.

Однако при лугахъ, весьма умѣренно орошаемыхъ искусственнымъ образомъ (какъ это недавно сдѣлали на тысячахъ гектаровъ на юго-западѣ Франціи), достаточно уже 500.000 гектаровъ. Но если завести интенсивную культуру, разводить кормовую свеклу, то достаточно будетъ четверти этого пространства, то есть 125.000 гектаровъ. А если прибѣгнуть къ кукурузѣ и къ сохраненію ея въ ямахъ, какъ то дѣлаютъ арабы, то весь необходимый кормъ получается на пространствѣ 88.000 гектаровъ.

Въ окрестностяхъ Милана, гдѣ утилизируютъ воды городскихъ стоковъ для орошенія луговъ, получается на пространствѣ 9000 орошенныхъ гектаровъ кормъ для 4—6 штукъ рогатаго скота съ каждаго гектара, а на нѣкоторыхъ клочкахъ, находящихся въ благопріятныхъ условіяхъ, собрали до 45 тоннъ сѣна съ гектара, что составляетъ годовой кормъ для 9 молочныхъ коровъ. Три гектара на каждую голову и девять головъ крупнаго скота на гектаръ,—вотъ крайнія нормы для прокорма скота въ современномъ сельскомъ хозяйствѣ.

На островѣ Гернсеѣ, изъ всѣхъ 4000 воздѣланныхъ гектаровъ около половины (1900 гектаровъ) покрыты хлѣбными злаками и огородами, и только 2100 остаются подъ лугами; на 2100 гектарахъ прокармливается 1480 лошадей, 7260 го-

ловъ рогатаго скота, 900 овецъ и 4200 свиней, что составляетъ болѣе трехъ головъ скота на гектаръ, не считая лошадей, овецъ и свиней. Нѣтъ надобности прибавлять, что плодородіе почвы *создано* при помощи водорослей и химическихъ туковъ.

Возвращаясь къ нашимъ тремъ съ половиною милліонамъ жителей парижскаго населенія, мы видимъ, что пространство, необходимое для выращиванія скота, сокращается съ 2 милліоновъ гектаровъ до 88.000. Но не будемъ останавливаться на самыхъ низкихъ цифрахъ; возьмемъ цифры обыкновенной интенсивной культуры; прибавимъ щедро еще землю, необходимую для выращиванія мелкаго скота, который долженъ будетъ замѣстить часть рогатаго скота, и примемъ 160.000 гектаровъ на разведеніе скота, или же, если хотите, 200.000 изъ 410.000 гектаровъ, оставшихся свободными за отчисленіемъ необходимаго количества земли для снабженія населенія хлѣбомъ.

Будемъ щедры и положимъ пять милліоновъ дней на обработку этого пространства.

Такимъ образомъ, употребивъ втеченіе года двадцать милліоновъ рабочихъ дней, изъ коихъ половину на постоянныя улучшенія, мы будемъ обезпечены хлѣбомъ и мясомъ, не считая добавочнаго мяса, которое можно получить въ видѣ дичи, откормленныхъ свиней, зайцевъ и пр., не принимая во вниманіе, что населеніе, снабженное превосходными овощами и фруктами, будетъ потреблять гораздо меньше мяса, чѣмъ англичанинъ, пополняющій животной пищей свое скудное растительное меню. Сколько же это составитъ на одного человѣка двадцать милліоновъ дней по 5 часовъ?—А очень мало. Населеніе въ три съ половиною милліона должно имѣть, по меньшей мѣрѣ, 1.200.000 взрослыхъ мужчинъ, способныхъ работать, и столько же женщинъ. Итакъ, чтобъ обезпечить за всѣми хлѣбъ и мясо, потребуется, слѣдовательно, не больше 17 рабочихъ дней въ годъ со стороны каждаго мужчины. Прибавьте еще три милліона дней на молоко. Прибавьте еще столько же! И все мы не получимъ даже *25 дней по 5 часовъ! Всякій не прочь немного позабавиться въ полѣ,—чтобъ имѣть эти три главныхъ продукта: хлѣбъ, мясо и молоко;* эти три продукта, которые послѣ жилища составляютъ главную, ежедневную заботу девяти десятыхъ человѣчества.

Однако, мы, повторимъ это еще разъ, не занимаемся здѣсь беллетристикой. Мы разсказали то, что *есть,* то, что уже

дѣлается въ большихъ размѣрахъ, то, что уже подтверждено опытомъ въ крупномъ масштабѣ. Земледѣліе могло бы быть *съ завтрашняго дня* реорганизовано, еслибъ законы о собственности и общее невѣжество тому не препятствовали.

Въ тотъ день, когда Парижъ пойметъ, что знать, чѣмъ народъ питается и какъ онъ эту ѣду добываетъ, есть вопросъ общественнаго интереса; въ тотъ день, когда всѣ поймутъ, что этотъ вопросъ гораздо важнѣе, чѣмъ пренія въ парламентѣ или въ муниципальномъ совѣтѣ, въ этотъ день революція совершится. Парижъ захватитъ земли двухъ департаментовъ и начнетъ ихъ воздѣлывать. И тогда, послѣ того, какъ парижанинъ отдавалъ втеченіе всей своей жизни треть своего существованія на *покупку* пищи недостаточной и плохой, онъ станетъ производить ее самъ, подъ городскими стѣнами, въ оградѣ фортовъ (если только они еще будутъ существовать), втеченіе нѣсколькихъ часовъ здоровой и привлекательной работы.

Теперь перейдемъ къ плодамъ и овощамъ. Выѣдемъ изъ Парижа и посѣтимъ одно изъ заведеній огородной культуры, творящей въ нѣсколькихъ километрахъ отъ академіи чудеса, неизвѣстныя ученымъ экономистамъ. Остановимся, напримѣръ, у г. Понса, автора одного труда объ огородной культурѣ, который не дѣлаетъ тайны изъ того, что ему приноситъ земля, и пространно объ этомъ разсказалъ.

Г. Понсъ, а въ особенности его рабочіе работаютъ, какъ негры. Ихъ восемь человѣкъ, они обрабатываютъ немного болѣе гектара (1,1 гек.). Они, конечно, работаютъ отъ двѣнадцати до пятнадцати часовъ въ день, то есть втрое болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Еслибъ ихъ было двадцать четыре, то и тогда нельзя сказать, чтобы ихъ было слишкомъ много. На это г. Понсъ намъ, вѣроятно, отвѣтитъ, что такъ какъ онъ платитъ страшную сумму въ 2500 франковъ аренды и налоговъ за свои 11.000 квадратныхъ метровъ земли и 2500 франковъ за навозъ, покупаемый въ казармахъ, то онъ вынужденъ эксплоатировать. «Меня эксплоатируютъ и я вынужденъ эксплоатировать въ свою очередь»,—таковъ, вѣроятно, будетъ его отвѣтъ. Его обзаведеніе тоже стоило ему 30.000 франковъ, изъ которыхъ, конечно, болѣе половины пошло на подати тунеядствующимъ баронамъ промышленности. Его обзаведеніе, словомъ, представляетъ не болѣе 3000 рабочихъ дней,—вѣроятно, гораздо менѣе.

Но посмотримъ, какіе у него сборы: 10.000 килограммовъ моркови, 10.000 килограммовъ луку, редиса и другихъ мелкихъ овощей, 6000 кочней капусты, 3000 штукъ цвѣтной капусты, 5000 корзинъ баклажановъ, 5000 дюжинъ отборныхъ плодовъ, 154.000 штукъ салата, въ суммѣ 125.000 килограммовъ овощей и плодовъ съ одного гектара и одной десятой, съ площадки въ 110 метровъ въ длину и 100 въ ширину. Это составляетъ болѣе 110 тоннъ овощей съ гектара.

Но человѣкъ не ѣстъ болѣе 300 килограммовъ овощей и плодовъ въ годъ, и гектаръ огородника даетъ достаточно овощей и плодовъ, чтобы втеченіе года въ изобиліи снабжать ими столъ 350 взрослыхъ людей. Такимъ образомъ, 24 человѣка, занимаясь цѣлый годъ обработкою одного гектара земли, но работая не болѣе пяти часовъ въ день, выростятъ достаточно овощей и плодовъ на 350 взрослыхъ людей, что равняется, по крайней мѣрѣ, 500 индивидуумамъ.

Иначе говоря, работая по системѣ Понса,—а его результаты уже превзойдены,—350 взрослыхъ людей должны будутъ каждый затратить немного болѣе 100 часовъ въ годъ (103), чтобы получить овощей и плодовъ, сколько нужно 500 человѣкамъ.

Замѣтимъ, что подобное производство не исключеніе. Оно совершается подъ стѣнами Парижа, на пространствѣ 900 гектаровъ 5000 огородниками. Только эти огородники доведены до состоянія вьючныхъ животныхъ *арендной платой въ двѣ тысячи франковъ съ гектара въ среднемъ*.

Но не доказываютъ ли эти факты, которые каждый можетъ провѣрить, что 7000 гектаровъ (изъ 210.000, оставшихся еще у насъ) будутъ достаточны, чтобы собрать всевозможнаго рода овощи и сдѣлать хорошій запасъ плодовъ для трехъ съ половиною милліоновъ жителей нашихъ двухъ департаментовъ?

Что же касается до труда, необходимаго, чтобы произвести эти плоды и овощи, то онъ достигнетъ цифры въ 50 милліоновъ дней по пяти часовъ (около 50 дней на взрослаго мужчину), если мы за мѣрило возьмемъ трудъ огородниковъ. Но мы сейчасъ увидимъ, что это количество уменьшится, если прибѣгнуть къ пріемамъ, практикуемымъ на Джерсеѣ и Гернсеѣ. Мы только напомнимъ, что огородникъ долженъ потому такъ много работать, что онъ производитъ преимущественно первинки, высокая цѣна на которыя даетъ ему возможность расплачи-

ваться по баснословнымъ договорамъ, и что самые практикуемые имъ пріемы требуютъ болѣе труда, чѣмъ въ дѣйствительности нужно. Не имѣя средствъ дѣлать большіе расходы на обзаведеніе, вынужденный платить очень дорого за стекло, дерево, желѣзо и каменный уголь, онъ создаетъ искуственную теплоту при помощи навоза, между тѣмъ какъ ее можно имѣть дешевле, пользуясь каменнымъ углемъ и теплицей.

IV.

Огородники, сказали мы, вынуждены низвести себя до состоянія машинъ и отказаться отъ всякихъ радостей жизни, чтобы получать свои баснословные сборы. Но эти суровые труженики оказали человѣчеству громадную услугу, показавъ, что землю *дѣлаютъ*.

Они ее дѣлаютъ посредствомъ грядокъ изъ навоза, который раньше уже послужилъ для образованія теплоты, необходимой молодымъ растеніямъ и первинкамъ. Они дѣлаютъ землю въ такомъ большомъ количествѣ, что каждый годъ вынуждены ее частью продавать. Безъ того ихъ огороды поднимались бы каждый годъ на 2 или 3 сантиметра. Они ее такъ хорошо дѣлаютъ, что въ послѣднихъ договорахъ (Баррель въ Dictionnaire d'agriculture, въ статьѣ Maraichers, говоритъ объ этомъ) огородникъ выговариваетъ, что онъ *свою землю возьметъ съ собой*, когда будетъ покидать воздѣлываемый имъ клочокъ земли. Земля, увозимая на подводахъ вмѣстѣ съ мебелью и тепличными рамами,—вотъ отвѣтъ, который практическіе хлѣбопашцы дали на усиленныя старанія Рикардо представить ренту, какъ средство для уравненія естественныхъ выгодъ земли. «Каковъ человѣкъ, такова и земля»—вотъ любимая поговорка садовниковъ.

Однако, парижскіе и руанскіе огородники втрое больше утомляются, чѣмъ ихъ братья въ Гернсеѣ и Англіи, достигая однихъ и тѣхъ же результатовъ. Примѣняя промышленность къ земледѣлію, эти послѣдніе дѣлаютъ, кромѣ земли, еще климатъ.

Дѣйствительно, вся огородная культура основана на этихъ двухъ принципахъ:

1. Сѣять подъ рамами, выращивать молодыя растенія на

богатой почвѣ, на ограниченномъ пространствѣ, гдѣ можно было бы за ними хорошо ухаживать и пересаживать ихъ впослѣдствіи, когда они хорошо разовьютъ первые листики. Дѣлахъ, словомъ, то, что дѣлаютъ по отношенію къ животнымъ: ухаживать за ними въ молодомъ возрастѣ;

и 2. Чтобы сборы поспѣли заблаговременно, согрѣвать землю и воздухъ, покрывая растенія рамами или колпаками и производя въ почвѣ сильную теплоту при помощи броженія навоза.

Пересадка и температура болѣе высокая, чѣмъ температура наружнаго воздуха,—вотъ сущность огородной культуры, разъ только почва сдѣлана искусственно.

Какъ мы видѣли, первое изъ этихъ условій уже осуществлено и требуетъ только нѣкоторыхъ усовершенствованій въ подробностяхъ. А чтобъ осуществить второе условіе, нужно нагрѣвать воздухъ и землю, замѣнивъ навозъ горячей водой, текущей по чугуннымъ трубамъ, проложеннымъ въ землѣ подъ рамами или внутри теплицъ.

И это уже дѣлаютъ. Парижскій огородникъ, получавшій прежде теплоту отъ навоза, получаетъ ее теперь отъ *термосифона*. А англійскій садовникъ строитъ теплицу.

Въ прежнія времена теплица была роскошью богача. Ее предназначали для экзотическихъ и декоративныхъ растеній. Но въ настоящее время она становится общедоступною. Цѣлые гектары покрыты стекломъ на Джерсейскомъ и Гернсейскомъ островахъ, не считая тысячъ маленькихъ теплицъ, которыя можно видѣть на Гернсеѣ въ каждой фермѣ, въ каждомъ саду. Въ окрестностяхъ Лондона начинаютъ покрывать стекломъ цѣлыя поля, и тысячи маленькихъ теплицъ возникаютъ каждый годъ въ предмѣстьяхъ.

Онѣ бываютъ всякаго рода, отъ теплицы съ гранитными стѣнами до скромнаго закрытаго сарая изъ еловыхъ досокъ со стеклянной кровлей,—который, несмотря на капиталистическихъ піявокъ, стоитъ не болѣе 4 или 5 франковъ за квадратный метръ. Ихъ нагрѣваютъ или вовсе не нагрѣваютъ (одного крова достаточно, пока не имѣютъ въ виду выводить первинки) и выращиваютъ тамъ не виноградъ уже и тропическіе цвѣты, а картофель, морковь, горохъ и фасоль.

Такимъ образомъ человѣкъ освобождается отъ власти климата. Онъ избавляется отъ тяжелаго труда на грядкахъ, онъ

больше не покупаетъ навоза, цѣна котораго растетъ по мѣрѣ увеличенія спроса, и уменьшаетъ отчасти самый трудъ: семи или восьми человѣкъ достаточно, чтобы воздѣлывать гектаръ подъ стекломъ и чтобы получить такіе же результаты, какъ и у г. Понса. Въ Джерсеѣ семь человѣкъ, работающихъ менѣе 60 часовъ въ недѣлю, получаютъ на крошечныхъ пространствахъ сборы, которые прежде требовали нѣсколькихъ гектаровъ земли.

Можно бы было разсказать поразительныя подробности относительно этого предмета. Ограничимся однимъ только примѣромъ. Въ Джерсеѣ 34 человѣка чернорабочихъ и садовникъ, воздѣлывая немного болѣе 4 гектаровъ подъ стекломъ (положимъ, 70 человѣкъ, которые будутъ затрачивать на это только 5 часовъ въ день), получаютъ изъ году въ годъ слѣдующіе сборы: 25.000 килограммовъ винограда, созрѣвающаго къ 1-го мая, 80.000 килограммовъ баклажановъ, 30.000 килограммовъ картофеля въ апрѣлѣ, 6000 килограммовъ гороху и 2000 кил. фасоли, собираемой въ маѣ, то есть 143.000 кил. плодовъ и овощей, не считая второго сбора, очень значительнаго, не считая нѣкоторыхъ теплицъ и одной огромной любительской теплицы, а также сборы всевозможныхъ мелкихъ хозяйствъ на открытомъ воздухѣ, между теплицами.

Сто сорокъ три тонны плодовъ и первинокъ! есть чѣмъ сытно прокормить болѣе 1500 человѣкъ втеченіе цѣлаго года. И это требуетъ только 21.000 рабочихъ дней, то есть 210 часовъ въ годъ только для половины взрослыхъ.

Прибавимъ сюда еще добываніе около 1000 тоннъ угля (столько жгутъ въ этихъ теплицахъ, чтобъ согрѣть 4 гектара), а средняя добыча въ Англіи равна 3 тоннамъ въ десятичасовой день на человѣка, — это составитъ дополнительный трудъ изъ шести-семи часовъ въ годъ для каждаго изъ пятисотъ взрослыхъ.

Итакъ, если бы только половина взрослыхъ тратила по пятидесяти полудней въ годъ на культуру плодовъ и овощей *внѣ обычнаго сезона,* то всѣ могли бы ѣсть круглый годъ изысканные плоды и овощи до сыта, хотя бы ихъ приходилось выращивать только въ теплицахъ. Кромѣ того, они получали бы, въ видѣ второго сбора въ тѣхъ же самыхъ теплицахъ, большую часть обыкновенныхъ овощей, которые въ такихъ заведеніяхъ, какъ у Понса, требуютъ, какъ мы видѣли, пятидесяти рабочихъ дней.

Мы говорили о культурѣ дорогихъ растеній. Но мы уже сказали, что современная тенденція заключается въ томъ, чтобъ изъ теплицы сдѣлать простой огородъ подъ стекломъ. И когда теплицами пользуются въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, то получаютъ при чрезвычайно простыхъ стеклянныхъ защитахъ, слегка отапливаемыхъ втеченіе трехъ мѣсяцевъ, баснословные сборы овощей, напримѣръ, 450 гектолитровъ картофеля съ гектара, какъ первый сборъ въ концѣ апрѣля. Послѣ чего, удобривъ почву, выращиваютъ новые сборы, съ мая по конецъ октября, при температурѣ почти тропической, получающейся отъ защиты стекла.

Въ настоящее время, чтобы получить 450 гектолитровъ картофеля, нужно пахать каждый годъ пространство въ 20 гакторовъ или больше, сажать, а затѣмъ окучивать молодые всходы, выпалывать сорныя травы мотыкой и такъ далѣе. Извѣстно, сколько на это тратится труда. При стеклянной защитѣ будутъ, можетъ быть, тратить въ началѣ полъ-рабочаго дня на квадратный метръ. Но, покончивъ съ этой первоначальной работой, будутъ затѣмъ экономить половину, если не три четверти, дальнѣйшаго труда.

Вотъ *факты*, вотъ полученные результаты, провѣренные, хорошо извѣстные, которые каждый можетъ провѣрить, посѣтивъ описанныя хозяйства. И не достаточно ли уже одинхъ этихъ фактовъ, чтобы дать понятіе о томъ, что̀ человѣкъ можетъ получить отъ земли, если онъ съ ней обходится умно.

V.

Во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ мы основывались на прецедентахъ, существующихъ уже или отчасти осуществленныхъ. Интенсивная культура хозяйства, поля, орошаемыя водами городскихъ стоковъ, огородное садоводство, наконецъ, огородъ подъ стекломъ,—все это существуетъ. Какъ тридцать лѣтъ тому назадъ предвидѣлъ Леонсъ де Лавернь, тенденція современнаго сельскаго хозяйства заключается въ томъ, чтобъ уменьшать, насколько возможно, воздѣлываемое пространство, создавать землю и климатъ, сосредоточивать трудъ и соединять всѣ необходимыя для жизни растеній условія.

Эта тенденція обусловливается желаніемъ получить большія

деньги отъ продажи первинокъ. Но съ тѣхъ поръ какъ пріемы интенсивной культуры найдены, они входятъ во всеобщее употребленіе и распространяются на самые обыкновенные овощи, потому что они позволяютъ получать *больше* продуктовъ съ *меньшимъ* трудомъ и большей увѣренностью.

И въ самомъ дѣлѣ, изучивъ самыя обыкновенныя герисейскія стеклянныя защиты, мы утверждаемъ, что; если все принять въ расчетъ, то труда тратится гораздо менѣе, чтобы получить подъ стекломъ въ апрѣлѣ картофель, чѣмъ чтобы получить его сборъ тремя мѣсяцами позже въ открытомъ полѣ, копая въ пять разъ большее пространство, поливая и выпалывая сорныя травы и пр. Тутъ происходитъ то же самое, какъ съ инструментомъ или машиной. Употребляя усовершенствованные инструменты или машины, экономятъ на трудѣ, даже и тогда, когда нуженъ предварительный расходъ для покупки инструмента.

Намъ не достаетъ еще полныхъ цифръ относительно культуры обыкновенныхъ овощей подъ стекломъ. Эта культура—новѣйшаго происхожденія и ведется на маленькихъ пространствахъ. Но у насъ есть цифры относительно культуры, уже старой, насчитывающей тридцать слишкомъ лѣтъ, одного предмета роскоши, винограда и цифры эти убѣдительны.

На сѣверѣ Англіи, на шотландской границѣ, гдѣ уголь стоитъ, только 4 франка за тонну, у отверстія шахты давно уже занимаются разведеніемъ винограда въ теплицахъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ этотъ виноградъ, созрѣвающій въ январѣ, продавался виноградаремъ по 25 франковъ за фунтъ, а къ столу Наполеона III его перепродавали за 50 франковъ. Въ настоящее время то же лицо продаетъ его уже только по 3 франка за фунтъ. Онъ самъ сообщаетъ объ этомъ въ статьѣ, помѣщенной недавно въ одной спеціальной газетѣ. И это потому, что конкуренты посылаютъ тонны за тоннами винограда въ Лондонъ и Парижъ. Благодаря дешевизнѣ угля и разумной культурѣ, виноградъ зимою растетъ на сѣверѣ и путешествуетъ въ обратномъ, противъ обыкновеннаго винограда, направленіи, — на югъ. Въ маѣ англійскій виноградъ и тотъ, который растетъ на островѣ Джерсеѣ, продается садовниками по два франка за фунтъ, и эта цѣна, подобно цѣнѣ въ 50 франковъ тридцать лѣтъ тому назадъ, держится еще только вслѣдствіе слабой конкуренціи. Въ октябрѣ виноградъ, разводимый въ громадныхъ количествахъ

въ окрестностяхъ Лондона,—всегда подъ стекломъ и при нѣкоторомъ искусственномъ нагрѣваніи,—продается по той же цѣнѣ, что и виноградъ, покупаемый по фунтамъ на швейцарскихъ и рейнскихъ виноградникахъ, то есть за нѣсколько су. И это еще слишкомъ дорого, и объясняется чрезвычайно высокой арендой за землю, расходами по обзаведенію и отопленію, на которыхъ садовникъ переплачиваетъ огромную подать промышленнику и посреднику. Такимъ образомъ, можно сказать, что *почти ничего* не стоитъ имѣть осенью прелестный виноградъ подъ широтой и при туманномъ климатѣ Лондона. Въ одномъ изъ его предмѣстій, напримѣръ, дрянная загородка изъ стекла и гипса, прислоненная къ нашему домику и имѣющая 3 метра длины и 2 ширины, даетъ намъ ежегодно въ октябрѣ, вотъ уже третій годъ, около 50 фунтовъ винограда прекраснаго вкуса. Сборъ получается отъ шестилѣтней лозы [1]). Загородка такъ плоха, что дождь проходитъ насквозь. Ночью температура тамъ всегда уличная. Очевидно, что ея не топятъ; топить ее то же, что топить улицу! А требуемый уходъ за нимъ слѣдующій: подрѣзка винограда втеченіе одного получаса въ годъ и подвозка одной тачки навоза, которую опрокидываютъ у подножія лозы, посаженной въ красной глинѣ внѣ загородки.

Если, съ другой стороны, принять во вниманіе чрезвычайный уходъ за виноградниками на берегахъ Рейна и Женевскаго озера, террасы, построенныя камень къ камню на склонахъ береговъ, перевозку навоза и часто земли на высоту двухъ или трехъ сотъ футъ, то въ концѣ придешь къ заключенію, что трата труда, необходимаго для культуры винограда, болѣе значительна въ Швейцаріи или на берегахъ Рейна, чѣмъ подъ стекломъ въ предмѣстьяхъ Лондона.

Это можетъ показаться съ перваго раза парадоксомъ, потому что обыкновенно думаютъ, что виноградъ на югѣ Европы растетъ самъ собою, и трудъ винограларя ничего не стоитъ. Но садовники и огородники не только не опровергаютъ насъ, но, напротивъ, подтверждаютъ наши положенія. «Самое выгодное хозяйство въ Англіи—это виноградарство», сказалъ одинъ опытный садовникъ, редакторъ англійскаго «Журнала Садоводства».

---

[1]) Самая виноградная лоза представляетъ результатъ терпѣливыхъ изысканій двухъ или трехъ поколѣній садовниковъ. Это гамбургская разновидность, удивительно приспособленная къ холоднымъ зимамъ. Она требуетъ зимой мороза, чтобъ дерево созрѣвало.

цѣны, какъ извѣстно, имѣютъ къ тому же свою убѣдительную силу. Переводя эти факты на коммунистическій языкъ, мы можемъ утверждать, что мужчина или женщина, потратившіе изъ своего досуга *часовъ двадцать въ годъ* на уходъ, въ сущности, очень пріятный, за двумя или тремя лозами, посаженными подъ стекло, все равно въ какомъ бы то ни было климатѣ Европы, соберутъ столько винограда, сколько могутъ съѣсть въ ихъ семьѣ, съ друзьями въ придачу. И это вѣрно не только по отношенію къ винограду, но и по отношенію къ плодамъ всѣхъ акклиматизованныхъ плодовыхъ деревьевъ.

Та община, которая будетъ практиковать въ большомъ масштабѣ пріемы мелкой культуры, будетъ имѣть всевозможные овощи, туземные и экзотическіе, и всѣ желаемые фрукты, употребляя на то не болѣе нѣсколькихъ десятковъ часовъ въ годъ на человѣка.

Это—факты, которые завтра же можно испытать на опытѣ. Пусть группа рабочихъ прекратитъ на нѣсколько мѣсяцевъ производство извѣстныхъ предметовъ роскоши и обратитъ свой трудъ на превращеніе ста гектаровъ Женневильерской долины въ рядъ огородовъ, каждый со своимъ теплымъ подъ стекломъ сараемъ, для разсады и молодыхъ растеній; пусть она, кромѣ того, построитъ на пятидесяти гектарахъ экономическія теплицы для добыванія фруктовъ; заботу же о всѣхъ остальныхъ подробностяхъ организаціи слѣдуетъ, очевидно, предоставить опытнымъ садовникамъ и огородникамъ.

Основываясь на джерсейской средней, которая требуетъ отъ 7 до 8 человѣкъ на гектаръ подъ стекломъ,—что составляетъ менѣе 24.000 часовъ труда въ годъ,—содержаніе этихъ 150 гектаровъ потребуетъ каждый годъ около 3.600.000 рабочихъ часовъ. Сто компетентныхъ садовниковъ могли бы затрачивать на эту работу по пяти часовъ въ день, а остальное будетъ сдѣлано людьми, которые, не будучи садовниками по профессіи, умѣютъ владѣть заступомъ, граблями, насосомъ для поливки и наблюдать за печью.

Но этотъ трудъ дастъ по меньшей мѣрѣ,—мы это видѣли въ одной изъ предшествующихъ главъ,—все необходимое и всевозможную роскошь по части плодовъ и овощей на 75.000 или 100.000 человѣкъ. Положимъ, что въ этомъ числѣ есть 36.000 взрослыхъ, желающихъ работать въ огородѣ. Каждый долженъ будетъ, слѣдовательно, посвятить сто часовъ, распредѣ-

ленныхъ на цѣлый годъ. Эти рабочіе часы станутъ часами рекреаціи, проведенными среди друзей, съ дѣтьми, въ великолѣпныхъ садахъ, болѣе великолѣпныхъ, вѣроятно, чѣмъ сады легендарной Семирамиды! [1]).

Вотъ балансъ труда, необходимаго, чтобы люди были въ состояніи до сыта ѣсть фрукты, которыхъ они теперь лишены, и чтобъ имѣть въ изобиліи всѣ овощи, которые мать семейства такъ осторожно распредѣляетъ теперь, потому что ей нужно считать гроши, которыми она обогатитъ землевладѣльца и вампира-домовладѣльца.

О, еслибъ человѣчество сознавало только, что оно *можетъ*, и если бы это сознаніе дало ему силу *хотѣть!*

Еслибъ оно знало, что *робость мысли* есть тотъ подводный камень, о который до настоящаго дня разбивались всѣ революціи!

VI.

Легко предвидѣть новые горизонты, открытые будущей соціальной революціи. Каждый разъ, какъ мы говоримъ о рево-

---

¹) Повторимъ вкратцѣ цифры, которыя были приведены нами относительно сельскаго хозяйства, цифры, доказывающія, что жители двухъ департаментовъ (Сены и Сены-и-Уазы) могутъ отлично жить на своей землѣ, употребляя ежегодно только очень немного времени, чтобъ добыть себѣ пищу.

Департаменты „Сены“ и „Сены-и-Уазы“.

Число жителей въ 1886 году	3.600.000
Поверхность въ гектарахъ	610.000
Среднее число жителей на гектаръ	5,90

Число гектаровъ, которые необходимо воздѣлывать, чтобы прокармливать жителей:

Подъ хлѣбными злаками	200.000
Подъ естественными и искусственными лугами	200.000
Подъ овощами и плодами	10.000
Остается на дома, пути сообщенія, парки, лѣса	200.000

Количество годового труда, необходимаго для улучшенія и воздѣлыванія вышепоименованныхъ площадей (въ пятичасовыхъ рабочихъ дняхъ):

Хлѣбъ (воздѣлываніе и жатва)	15.000.000
Луга, молоко, скотоводство	10.000.000
Огородничество, дорогіе фрукты и пр.	33.000.000
Непредвидѣнное	12.000.000
Итого	70.000.000

Если предположить, что только половина здоровыхъ взрослыхъ (мужчинъ и женщинъ) захочетъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ, то нужно будетъ распредѣлить 70 милліоновъ рабочихъ дней между 1.200.000 лицами, что составляетъ *въ годъ пятьдесятъ восемь пятичасовыхъ рабочихъ дней на каждаго изъ этихъ работниковъ.*

люціи, серьезный труженикъ, видѣвшій дѣтей безъ пищи, нахмуриваетъ брови и упорно повторяетъ:—«А хлѣбъ? Хватитъ ли хлѣба, если всѣ будутъ ѣсть до-сыта? И если деревня, невѣжественная, подъ вліяніемъ реакціи, будетъ морить голодомъ, какъ то дѣлали черныя сотни въ 1793 году,—что тогда будутъ дѣлать?»

Пусть деревня только попробуетъ! Большіе города обойдутся тогда безъ деревни.

Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, будутъ заниматься тѣ сотни тысячъ рабочихъ, которые въ настоящее время задыхаются въ маленькихъ мастерскихъ и мануфактурахъ, въ тотъ день, когда они станутъ свободными? Будутъ ли они послѣ революціи, какъ и прежде, оставаться запертыми на фабрикахъ? Будутъ ли они продолжать дѣлать драгоцѣнныя бездѣлушки для вывоза тогда, когда они, можетъ быть, увидятъ, что хлѣбъ на исходѣ, мясо стало рѣдкостью, а овощи—исчезли и ничѣмъ незамѣнены?

Конечно, нѣтъ! Они выйдутъ изъ города и пойдутъ въ поля! Съ помощью машины, которая позволитъ слабѣйшему изъ нихъ работать физически, они внесутъ революцію въ культуру рабскаго прошлаго, какъ они внесутъ ее въ учрежденія и идеи.

Здѣсь—сотни гектаровъ покроются стекломъ, и мужчина и женщина съ нѣжными пальцами будутъ ухаживать за молодыми растеніями. Тамъ—другія сотни гектаровъ будутъ пахаться паровымъ почво-углубителемъ, удобренныя туками или обогащенныя искусственной почвой, полученной отъ распыленія скалъ. Веселые легіоны случайныхъ земледѣльцевъ покроютъ эти гектары посѣвами, руководимые въ своемъ трудѣ частью тѣми, которые знакомы съ сельскимъ хозяйствомъ, но въ особенности умомъ, великимъ и практическимъ, проснувшагося послѣ долгаго сна народа, которому освѣщаетъ и указываетъ путь этотъ свѣтящійся маякъ—счастье всѣхъ.

И черезъ два или три мѣсяца поспѣшная жатва удовлетворитъ самыя неотложныя потребности и снабдитъ пищею народъ, который послѣ столькихъ вѣковъ ожиданія будетъ наконецъ въ состояніи утолить свой голодъ и ѣсть до-сыта.

Въ это время народный геній, геній воставшаго народа, хорошо знающаго свои потребности, будетъ работать надъ опытами новыхъ способовъ хозяйства, которые уже вырисовыва-

ются на горизонтѣ и которые одного только и требуютъ—крещенія опытомъ, чтобы стать общеупотребительными. Будутъ испытывать свѣтъ, этотъ непризнанный факторъ хозяйства, заставляющій поспѣвать ячмень въ 45 дней на широтѣ Якутска: сконцентрированный или искусственный свѣтъ будетъ соперничать съ теплотою въ дѣлѣ ускоренія роста растеній. Мушо будущаго выдумаетъ машину, которая будетъ управлять лучами солнца и заставитъ ихъ работать, и не зачѣмъ будетъ опускаться въ нѣдра земли, чтобы отыскивать тамъ солнечную теплоту, спрятанную въ каменномъ углѣ. Будутъ испытывать поливку земли культурами микроорганизмовъ,—столь раціональная идея, возникшая со вчерашняго дня, которая позволитъ провести въ почву маленькія живыя клѣточки, необходимыя для растеній, какъ для питанія корешковъ, такъ и для разложенія, въ цѣляхъ ассимиляціи, составныхъ частей почвы.

Будутъ испытывать... но нѣтъ, не пойдемъ дальше; иначе мы очутимся въ области беллетристики. Останемся въ дѣйствительной жизни при добытыхъ фактахъ. Примѣняя уже практикующіеся пріемы хозяйства, лишь въ большомъ масштабѣ, мы, вышедшіе съ сегодняшняго дня побѣдителями изъ борьбы съ торговой конкуренціей, получимъ довольство и роскошь взамѣнъ пріятнаго труда. Близкое будущее покажетъ, что есть практическаго въ грядущихъ завоеваніяхъ, которыя позднѣйшія научныя открытія заставляютъ предвидѣть.

А теперь мы ограничиваемся тѣмъ, что открываемъ новый путь, состоящій въ изученіи потребностей и способовъ ихъ удовлетворенія.

Единственное, чего можетъ не хватить революціи, это смѣлости иниціативы.

Притупленные нашими учрежденіями въ школѣ, порабощенные прошедшему въ зрѣломъ возрастѣ и оставаясь такими до могилы, мы почти не смѣемъ думать. Идетъ, положимъ, вопросъ о новой идеѣ. Прежде чѣмъ составить мнѣніе, мы справляемся со старыми столѣтними книжицами, чтобъ узнать, что прежніе ученые думали по этому предмету.

Если смѣлости мысли и иниціативы будетъ достаточно у революціи, то и жизненныхъ припасовъ будетъ достаточно.

Изъ всѣхъ великихъ дней великой революціи самый прекрасный, самый великій, который навсегда останется запечатлѣннымъ въ умахъ, былъ тотъ, когда федераты, сбѣ-

жавшіеся со всѣхъ сторонъ, стали копать землю на Марсовомъ полѣ, чтобъ приготовить праздникъ.

Въ этотъ день Франція была *единая*; одушевленная новымъ духомъ, она прозрѣла будущее, которое открывалось передъ нею въ общемъ трудѣ надъ землею.

И посредствомъ общаго же труда надъ землею освобожденныя общества снова обрѣтутъ свое единство и уничтожатъ ненависть и угнетенія, которыя ихъ раздѣляютъ.

Понимая отнынѣ все значеніе солидарности, этой громадной силы, которая увеличиваетъ во сто разъ энергію и творческія силы человѣка, новое общество пойдетъ къ завоеванію будущаго со всей энергіей молодости.

Прекративъ производство для неизвѣстныхъ покупателей и принявъ во вниманіе потребности и вкусы своей собственной среды, общество щедро обезпечитъ жизнь и довольство каждому изъ своихъ членовъ; и въ то же время каждый будетъ испытывать нравственное удовлетвореніе, которое даетъ свободно избранный и свободно исполненный трудъ, и радость, что онъ въ состояніи жить, не посягая на жизнь другихъ. Воодушевленные новой смѣлостью, питаемою чувствомъ солидарности, всѣ пойдутъ вмѣстѣ на завоеваніе высокихъ наслажденій знанія и художественнаго творчества.

Обществу, настроенному такимъ образомъ, нечего бояться ни смутъ внутри, ни враговъ со стороны. Коалиціямъ въ защиту прошедшаго оно противопоставитъ свою любовь къ новому порядку, смѣлую иниціативу каждаго и всѣхъ, свою силу, ставшую геркулесовскою вслѣдствіе пробужденія народнаго генія.

Передъ этой несокрушимой силой «короли-заговорщики» ничего не подѣлаютъ. Имъ останется только преклониться передъ нею, припречься къ колесницѣ человѣчества, катящейся къ новымъ горизонтамъ, отчасти раскрытымъ соціальной революціей.